

Боб Гарсиа

Завещание Шерлока Холмса

Памяти Джереми Бретта

Я сидел у камина в маленькой квартирке на Бейкер-стрит, терзаемый безграничной меланхолией. Рядом стояло кресло Шерлока Холмса – оно опустело навеки. Нависшие над Лондоном густые, тяжелые облака придавали городу унылый вид. Приглушенные звуки улицы казались такими же мрачными, как звуки похоронной процессии. Я остался один. Меня одолевали воспоминания, и я готов был расплакаться.

Ужасная новость стала известна ночью. Каждая газета спешила отдать дань уважения моему товарищу. Сиюминутные знаменитости, воспользовавшись всеобщей горячкой, вспоминали о былых встречах с гениальным детективом и чуть ли не причисляли себя к его самым близким людям. Химики, криминалисты, ученые воспевали его талант и твердили о неocenимом вкладе вдохновенного самоучки в развитие самых разных областей науки. Никогда за всю свою жизнь Шерлок Холмс не удостоивался таких похвал. Он умер, так и не узнав, что у него столько друзей.

Но я, доктор Джон Х. Ватсон, знал наверняка: в действительности лишь немногие могут похвастать тем, что были с ним по-настоящему близки. Скольких верных друзей ему не хватало? Рассчитывать на помощь и поддержку своей семье ему почти не приходилось. Я знал лишь его брата, Майкрофта. Этот человек, казалось, так же был лишен сантиментов и человеческого тепла, как и мой несчастный друг.

По городу поползли слухи о причине его смерти. Одни полагали, что он умер за рабочим столом, как настоящий мученик науки. Другие были уверены, что всему причиной наркотики.

Пресса вдохновилась этим событием и придумывала все новые невероятные сценарии. Воображению журналистов не было предела. Так, стало известно из достоверного источника, что Шерлок Холмс, тестируя изобретенный им состав, погиб в ванной, наполненной соляной кислотой. Были и менее страшные версии: скончался от укуса пчелы, в пылу своего любимого занятия; собирая вишни, упал с лестницы и разбил затылок; задохнулся, проглотив рыбную косточку. В журнале для молодых девиц появилось сообщение о том, что Холмс, несмотря на свой возраст, скончался от несчастной любви; а один журнал опубликовал сенсационную новость, что он умер от сердечного приступа, узнав, что профессор Мориарти – его сводный брат. Наконец, оптимисты уверяли, что он все еще жив. Действительно, опознание тела Холмса нельзя было назвать безоговорочным. А именно: в глубине подвала его дома в наполненной кислотой ванной было обнаружено нечто желатинообразное. Это нечто лишь весьма отдаленно напоминало человеческое существо.

Но и этого журналистам показалось мало, и они поставили под сомнение мои мемуары! Одна ежедневная газета, которая не могла похвастать широким кругом читателей, утверждала, что Шерлока Холмса никогда не существовало и что его смерть (как и жизнь) – плод неисчерпаемой фантазии его так называемого биографа. У нее даже нашлись тому доказательства. Другая газета хотя и признавала, что Шерлок Холмс – не миф, но ставила мне в упрек то, что я якобы скрыл от общественности его многочисленные неудачи. В действительности же мой друг исключительно редко терпел поражения, и я рассказывал о них так же откровенно, как и о его успехах.

Все это было на моей совести. Я всегда старался одинаково достоверно излагать подробности всех приключений моего знаменитого друга. За одним исключением, однако. Холмс запретил мне публиковать серию мрачных дел, которые я собрал в сборнике под условным названием «Ужас над Лондоном». Мой друг попросил у меня разрешения забрать эти заметки, чтобы внести в них некоторые подробности. Я, разумеется, выполнил его просьбу, которую считал вполне правомерной, но с тех пор больше никогда не видел своего сочинения. За исключением этой детали ничто не мешает мне считать себя официальным и исчерпывающим биографом знаменитого Шерлока Холмса.

Что касается его смерти, то в ней я не видел ничего загадочного. Было совершенно ясно: Шерлок умер от скуки. Оставив свою интересную профессию много лет назад, мой товарищ жил в полном уединении в загородном доме, изредка выбираясь за его пределы. Состояние его здоровья действительно вызывало опасения, и, несмотря на мои регулярные предупреждения, он продолжал принимать наркотики. За все время его уединенного существования я лишь однажды навестил его, спустя несколько лет после нашего расставания. Эта последняя встреча была настолько мучительной, что мне и по сей день больно вспоминать о ней.

Вот какие мысли блуждали в моей голове, когда звук колокольчика с первого этажа вернул меня к действительности. Прошло несколько минут, прежде чем миссис Хадсон, давно утратившая былую подвижность, прихрамывая и тяжело дыша, принесла мне письмо. Я

прочел:

«Дорогой доктор Ватсон!

Наш покойный друг, мистер Шерлок Холмс, поручил мне пригласить Вас на чтение его завещания. Прошу Вас быть в моей конторе завтра ровно в 10 часов утра. Дата и время были установлены самим мистером Холмсом.

Мэтр Уильям Олборн, нотариус, Линкольнз-Инн, 23».

Это письмо согрело мне душу. То, что мой друг приглашал меня на чтение своего завещания, означало, что он не забыл обо мне, несмотря на драматические события, сопровождавшие наше расставание.

Я заснул поздней ночью. Меня одолевало небывалое беспокойство. Я и не предполагал, что Шерлок Холмс вовлечет меня в самое невероятное приключение из всех, которые мне суждено пережить.

Экипаж подъехал к Чансери-лейн, и я оказался у входа в большой сквер, именуемый Линкольнз-Инн-филдз. Это место почти не изменилось. Царящие в нем покой и тишина казались еще полнее на фоне грохота соседних улиц. Парк, чудом уцелевший в водовороте лет, напоминал монастырский сад. С одной его стороны стояло величественное древнее здание; в низких постройках, окружавших его, находились канцелярии адвокатов и нотариусов, имевших самую лучшую и древнюю репутацию в столице. В углу сквера широкая мраморная лестница вела в канцелярию нашего старинного друга, мэтра Уильяма Олборна.

Опираясь на трость и забыв о ревматизме, дрожа от нетерпения, я бодро преодолел два этажа и оказался в назначенном месте в 9 часов 50 минут.

Клерк проводил меня в огромный кабинет, где ничего не изменилось со времени моего последнего визита – пятнадцать лет назад. Сквозь матовые стекла высоких окон в помещение проникал сине-зеленый свет, придавая комнате сходство с часовней. Все здесь казалось застывшим навеки. На потолке, позолоченном и отделанном под мрамор, висела большая хрустальная люстра. Вся мебель, начиная с письменного стола и заканчивая круглым журнальным столиком, не располагала к радужным фантазиям, а воздух пропитался запахом мебельного воска. Высокие стеллажи были заставлены сочинениями в кожаных обложках, которые, казалось, превратились в прах за давностью лет, а развешанные по стенам многочисленные картины с потрескавшейся краской в старинных позолоченных рамах представляли различные виды Лондона и создавали мрачную, почти нездоровую атмосферу.

Настенные часы в углу комнаты уныло смотрели на эти траурные декорации. За спиной мэтра Олборна, в огромном камине елизаветинской эпохи, потрескивал огонь, а висевшие над ним ровным рядом суровые лица предков, целой династии нотариусов, подтверждали вековую компетенцию кабинета Олборна.

Нотариус приветствовал меня с достоинством, соответствующим обстоятельствам. Он, как и все вокруг, не изменился. Разве что на лбу и в уголках глаз появились новые морщины. Выглядел он таким же уставшим и разочарованным, каким я его знал всегда. Работая нотариусом, он отдавал дань традиции и исполнял свой долг по привычке, без особого рвения и радости.

Наша беседа продолжалась уже несколько минут, когда в комнату вошел маленький человечек с пристальным взглядом и крысиным личиком. Каково же было мое удивление! Я не видел его много лет, но, даже если память изменяла мне теперь чаще, чем прежде, я все равно мгновенно узнал Лестрейда. Его лицо, как и раньше, не вызвало у меня особой симпатии. Полицейский скорчил недовольную, презрительную гримасу, свойственную выскочкам, имеющим о себе чрезвычайно высокое мнение. Его восхождение по карьерной лестнице, естественно, только усилило свойственное ему чувство собственного превосходства. Заметив меня, он направился в мою сторону с распростертыми объятиями и, к моему величайшему удивлению, наградил меня страстным поцелуем, будто мы были старыми друзьями, встретившимися после долгой разлуки. По его мнению, так оно и было. Хотя в своих рассказах я никогда не был по отношению к нему слишком милостив.

– Доктор Ватсон, я думал, вас уже нет на свете! – воскликнул он с присущим ему чувством такта.

– Спасибо, это очень тонкая мысль.

– Ну, я хотел сказать... Какая радость узнать, что вы еще живы.

Нотариус наблюдал за нами поверх своего пенсне.

– Думаю, представлять вас не нужно. Вы наверняка хорошо знакомы.

Считая себя главным из нас двоих, Лестрейд ответил:

– В свое время мы были отличной командой, доктор Ватсон и я. Мы ловили преступников и раскрывали самые запутанные дела.

– Вы и я? Кажется, вы забыли кое-кого.

Лестрейд сжал пальцами подбородок и поднял глаза к потолку.

– Ах да! Вы имеете в виду того несчастного детектива-любителя, который недавно скончался.

Сейчас все только и говорят о его былых подвигах.

Это было чересчур.

– Смею вам напомнить, что вы находитесь здесь по приглашению моего покойного друга, Шерлока Холмса.

Правым кулаком он ударил в левую ладонь.

– Шерлок Холмс! Вот имя, которое я никак не мог вспомнить!

Я бросил на него испепеляющий взгляд. Он прищурил глаза и поспешил исправить свой промах.

– Да, это правда. Все эти посмертные знаки внимания, фальшивые похвалы – все это неуместно. Оставим мертвых там, где они есть, и не будем осквернять их память.

Лестрейд едва успел закончить фразу, как в комнату вошел новый посетитель. Если полицейский внешне почти не изменился, то мне понадобилось некоторое время, чтобы узнать во вновь прибывшем Майкрофта Холмса. Привычка сидеть дома отпечаталась на его талии. Полнота придавала ему хмурый вид и некоторую неуклюжесть. Зато его лицо излучало добродушие, а взгляд из-под густых ресниц светился умом. С длинной бородой и густыми седеющими волосами он был похож на библейского патриарха. Его будто окружала аура силы и превосходства. Он поприветствовал нас мимолетной улыбкой и опустил свое потяжелевшее тело в кресло, на которое указал мэтр Олборн.

Нотариус занял место за письменным столом.

– Теперь мы все в сборе и можем начинать, – сказал он.

Лестрейд посмотрел на меня. Должно быть, в его голове возник тот же вопрос: «Все в сборе?» Разве Шерлок Холмс не имеет права быть среди нас? И что он мог завещать троим столь разным людям – Лестрейду, брату Майкрофту и мне?

Нотариус попросил нас проверить конверт, в котором лежало завещание. Мы подтвердили подлинность печати и подписи.

– Перед нами конверт, содержащий завещание мистера Шерлока Холмса. Я прочту вам это завещание, узнав его содержание одновременно с вами.

Он разрезал конверт ножом и вынул из него лист бумаги, исписанный вручную. Мы все ждали, широко раскрыв глаза от нетерпения. Мэтр Олборн с невыносимой медлительностью надел пенсне, откашлялся и принял торжественную позу.

– «Я, Шерлок Холмс, в здравом уме и трезвой памяти, завещаю все свое имущество, а именно свою скрипку, моему любезному другу доктору Ватсону. Дорогому Лестрейду, полицейскому, исполненному уверенности и полному всяческих убеждений, я завещаю свои сомнения и сожаления. Моему дорогому брату я оставляю свои заключения и выводы, которые в нужный момент могут сослужить ему добрую службу. Мэтру Олборну, верному читателю моих приключений и научных работ, я завещаю все свои последние труды, которые дополняют его славную коллекцию. Я прошу всех собравшихся внимательно выслушать рассказ, находящийся в приложении к данному письму. Этот текст должен быть прочтен единожды и целиком мэтром Олборном. Чтение может затянуться, поэтому я взял на себя смелость заказать для вас еду и напитки, чтобы поддержать ваши силы. Такова моя последняя воля». Письмо подписано, датировано и засвидетельствовано двумя свидетелями. Все документы в порядке.

На лице Лестрейда отразились замешательство и недоумение. Майкрофт с мечтательным видом рассматривал потолок. Нотариус так широко раскрыл глаза, что стал похож на сову, захваченную врасплох дневным светом. А я спрашивал себя, какую игру затеял с нами старик Холмс спустя всего несколько дней после своей смерти. Лестрейд внезапно воскликнул:

– Что все это значит? Этот... детектив-самоучка завещает мне свои сомнения и сожаления? Это ведь бессмыслица какая-то!

Майкрофт бросил на него укоризненный взгляд.

– Ну и что с того? Я – его родной брат, и тем не менее не собираюсь поднимать шум из-за этого немного странного завещания.

– Немного странного! – вне себя повторил полицейский.

– Вспомните, что он завещал мне. Какие-то «заключения». Я даже не знаю, что он имел в виду.

Лестрейд поднялся и решительно направился к двери.

– Я уже вышел из возраста загадок и ребяческих шуток!

– Шерлок Холмс, вероятно, хотел сообщить нам что-то важное, – возразил я. – Кроме того, его завещание не такое уж и странное – мне он завещал свою скрипку. Это знак нашей крепкой дружбы. Он даже подумал о завещании для мэтра Олборна!

Нотариус задумчиво почесал кончик носа.

– И правда. Я не ожидал такого подарка. Я действительно был страстным читателем всех его сочинений. Я очень тронут тем, что он не забыл об этом.

– Но где же тот рассказ, о котором говорится в завещании? – спросил я.

Нотариус еще раз опустил руку в пустой конверт, будто надеясь отыскать там что-то еще.

– Да, действительно, где же рассказ? В конверте только письмо, которое я вам прочел.

– Поскольку это достойное сочинение, вероятно, существовало лишь в его воображении, я не вижу ничего, что еще могло бы меня здесь задержать, – заключил Лестрейд.

Не успел полицейский распахнуть дверь кабинета, как столкнулся с двумя клерками, которые держали несколько огромных пакетов.

– Куда положить это, мэтр? – спросил первый. Нотариус удивленно вскинул брови.

– Пища, доставленная по заказу мистера Холмса, – объявил один из клерков. – А рассыльный принес еще приложение к завещанию.

– И конверт, адресованный лично вам, – добавил второй, вздыхая под грузом своей ноши.

Майкрофт Холмс и я обменялись озадаченными взглядами. Поскольку нотариус, похоже, ничего не понимал, первый клерк продолжил:

– Рассыльный сказал, что вы в курсе и что вы ожидаете этот конверт, мэтр.

– Да, конечно, в определенном смысле.

Он указал на лакированный стол из красного дерева рядом с дверью.

– Положите туда пакеты и конверт и подайте мне это пресловутое приложение.

Клерки сложили объемные свертки и исчезли.

Лестрейд, ворча, вернулся в свое кресло. Мэтр Олборн вскрыл конверт.

Нашему взору предстала рукопись не менее чем из тысячи страниц. Мне стало понятно, почему Шерлок Холмс написал в своем завещании: «Чтение может затянуться, поэтому я взял на себя смелость заказать для вас еду и напитки, чтобы поддержать ваши силы».

Нотариус с печальным видом приподнял рукопись на ладони, будто взвешивая ее, и не смог сдержать тяжелого вздоха, оценив объем предстоящей работы. Он посмотрел на часы.

– Ну раз уж такова его последняя воля...

Майкрофт Холмс указал взглядом на свертки с едой и напитками, которые заняли весь стол.

– Мы ведь никуда не спешим. И с голоду уж точно не умрем.

Лестрейд раздосадованно пожал плечами. Судя по выражению его лица, настроение у него было прескверное.

Мэтр Олборн снова надел пенсне и сделал глубокий вдох.

– «Ужас над Лондоном», сочинение доктора Джона Х. Ватсона...

Я подскочил на своем кресле.

– Моя рукопись!

– Вам знаком этот документ, мистер Ватсон?

– Конечно! Это моя рукопись.

– Она не была опубликована?

– Нет. Шерлок Холмс забрал ее у меня. Он собирался внести изменения. В любом случае в том виде, в каком она была, ее нельзя было публиковать. Многие нужно было переделать, а что-то и вовсе удалить...

Мэтр Олборн снова с уважением посмотрел на увесистый труд.

– Вот это все меняет. Неизданное приключение великого детектива. Чтение обещает быть захватывающим.

Лестрейд не разделял его бурного энтузиазма.

– Эта рукопись не содержит ничего, что не было издано. Я знаю все истории, на которые вы намекаете. Мы ведь не собираемся снова прочесть о десятках преступлений только из-за того, что такова последняя воля Шерлока Холмса?

– Не о десятках, их всего пятнадцать. Пятнадцать дел, ни больше ни меньше.

– Ну пятнадцать так пятнадцать, раз уж вам так хочется. Но и это слишком много для дел, которые уже раскрыты. Преступники найдены и...

– Вы в этом уверены?

– Разумеется, ведь именно я вел эти расследования.

– Разумеется.

– Более того, я не понимаю, каким образом это сочинение может являться приложением к завещанию Холмса.

– Действительно, – согласился нотариус, – это довольно необычно.

Майкрофт Холмс бросил на Лестрейда пронизывающий взгляд.

– Это последняя воля моего брата. Мы обязаны уважать ее.

Сказав это, он движением руки попросил нотариуса покориться.

Лестрейд скрестил руки на груди, весь его вид свидетельствовал о крайнем раздражении.

– Чем раньше мы начнем, тем скорее закончим!

Мэтр Олборн откашлялся и приступил к чтению рукописи.

День повис в сумеречной атмосфере, будто забыв заняться. Зиме не было видно конца. На улице едва можно было вздохнуть. Промозглая стужа сковала Лондон. Глаза краснели, легкие были раздражены, дыхание свистело, все щурились и чихали с утра до вечера. Город наполнился зловонием. Туман стал желтым. Угольная пыль с сахаро-рафинадных заводов и с фабрик Ист-Энда придавала строениям погребальный вид, а памятники походили на трубочистов.

С начала холодов в городе было зарегистрировано небывалое число смертей. У Лондона были все шансы побить мрачный рекорд зимы 1886 года, когда 11 500 человек скончались от бронхита, эмфиземы и астмы. Бездомные замерзали десятками. Темза местами покрылась льдом, и сырой холодный ветер гулял по городским улицам.

Даже я, никогда прежде не имевший проблем со здоровьем, не мог до конца излечиться от возвратного тифа.

Обессиленный, я проводил целые дни в нашей квартире в ожидании благоприятных перемен, которые позволили бы мне наконец выйти на улицу. Каждый день моя деятельность ограничивалась описанием приключений моего товарища и чтением модных романов, которые приносил мне мой друг и литературный посредник Лондон Кайл.

В тот вечер я задремал, убаюканный потрескиванием огня в камине и стуком дождя в оконное стекло. Холмс склонился над письменным столом. Он без устали изучал свою картотеку и криминальные архивы.

Мой сон прервал звук колокольчика у входной двери. Почти сразу после этого с лестницы донесся шум торопливых шагов. Мы услышали мужской голос, прерываемый протестами миссис Хадсон:

- ... увидеть мистера Холмса... очень срочно...
- Вытрите ноги... вы ведь все перепачкаете...
- Да оставьте меня... нет времени... дело государственной важности...

Внезапно на пороге нашей комнаты возник великолепнейший экземпляр сыщика, запыхавшийся и обливающийся потом, в сопровождении разъяренной миссис Хадсон.

- Этот господин... - начала она.

Лестрейд не слишком учтиво отстранил нашу хозяйку.

- Холмс, побег! Миллбэнк! Сегодня утром!

Мой друг поднял голову и посмотрел на вновь прибывшего.

- Успокойтесь, друг мой. Сядьте поближе к камину и расскажите, что произошло.

Полицейский отряхнулся, как мокрая собака, и плюхнулся в кресло, издав звук упавшей груды влажного белья. Он хотел вытереть лоб рукавом, но в результате еще больше намочил лицо.

- Заключенный, некий Марк Дьюэн, исчез.
- Когда обнаружили побег?

- Сегодня утром, в начале седьмого. Ночной сторож только ушел, а его дневной коллега приступил к службе. Он обнаружил, что камера номер двадцать четыре пуста, а дверь заперта. Настоящая загадка.

Лестрейд сделал неопределенный жест рукой. Брызги воды оросили паркет.

- Заключенный будто испарился. Тюрьма Миллбэнк знаменита своей надежностью. Оттуда еще никому не удавалось бежать. Нужно отыскать беглеца. Время не терпит.

Холмс набил трубку свежим табаком и закурил.

- Зачем вы молчали 19 часов, прежде чем сообщить мне об этом?

Полицейский поднялся. Он будто ждал этого вопроса.

– Мы... мы обшарили всю тюрьму сверху донизу, весь день искали улики. Мы рассчитывали спросить ночного сторожа, но он не вышел на службу в шесть часов вечера.

Холмс затаился и некоторое время внимательно разглядывал завитки дыма, устремившиеся к потолку.

– В таком случае ваша загадка вовсе не загадка. Его спокойствие раздражало полицейского.

– Вы ведь не хотите сказать, что знаете, где находится заключенный?

Следуя привычке, которая многих выводила из себя, мой друг не ответил прямо на вопрос.

– Отбросьте все нереалистические гипотезы, мой дорогой Лестрейд. Разгадка в той версии, которая останется, даже если она покажется вам невероятной.

Лицо «дорогого Лестрейда» в тот момент выражало изумление и досаду. Что касается меня, то я уже давно потерял способность удивляться чему бы то ни было. Кроме того, мне было хорошо известно, что мой товарищ не даст никакого объяснения, прежде чем не убедится в достоверности своих гипотез.

Холмс встал, потянулся, надел пальто, старательно застегнул его до самого воротника и неторопливо направился к двери. Лестрейд, громко топая, устремился за ним.

Удача улыбнулась нам. Свободный экипаж проезжал мимо дома 221b именно в тот момент, когда мы из него вышли. Несмотря на проливной дождь и скользкую дорогу, Лестрейд приказал кучеру гнать во весь опор. В течение поездки наш друг тщетно пытался высушить свою одежду, проклиная погоду. Я краем глаза наблюдал за Холмсом. Казалось, он дремал. Но я знал, что мозг его работает в полную силу. Чего бы я только ни отдал, чтобы хоть на мгновение проникнуть в мысли этого невероятного механизма дедукции!

Исправительная тюрьма Миллбэнк стояла на месте крепости, построенной в двенадцатом веке. С зубчатыми башнями, бойницами и стенами из строительного камня, износившимися со временем, она, казалось, выплыла из густых туманов Средневековья. Не хватало только подъемного моста и водяного рва, чтобы дополнить это впечатление средневекового замка.

Нас встретил – если здесь уместно это слово – толстый, неряшливо одетый человек. Мясистые багровые щеки свисали с обеих сторон его тупого лица, почти голый череп походил на тундру, усеянную шальными прядями, колышущимися на ветру. Каждый его жест вызывал волну, сотрясавшую жир на руках и животе. Он нерешительно протянул нам руку, влажную от пота.

– Балтимор Компостел, начальник тюрьмы. Вы не сообщили о своем визите заранее.

Мягко говоря, наше присутствие не вызывало у него энтузиазма. Его блуждающий взгляд походил на взгляд мальчишки, который наделал глупостей и теперь трясется от страха, зная, что его будут ругать. То и дело вытирая пот со лба куском тряпки, которая прежде, видимо, была носовым платком, он быстро пробормотал, едва переводя дух:

– Мы имеем дело с неразрешимой загадкой, мистер Холмс. Этого никак не могло произойти. Еще никто не убежал из Миллбэнк и...

Холмс остановил его движением руки.

– Я знаю, Лестрейд мне уже все рассказал.

– ... последствия этого могут быть весьма трагическими, – продолжал человек, не сбавляя темпа. – Заключенные Миллбэнк – самые опасные преступники во всей Англии.

Раз уж на то пошло, почему бы не на всей планете? Мне показалось, что он слегка сгущает краски. Это ведь не первый случай в Англии, когда уголовник сбежал из тюрьмы.

Несмотря на холод, Компостел был потным, как бык. Впрочем, чем дольше я наблюдал за ним, тем большим казалось его сходство с этим животным. Источаемый им мускусный запах лишь усиливал сходство. Его тело окружала тошнотворная дымка, будто он только что вернулся с пахоты. Едва переставляя ноги, он побрел к одной из башен.

– Я провожу вас к камере, из которой он сбежал.

Следуя за ним по мрачным и влажным закоулкам, Холмс обрушил на него шквал вопросов:

- У кого-нибудь была возможность проникнуть в тюрьму этой ночью?
- Нет, это исключено. Наши механизмы безопасности непреодолимы. В Миллбэнк невозможно ни войти, ни выйти из него с 18 часов вечера до 6 часов утра.
- Ну что я вам говорил! – воскликнул Лестрейд, завершив высказывание громким чихом.
- На каждом этаже сторожа, – продолжал Балтимор Компостел, – а решетки запирают снаружи висячими замками. Далее сторож не может выйти. Кроме того, все выходы тюрьмы запираются и находятся под охраной днем и ночью.
- Ночной сторож заметил что-нибудь необычное во время своей смены?
- Мне об этом ничего не известно. Во всяком случае, он не сделал никаких записей в своем реестре.
- Чем он занимался в ночь перед побегом?
- Кажется, он заходил к заключенному в камеру номер двадцать четыре. После этого вернулся на пост охраны. Какое-то время он общался через решетку со сторожем срединного блока, а затем занялся чтением книги при свете свечи и читал до прихода дневного сторожа.
- Что известно о сбежавшем заключенном?
- Некий Марк Дьюэн, тридцати девяти лет, адвокат, осужден на два года за долги.

Холмс озадаченно нахмурил брови.

- За долги? Вы же сказали, что этот человек очень опасен...

Компостел смешался.

- Ну да, то есть нет. Я хотел сказать, что наши преступники в большинстве своем очень опасны. Но ради своей репутации мы должны поймать этого беглеца. Вы понимаете?

Мы понимали это так же хорошо, как и то, что этот человек что-то от нас скрывает.

- Удалось ли вам обнаружить в камере какие-нибудь улики? – спросил Холмс.

Компостел порылся в кармане своей куртки и протянул Холмсу клочок отсыревшей бумаги.

- Да. Эту записку мы нашли на его койке. Мой товарищ громко прочел: «Моя месть будет соизмерима с моими страданиями. Мои мучители познают муки ада. Я разыграю перед ними кровавый до тошноты спектакль. Быть может, тогда они поймут, что мне пришлось пережить». Великолепно. Когда Марк Дьюэн должен был выйти из тюрьмы?

- Через два дня.

Холмс округлил от удивления глаза.

- Но зачем же ему потребовалось бежать всего за два дня до освобождения?

Компостел снова вытер пот со лба.

- Не знаю.
- А сторож – что вы можете сказать о стороже?

Начальник тюрьмы медлил с ответом, будто опасаясь за последствия своих слов.

- Сторож? Реджинальд Фостер. Образец серьезности и пунктуальности.

Тем временем мы дошли до камеры 24. Это было мрачное помещение эпохи феодализма с массивной деревянной дверью. Петельные крюки и замок, должно быть, были делом рук великанов. Крошечное окошко с толстыми прутьями решетки – вот все, что соединяло камеру с внешним миром. Температура воздуха в камере едва превышала пять градусов. Свет дня лишь изредка достигал заключенного, а сквозь стены толщиной по меньшей мере в метр сочилась вода. Пол был покрыт темно-красной плиткой, грязной и плохо подогнанной.

Заплесневелое убогое ложе составляло единственный предмет мебели этого помещения.

Холмс прекратил расспрашивать Компостела. Он вдруг встал на четвереньки и стал изучать пол при помощи огромной лупы, с которой никогда не расставался. Переползая из одного угла камеры в другой, он негромко похрюкивал, как свинья в поисках трюфелей. Заглянув под кровать, он принялся скрести плитку, уж не знаю, зачем ему это понадобилось. Компостел растерянно следил за его перемещениями.

Иногда исследования моего друга могли длиться несколько часов, но на этот раз спустя несколько минут он уже был на ногах.

– Заключенный покинул здание тюрьмы через главный выход на глазах у всех в шесть часов утра.

Тело директора тюрьмы будто обмякло. Лестрейд, который никогда не боялся лишний раз повториться, высказал на редкость оригинальное возражение:

– Это невозможно. Вам ведь сказали, что еще никому *никогда* не удавалось бежать из Миллбэнк!

Холмс отмахнулся от этого замечания и повернулся к директору.

– Где в настоящий момент находится ночной сторож?

Взгляд Компостела затерялся где-то в углу камеры.

– Мы не знаем. Он должен был выйти на службу сегодня в 18 часов, но его до сих пор нет.

Холмс ткнул указательным пальцем, будто карательным жезлом, в сторону разгоряченного тела быка.

– Он больше никогда не выйдет на службу, и вы это прекрасно знаете!

Директор тяжело опустил свое громоздкое тело на кровать, которая заскрипела под таким непривычным грузом. Это ужасное недоразумение открылось ему в тот же момент, что и мне: заключенному удалось бежать, заняв место охранника.

Балтимор Компостел спросил бесцветным голосом:

– Но если Дьюэн сбежал, то где же Фостер?

– Он прямо под вами, – произнес Холмс, – это очевидно.

Компостел вскочил с кровати, будто подброшенный пружиной. На его лице отразилась настоящая паника.

Резким движением Холмс отодвинул кровать от стены, открыв нашему взору место, где выложенный плиткой пол был особенно неровным. Он без малейшего труда снял несколько плиток с помощью инструмента для чистки трубок, затем попросил принести ему лопату и принялся копать землю.

То, что мы обнаружили, было ужаснее всего, что мне довелось видеть за свою жизнь, включая страшную войну в Афганистане. Тело несчастного, покоившегося там, было страшно изуродовано. Лестрейд, мертвенно-бледный, с разинутым ртом, протирает глаза. Начальник отвел взгляд и вышел из камеры, схватившись за живот. Холмса, казалось, его находка вовсе не удивила. Он только сказал:

– Интересно.

Я не видел ничего интересного в этой отвратительной гробнице. Мой товарищ засучил рукава и продолжил раскопки голыми руками. С помощью старого сторожа, наиболее загрубевшего из всех нас, он раскопал несколько сломанных костей с бесформенными клочками мяса, а затем страшно развороченное тело. Холмс извлек из трясины разорванные куски тела, покрытые клочками грязной одежды и торфом. Наконец он достал голову, или то, что от нее осталось. Холмс попытался очистить ее как можно лучше. На лбу виднелась странная отметина, по форме напоминающая крест. Преступник, должно быть, убил жертву, перед тем как разрубить ее на части.

Проделав эту сложную работу, Холмс попытался сложить тело из этих жалких человеческих

останков. Внезапно Лестрейд выбежал из камеры, будто он зашел сюда только для того, чтобы посмотреть, что тут происходит. Что касается меня, то мне огромного труда стоило бороться с приступами тошноты.

Холмс вырвал длинный нож из бесформенной массы тела и тихо повторил:

– Интересно.

Он продолжал копаться в земле, извлекая мельчайшие объекты, которые затем вытирал и рассматривал под лупой. После этого он повернулся к старику-сторожу, готовому оказать ему помощь, и кивком указал на труп:

– Вы узнаете в нем Фостера?

Сторож развел руками, будто извиняясь.

– Не могу вам сказать. Я так ни разу и не разглядел его как следует, с тех пор как он появился здесь. В камере всегда полумрак.

– А этот Марк Дьюэн – он когда-нибудь убивал?

– Маловероятно.

– Почему вы так думаете?

– За тридцать лет службы в тюрьме я многих преступников перевидал. Этот, возможно, и был самым злостным грабителем, но вид крови пугал его. Помню, как-то раз ему нужно было выдрать два коренных зуба, здесь и здесь.

Сторож вытер руки о полы куртки, широко раскрыл рот и показал на свои зубы. Мы так и не поняли, о каких именно зубах он говорил.

– Он предпочитал умереть от страданий, чем попасть к тюремному дантисту. Уже за неделю до этого он дрожал от страха. Надо заметить, у нашего дантиста действительно репутация не из лучших.

Лоб Холмса прорезала складка.

– Его навещали родители или родственники?

– Нет. Визиты в нашей тюрьме крайне редки, и начальник делает все, чтобы свести их к минимуму. Да у Дьюэна и не было семьи.

– Водился ли он с кем-нибудь из заключенных?

– Это невозможно. Заключенные не могут обмениваться и словом. Устав тюрьмы это запрещает.

– Даже во время ежедневной прогулки?

– Да. Заключенные надевают капюшоны, мешающие им общаться. И сторожа не имеют права с ними заговаривать, особенно новички.

Холмс приподнял брови.

– Новички? – Он указал на труп.

– Да, несчастный Реджинальд Фостер, которого мы только что откопали. Недолго ему пришлось отслужить.

– Недолго? Сколько же?

– Вчера был его первый день.

Холмс вскочил и тотчас окликнул директора тюрьмы, который ожидал нас в коридоре.

Балтимор Компостел вернулся в камеру, бледный как призрак. Он закрывал рот тряпкой, которая служила ему носовым платком. Я заметил, что он избегает смотреть моему другу в глаза.

Холмс резко спросил:

– Вы можете опознать этого человека?

Компостел подавил приступ тошноты и бросил быстрый взгляд на труп.

– Это он. Фостер.

Ему не терпелось быстрее покончить со всем этим.

– Спасибо за все, мистер Холмс. Я... я не смею более злоупотреблять вашим временем.

Холмс выпрямился и смерил быка с головы до ног взглядом ястреба, готового броситься на добычу. Вены на его шее вздулись.

– Не следовало тем более злоупотреблять моим доверием!

Компостел вжался в стену.

– Я... я не понимаю.

Холмс смотрел начальнику прямо в глаза.

– Вы не все рассказали мне о Реджинальде Фостере, – он скрестил руки на груди. – Я жду ваших объяснений.

Компостел обмяк на глазах.

– Если вы узнали о Фостере, то и все остальное разгадаете рано или поздно. Вы ведь для этого здесь, не так ли?

– Так говорите же! – воскликнул Холмс, топнув от нетерпения.

Директор тюрьмы испуганно покосился на дверь и приблизил к нам свою потную голову. От резкого запаха пота мы шагнули назад.

– Этот сторож был назначен на пост вашим братом.

Холмс содрогнулся.

– Майкрофтом?

– Да. На самом деле он был журналистом и вел тайное расследование.

– Почему этот Фостер заинтересовался Дьюэном?

– Понятия не имею.

Толстяк собирался опустить глаза, но Холмс снова поймал его взгляд.

– Почему вы хотите скрыть от меня все это?

Компостел опустил голову. Его щеки почти коснулись груди.

– Майкрофт Холмс попросил меня никому не говорить об этом, особенно вам. Даже Лестрейду.

По дороге домой, в экипаже, меня неотступно преследовала жуткая картина изуродованного перепачканного тела. Мой желудок сжался от страха. Я старался отделаться от этого кошмара, сконцентрировав внимание на мельчайших проявлениях бурлящей вокруг жизни: на стуке дождя по крыше экипажа, грохоте колес по мостовой, цокоте копыт нашей упряжки.

Холмс, казалось, был всецело погружен в свои мысли. Я обратился к нему, желая услышать скорее успокаивающий голос моего друга, нежели его мнение об этом зверском преступлении.

– Холмс, как вы узнали?

– Как обычно, мой дорогой Ватсон, методом исключения. Во-первых, было известно, что побег из Миллбэнк невозможен, нам то и дело твердили об этом. Во-вторых, заключенный не прятался внутри тюрьмы, иначе его обнаружили бы в ходе системного обыска. В-третьих, единственные люди, имеющие право входить на территорию тюрьмы и покидать ее в строго определенные часы, – это сторожа. Итак, остается лишь одно объяснение: заключенный Марк Дьюэн убил вошедшего к нему Реджинальда Фостера, раздел его, расчленил труп при помощи ножа и закопал под кроватью. После этого он преспокойно переоделся в костюм сторожа и вышел через главный вход в начале седьмого утра.

– А как у Дьюэна оказался нож?

– Пока у меня нет ни малейшего представления об этом. Но я непременно задам этот вопрос Дьюэну, как только встречу с ним.

Мой вопрос был на редкость глупым, и Холмс дал мне это понять.

Мы проехали еще четверть часа. Новый вопрос не давал мне покоя:

– А как вы узнали, что тело сторожа зарыто под кроватью, Холмс?

– Это самое незаметное место во всей камере и самое подходящее. Быстрый осмотр пола показал, что примерно на одном квадратном метре плитки были сняты и вновь уложены. Я знал, что тело расчленено, еще до того, как нашел его. Но я не видел необходимости упоминать эту деталь.

Деталь! Холмс умел иногда выразиться! Он свел ужасное убийство к обычной математической задачке.

Экипаж остановился у дома 221b. Мы рассчитались с кучером и спустя несколько мгновений очутились в нашей гостиной, окутавшей нас живительным теплом. Холмс закурил трубку и опустился в свое кресло так спокойно, будто не выходил из этой комнаты и ничего не произошло. У меня же было еще много вопросов, требующих разъяснения.

– Мне все же кажется невероятным, что никто так и не заметил подмены.

– Вы правы, Ватсон, это невероятно. Но факты говорят сами за себя.

Холмс откинул голову, закрыл глаза и продолжил объяснение в форме монолога, будто мысленно воссоздавая картину преступления.

– Дьюэн надел форму смотрителя и занял место на посту охраны. Несколько минут он общался со сторожем соседнего блока. Затем он уселся читать при свете свечи, ожидая конца смены, чтобы исчезнуть.

– И за все это время он ни у кого не вызвал подозрений?

– В тюрьме в шесть часов утра еще темно. День начинается не раньше восьми. Да и после этого тюрьму вряд ли заливают ослепительный свет, – вы ведь видели, какие там окна.

Я никак не мог взять в толк, как эта оригинальная подмена могла остаться незамеченной для всех служащих тюрьмы, самых надежных в Англии.

Мы долго молчали, погруженные в свои мысли.

– Но каким образом ваш брат замешан во всей этой истории? И как ему удалось назначить журналиста на пост тюремного сторожа? – наконец спросил я.

- Должно быть, такого рода дела входят в его обязанности.
- Его... обязанности? Ваш брат всегда был для меня загадкой.
- Однако вам удалось нарисовать его вполне правдивый портрет в «Случае с переводчиком» и «Чертежах Брюса Партингтона».
- Да, но там ничего не говорилось о его профессии.
- Напротив. Вы сказали об этом больше, чем вам кажется.

Холмс вдруг поднялся, схватил деревянную линейку и ударил ею по раскрытой ладони, будто возвещая о начале урока.

- Разве вы не писали, что Майкрофт - домосед и не слишком словоохотлив? Что он практически не выходит из клуба «Диоген», где проводит целые дни в почти монастырской тишине?

- Да, разумеется, но...

- Вы также упомянули о том, что Майкрофт близок к правительству, где прислушиваются к его авторитетному мнению.

- Конечно.

- А что вам известно о его интеллекте?

- Вы же сами уже сказали, Холмс: рискуя обидеть вас, следует все же заметить, что он превосходит вас в присущих вам талантах рассудительности и размышления, что позволило ему достичь уровня, о котором я даже не осмелюсь заговорить.

Холмс вовсе не казался оскорбленным.

- Вот видите, Ватсон, вы и сами все знаете. Теперь вам нетрудно будет разгадать эту милую загадку, назвав точную должность Майкрофта и место, где он ее исполняет.

Холмс бросил линейку на письменный стол и вернулся в свое кресло. Он курил трубку и наблюдал за кольцами дыма, поднимающимися к потолку. Прошло несколько минут. Поняв, что мой товарищ не собирается ничего добавлять к вышесказанному, я попытался сам разгадать эту «милую загадку».

Балтимор Компостел сказал: «Фостер вел секретный опрос»...

В течение нескольких минут я ломал голову.

Разгадка вдруг пришла сама собой: Майкрофт Холмс принадлежал секретной службе Ее Величества королевы Англии. А клуб «Диоген» - место, где он нес службу!

Удивленный внезапной очевидностью моей дедукции, я не мог сдержать эмоций:

- Так вот оно что!
- Четыре минуты, - объявил Холмс, сверившись с карманными часами.
- Что вы сказали?
- Вам потребовалось ровно четыре минуты, чтобы найти решение, мой дорогой Ватсон.
- Да, да, разумеется, Холмс. Это ведь на самом деле достаточно очевидно. Думаю, вам придется попросить объяснений у вашего брата.
- Это я сделаю в последнюю очередь. Помните, что сказал нам начальник тюрьмы: «Майкрофт Холмс попросил меня не говорить об этом никому, особенно вам». Я хорошо знаю Майкрофта. У него наверняка были веские причины, чтобы не вовлекать меня в это дело. В лучшем случае он мне ничего не расскажет. В худшем - помешает моим запросам и не позволит добраться до его материалов.

Мой друг нахмурил брови и соединил кончики пальцев, как он делал каждый раз, когда погружался в решение сложной задачи.

– Главные вопросы еще впереди, Ватсон. И я не уверен, что Майкрофт знает на них ответы, иначе зачем ему подсылать лазутчика. Прежде всего следует выяснить мотив этого преступления.

– Если верить записке, оставленной Дьюэном, это убийство из мести.

Холмс закрыл глаза и прочел по памяти:

– «Моя месть будет соизмерима с моими страданиями. Мои мучители познают муки ада. Я разыграю перед ними кровавый до тошноты спектакль. Быть может, тогда они поймут, что мне пришлось пережить». «Мои мучители...» – этим он хотел сказать, что последуют новые убийства?

– Если это так, то мы скоро об этом узнаем.

На следующий день после этих страшных событий Холмс ушел из дому очень рано, оставив мне записку на столе в гостиной:

«Мой дорогой Ватсон, уйду почти на весь день. Мне нужно собрать как можно больше сведений об этом Марке Дьюэне.

Вы говорили о вашем намерении остаться сегодня дома, чтобы, внести изменения в текст одного старого дела, которое вы очень мило окрестили как „Скандал в Богемии“. Хочу попросить вас о небольшом одолжении. Мой друг, нотариус, мэтр Уильям Олборн, зайдет к вам ненадолго во второй половине дня за сочинениями, которые я ему давно обещал. Не могли бы вы принять его? Мне кажется, ему не терпится познакомиться с вами.

Вы очень меня обяжете, уделив ему немного времени. Этот господин – мой старый знакомый и один из моих первых клиентов.

Заранее вам благодарен,

Шерлок Холмс».

Само собой разумеется, я не мог отказать в этой услуге моему другу. К тому же это был хороший повод развеяться.

На самом деле моя работа над «Скандалом в Богемии» была завершена. Моего издателя, Джорджа Ньюнса, неотступно преследовала идея издать многие старые рассказы отдельной книгой в связи с требованием огорченных читателей, не успевших прочесть их в журнале «Стрэнд». Ньюнс собирался воспользоваться сменой формата издания, для того чтобы позволить мне внести в текст дополнения, запрещенные в оригинальном издании. В данный момент я должен был составить сокращенный вариант рассказов, завладев которым Ньюнс заставил бы читателей мучиться тягостным ожиданием.

Мэтр Олборн переступил порог нашей квартиры во второй половине дня, как и было обещано. Я ожидал увидеть толстяка, разменявшего шестой десяток, плешивого и напыщенного. Каково же было мое удивление, когда я увидел стройного и элегантного мужчину в метр семьдесят ростом. На вид ему было не более тридцати пяти лет. Он производил неоднозначное, странное впечатление. Его лицо, честное и безукоризненное, хотя и слишком серьезное, немного портило выражение легкой грусти и задумчивости. Его глаза цвета темного каштана казались такими же черными, как и его густые волосы. Если бы Холмс не предупредил меня, я ни за что не догадался бы о профессии этого человека. Я принял бы его за актера, исполняющего романтические роли, или за светского обольстителя.

Мэтр Олборн прочел изумление в моих глазах.

– Я не вполне отвечаю вашим представлениям о среднем английском нотариусе, не правда ли, доктор Ватсон?

– Как вам сказать, если честно...

– Не смущайтесь, это обычная история. Мало кто может подумать, что я занимаюсь этим делом, я и сам иногда в этом сомневаюсь.

Нотариус сел в кресло, которое я ему предложил. Миссис Хадсон принесла нам чай.

– Видите ли, – продолжал он, будто в подтверждение сказанного, – я родом из старинной династии нотариусов. Будучи старшим, я перенял дело своего отца, как он в свое время продолжил дело его отца. Это одно из преимуществ, но и недостатков старших. Мой отец, видите ли, не позволил мне выбрать свою карьеру! А мне тем не менее... – Он сделал паузу, будто раздумывая, стоит ли продолжать.

– А вам?..

– А мне хотелось стать художником или писателем. Я даже ходил на курсы живописи и на театральные курсы... без ведома отца, разумеется. Преподаватели весьма положительно отзывались о моих способностях. Еще я мечтал быть авантюристом, искателем приключений, чтобы потом рассказывать о своих подвигах всему свету. Короче говоря, я хотел быть всем, кроме нотариуса. Вы понимаете?

– Да, понимаю.

На самом деле мне было непросто понять его. Я, сын простого трудяги, разумеется, предпочел бы вести беззаботную счастливую жизнь нотариуса, полную роскоши и изобилия, чем потратить лучшие годы на полях битв в Афганистане.

Уильям Олборн отпил глоток чая и изящно поставил чашку на место.

– Как же я вам завидую и как восхищаюсь вами, доктор Ватсон.

– Мной?

– Да, вами. Вы не знаете, как вам повезло, что вы имеете возможность вести столь насыщенную событиями жизнь рядом с таким гением, как Шерлок Холмс.

– Ну, наша жизнь не всегда такая уж насыщенная. Иногда приходится коротать долгие дни в полной бездеятельности. Скука нередко навещает и к нам.

– Разумеется, но ваши расследования с лихвой компенсируют периоды меньшей активности. Кроме того, все это прекрасно отражено в ваших рассказах, доктор Ватсон. Ваше умение вести повествование заслуживает всяческих похвал. Вам удается захватить читателя, передать мельчайшие детали и увлекательно описать поступки героев. Я проводил бессонные ночи, читая ваши сочинения, не в силах закрыть книгу ранее, чем дойдя до слова «конец». Многие отрывки я могу прочесть наизусть. Расследования Шерлока Холмса немного стоят без вашего таланта биографа. Я почувствовал, что краснею. За всю жизнь я не слышал стольких похвал в свою честь. Мне стало неловко за то смирение, которое я всегда испытывал в общении с моим блестящим товарищем. И я стал сомневаться в своей интеллектуальной отсталости.

– Как вам удается держать читателя в таком напряжении, доктор Ватсон?

– Признаюсь, я никогда не думал об этом. Я просто излагаю события в хронологическом порядке, задавая вопросы по ходу повествования. Шерлок Холмс редко говорит о результатах своего дедуктивного расследования, не убедившись в них окончательно. Таким образом, читатель одновременно со мной узнает элементы разгадки, каждый из которых сам по себе не имеет смысла. Лишь собранные вместе в финале, они складываются в прозрачную картину преступления.

– Вы превосходны, доктор Ватсон. Должен сказать, что эта встреча доставила мне огромное удовольствие.

Затем будто облако пробежало по лицу мэтра Олборна.

– В связи с моей работой мне иногда приходится целыми днями бездействовать. К счастью, есть ваши книги, которые позволяют убежать от действительности.

Я внезапно вспомнил о записке, оставленной Холмсом.

– Кстати о книгах, мой друг сказал, что вы собираетесь забрать какие-то сочинения.

– Верно. Это и было целью моего визита. Мистер Холмс говорил, что закончил трактат об исследованиях отпечатков ног. С этим сочинением я еще не знаком. Видите, доктор Ватсон, я хотел бы занять место Холмса в ваших рассказах.

– Это составляет часть игры. Читатель должен вести расследование дела одновременно с детективом и пытаться найти решение быстрее, чем он.

– Точно. Вот почему я хочу обладать талантами мистера Шерлока Холмса. Изучая его труды, я мог бы, возможно, подражать ему. Я очень пристрастился к детективам. Посмотрите, что я принес мистеру Холмсу.

Мэтр Олборн протянул мне конверт толщиной с журнал.

– Убежден, что этот случай его заинтересует. Он непременно должен это прочесть.

Мой гость внезапно впал в задумчивость. Он то и дело менял позу в кресле.

– Я осмелюсь... доктор Ватсон... – Он прервал фразу, слегка кашлянул, в отчаянии заломил руки и продолжил: – Шерлок Холмс сказал мне, что вы рассчитываете внести некоторые...

изменения в оригинальный текст «Скандала в Богемии».

– Да, я уже сделал это. Осталось составить краткое содержание на одну страницу. Я не слишком силен в такого рода статьях, но мой издатель обязал меня сделать это ради коммерческой выгоды.

– Я осмелюсь... – робко повторил нотариус.

– Да? – спросил я, едва надеясь когда-нибудь услышать его просьбу.

– Можно ли краем глаза взглянуть на текст? Всего лишь взглянуть. Хотя бы прочесть первые несколько страниц.

Так вот зачем пришел этот проклятый гость. Не встречи со мной он жаждал так сильно, он желал посмотреть на новый вариант моего текста. Холмс попросил принять его. Я не мог отказать ему в этом маленьком одолжении.

– Боюсь, как бы увиденное не разочаровало вас. Эти изменения вовсе не так существенны, как вы, верно, полагаете. Я внес лишь некоторые дополнения. Теперь в моем сочинении семьдесят страниц, а в оригинале было всего пятьдесят пять, поскольку формат журнала «Стрэнд» был ограничен.

Его глаза загорелись.

Я непринужденно добавил:

– Я предлагаю вам прочесть мое сочинение, если у вас есть время.

Мэтр Олборн обрадовался, как мальчишка, обнаруживший под новогодней елкой любимую игрушку. Разумеется, у него достаточно времени. Думаю, он непременно обнял бы меня, если бы правила хорошего тона позволили ему сделать это. Я протянул ему текст, в чтение которого он с наслаждением погрузился. Я же остался сидеть у очага, держа на коленях чернильницу и ища вдохновения в непрерывном танце огня.

Не найдя вдохновения, я погрузился в сон. Мой гость, кажется, не заметил этого, поскольку был занят чтением.

– Какая женщина! – воскликнул Олборн.

– А? Что? Кто здесь?

– Эта Ирэн Адлер. Какая исключительная женщина! Я проглотил вашу историю так, будто читал ее впервые, доктор Ватсон.

Мэтр Олборн казался очень взволнованным.

– Ваше описание мадемуазель Адлер, этой великолепной молодой женщины с волосами цвета меди и изумрудными глазами, получилось более трогательным, чем в первой версии. Такой она во всем напоминает мне мою возлюбленную.

– Ваша возлюбленная, должно быть, очень красива, – ответил я, еще не проснувшись до конца.

– Да, была.

– Надеюсь, с ней не случилось ничего досадного.

– Она умерла.

Лучше бы мне было промолчать. Наступившая тишина затянулась. Затем нотариус заговорил, будто обращаясь к самому себе.

– Вы не могли знать. Она разбилась, выпав из окна своей усадьбы.

Я прокашлялся, соображая, как вести себя дальше.

– Это был... несчастный случай?

– Кроме нее, этого никто точно не знает, а она уже ничего не расскажет. Подозревали одного ее знакомого, но суд признал его невиновным.

– Это... так ужасно... – бормотал я, побагровев от смущения.

Какую непростительную бестактность я совершил! Тут уж я окончательно проснулся.

Взгляд упал на письменные принадлежности. Лист бумаги был безнадежно пуст, что свидетельствовало о том, что заснул я моментально. Издателю придется еще один день подождать моего резюме.

Стрелки настенных часов показывали шесть часов вечера.

Мэтр Олборн, казалось, вновь овладел собой и улыбался своей меланхолической улыбкой.

– Не смею более докучать вам, доктор Ватсон. Новый вариант «Скандала в Богемии» привел меня в полнейший восторг. Позвольте еще раз выразить вам Мое почтение.

– Благодарю, Но моя заслуга невелика. Повторюсь, я всего лишь излагаю факты такими, какими их вижу.

– Вы делаете намного больше. Вам удастся привнести толику волшебства и тайны в мрачное, застойное существование. Попробовав писать сам, я знаю, что это искусство не из легких. Нужно испытать свое воображение, задеть чувствительную струну читателя, бесконечно удивлять его, рисуя правдивые персонажи и ситуации. Писателей, сочетающих в себе все эти таланты, не так уж много. Что касается меня, то моих способностей хватает лишь на ничтожные рассказы, на которые не взглянет ни один уважающий себя издатель.

Этот поток комплиментов пришелся мне по сердцу, поскольку казался продиктованным искренним порывом.

– Я убежден, что в каждом из нас есть талант. Иногда нужно, чтобы прошло какое-то время, иногда – чтобы представился случай выразить его. Думаю, мне повезло – у меня было и то и другое.

Мэтр Олборн едва уловимо улыбнулся. Он тепло пожал мне руку и ушел, не забыв прихватить «Трактат об отпечатках ног». Меня охватила радость. Только что судьба подарила мне нового друга.

Я едва успел завершить работу над введением к повести «Скандал в Богемии», когда Холмс вошел в гостиную. Он снял промокшее пальто, и, потирая замерзшие руки, протянул их к потрескивающему в камине огню.

– Я принял вашего коллегу, Холмс.

– Моего коллегу?

– Мэтра Олборна. Вы попросили меня...

Его мысли явно были в другом месте.

– Ах да, Ватсон, благодарю вас, вы оказали мне неоценимую услугу. Надеюсь, это вас не слишком затруднило.

– Напротив, мэтр Олборн оказался очень приятным и интересным собеседником. Кстати, он оставил это для вас.

Холмс взял пакет, взвесил его на руке и бросил на ворох бумаг, возвышающийся на его письменном столе. Я был озадачен.

– Вы не откроете его?

– Это не нужно, Ватсон, я и без того знаю, что там внутри. Все дела мэтра Олборна похожи одно на другое. Опять супружеская измена или поиски правопреемника в случае спорного наследования. Я займусь этим позже.

Я вспомнил, что Холмс намеревался собрать сведения о Марке Дьюэне, убежавшем из Миллбэнк.

– Вам удалось что-нибудь узнать?

– И да, и нет. Этот Дьюэн – настоящая загадка. Казалось, его ждет прекрасное будущее. Уже в двадцать два года он получил диплом адвоката и сразу приступил к исполнению своих

обязанностей. Год спустя женился на дочери одного из своих клиентов и переехал в Ченсерилейн. Его будущее было как на ладони, пока не произошел непонятный случай.

Холмс закурил трубку, поглубже уселся в свое кресло, которое подвинул ближе к огню, и, погрузившись в размышления, соединил кончики пальцев.

– Его жена исчезла, не оставив ни единого следа, одним декабрьским утром, три года назад.

– Как вы узнали это?

– Я передам вам подробности моего расследования. Пока скажу только, что мне относительно легко удалось отыскать старого слугу Дьюэна.

Я окунул перо в чернильницу и взял листок бумаги, чтобы не упустить ни слова из рассказа моего друга.

Холмс слово в слово передал мне свою беседу со стариком.

– Как давно вы знаете Марка Дьюэна?

– С самого его рождения. Я работал у его родителей. Он был мне, как родной сын.

– Замечали ли вы у него склонность к насилию?

– Меньше чем у кого-либо другого на свете. Мой молодой господин был хорошим человеком и любил правосудие. Он выбрал карьеру адвоката в соответствии со своим призванием. Он рьяно защищал права слабых и угнетенных. Он осуждал любое насилие и считал, что всякий конфликт можно разрешить мирными средствами.

– А его супруга?

– Она была такой же. Большую часть времени она проводила, занимаясь благотворительностью. Они были молоды и полны надежд. Оба мечтали сделать мир лучше.

– А жили они мирно?

– Да. Их союз был идеальным. Марк Дьюэн обожал супругу, и она отвечала ему взаимностью.

– При каких обстоятельствах она исчезла?

– Одним декабрьским утром за ней приехал кучер. Она должна была поехать в Лаймхаус и отвезти теплые вещи одной бедной семье.

– Вы когда-нибудь сопровождали в ее поездках?

– О нет! Миссис была очень отважной и никогда не позволяла сопровождать ее. Впрочем, с ней никогда ничего дурного не случилось. Бедняки знали и уважали ее. Но тем вечером она не вернулась.

– Полагаю, Марк Дьюэн немедленно заявил о ее исчезновении в полицию?

– Нет. Я предложил ему послать меня заявить в полицию, но он категорически отказался.

– Почему?

– Думаю, он хотел самостоятельно, своими силами вести расследование. С тех пор он почти все время проводил в поисках своей супруги, скрывая от близких свое отчаяние...

– А семья молодой женщины не беспокоилась?

– Родители обоих супругов скончались.

– Что именно предпринимал Дьюэн?

– Днем и ночью он обыскивал все закоулки, особенно вблизи Лаймхауса.

– Он больше не работал адвокатом?

– Нет. Все его проблемы тогда и начались. Одного за другим он потерял всех своих клиентов. Он больше не мог платить налоги. Пришли судебные приставы и изъяли мебель и ценные

предметы. Он перестал платить мне жалованье. Но все равно я оставался с ним до конца.

– До конца?

– Я хотел сказать, до того как моего господина выселили и заключили в тюрьму Миллбэнк.

– У Марка Дьюэна не было собственных сбережений?

– Были, но он истратил их за несколько месяцев. После этого он стал брать деньги в кредит в банках и занимать у друзей. Уже через год он был полностью разорен и по уши в долгах.

– Куда ушли все эти деньги?

– Думаю, он тратил их на поиски супруги, или же...

– Или?

– Он платил шантажистам.

– Вот как! Ваш хозяин получал письма с просьбами о выкупе?

– Не знаю. Но я много раз наблюдал, как он вздрагивал, читая почту. Однажды он получил небольшой сверток. Открыв его, он страшно побледнел, и на лице его отразился настоящий ужас.

– Вам известно, что было в том свертке?

– Нет. Я стараюсь даже не думать об этом.

– Как он появился?

– Рассыльный передал его моему господину лично в руки. Он испытал шок, а затем впал в крайнее возбуждение. Он был в панике, бегал из угла в угол и кричал: «Мне нужны деньги! Я должен заплатить, это – единственный выход!»

– А потом?

– Я же сказал, его забрали в тюрьму Миллбэнк за долги.

– Вы его видели после этого?

– Я пытался, но начальник тюрьмы, Балтимор Компостел, отклонил мою просьбу, хотя она была вполне законной. Компостел стремится создать в тюрьме атмосферу террора. Многие из его заключенных кончали жизнь самоубийством или сходили с ума от одиночества и от услуг, которые он им навязывал. Кажется, он из одного садизма вырывал им зубы.

– Вы больше не получали никаких новостей от Марка Дьюэна?

– Нет. Но есть одна деталь, о которой я забыл сказать. Прямо перед тем, как его забрала полиция, он попросил меня найти кучера, который увез госпожу в день ее исчезновения. Я долгие месяцы только и делал, что ходил по всем стоянкам экипажей, но безрезультатно.

– Вы помните, как выглядел тот кучер?

– Я не очень хорошо рассмотрел его лицо. Он высоко поднял ворот одежды, и на нем были темные очки.

Ужасное дело Дьюэна начало принимать определенные очертания. Его супруга была похищена таинственным кучером одним декабрьским утром. Молодой адвокат, вероятно, получал письма с угрозами и поэтому не обращался в полицию. В конце концов он разорился, не в силах выполнить непомерные требования похитителя или похитителей. Он пытался отыскать следы своей жены в Лаймхаусе, но его посадили в тюрьму за долги. Удалось ли ему установить личности вымогателей за время своего пребывания в тюрьме? Может быть, там же он разработал и план мщения? Но как объяснить жестокое убийство Фостера?

Эти и другие вопросы роились в моей голове. Каким образом Майкрофт Холмс замешан во всей этой истории? И почему он использовал журналиста в качестве шпиона? Успел ли Фостер обнаружить что-то важное?

Ночь опустилась внезапно. Она застала меня в незнакомом месте, и я тщетно пытался отыскать дорогу. Плотный, удушающий туман поднимался от Темзы и незаметно наполнял все улицы.

Мне казалось, будто кто-то уже несколько минут преследует меня. Страх и острое чувство незащищенности стали одолевать меня, я вдруг ощутил на затылке чье-то ледяное дыхание. Я резко повернулся. Никого. Только стена тревожного тумана. По телу пробежала дрожь. Зачем я только оказался в этом месте в такое время? Искать Холмса в таком тумане – все равно что искать иголку в стоге сена.

Наступила мучительная тишина, будто весь город затаил дыхание, предчувствуя чудовищные события, затевающиеся во мраке.

Вдруг позади меня возникла тень, слегка коснулась меня и в тот же миг исчезла. Я обернулся и проткнул тростью воздух, заставив туман прийти в движение. И снова все погрузилось в молчание, тяжелое, гнетущее.

Внезапно меня охватила паника. Я бросился бежать, все во мне сжалось от животного страха. Я не знал, бегу ли я навстречу опасности или от нее. Мое дыхание стало частым, сердце билось как сумасшедшее. Я едва мог разглядеть окружающие предметы в слабом и рассеянном свете уличных фонарей и много раз спотыкался и падал, не видя земли.

Внезапно из ниоткуда возник человек, размахивая чем-то, что он держал в правой руке. Другой рукой он схватил меня. Невозможно было разглядеть его лицо. Я отчаянно попытался вырваться.

– Ватсон! Где же вы были? – голос Холмса звучал успокаивающе, но в нем была странная интонация, которой я раньше не замечал.

Я приблизился к нему вплотную, пытаюсь разглядеть лицо, и отшатнулся в ужасе. Лицо Холмса было залито кровью. Внезапно из его горла вырвался дьявольский смех. Я заметил, что в одной руке он держал длинный нож для вскрытия трупов, а в другой – страшно изуродованную человеческую голову. Парализованный ужасом, я был не в силах шелохнуться и не мог понять, что все-таки происходит.

– Что-то не так, Ватсон?

Держа голову с содранной до линии волос кожей, он поднес ее к моему лицу. Несмотря на свой страх, я заметил усмешку, скрывающуюся там, где у этого искаженного сгнившего лица должен был быть рот. Я почувствовал зловонный запах смерти. Челюсти приоткрылись, как у льва, собирающегося зарычать, обдав меня отвратительной волной разложения и гниения. Гнилостное испарение распространилось по моей коже подобно заразной болезни.

Предприняв новую отчаянную попытку вырваться, я освободился и скрылся в ночи. Пот, липкий и вязкий, струился по моему лицу. Я вытер его и увидел, что это не пот, а кровь. С моего лица была содрана кожа, как и у той головы. Остались лишь обрывки кожи, и паразиты уже начали свою работу.

Внезапно грозная тень снова возникла из тумана и встала передо мной.

– Зачем бежать? Ведь мы – одна команда, Ватсон.

Холмс схватил меня за плечи и стал злобно трясти. Я был полностью в его власти.

– Ватсон! Ватсон!

Что будет со мной? Я завопил, надеясь на помощь. Он еще раз встряхнул меня...

– Ватсон! Ватсон! Да успокойтесь же, старина. Вы разбудите весь квартал.

Я очнулся от сна, снабдившего меня изрядной долей адреналина.

– Холмс?

– Тихо, тихо... успокойтесь... У вас жар, вам нужно отдохнуть.

Я проснулся при тусклом свете раннего утра. Страшная мигрень разрывала голову на части. Я встал, надел халат, полный решимости прогнать воспоминания прошедшей ночи, раздвинул шторы и выглянул на улицу. Большие черные облака бросали зловещую тень на грязную мостовую. Закутанные с головы до ног люди ежились от зимнего холода. Отступив на шаг, я увидел свое отражение в окне. Ну и голова! Под глазами черные круги, волосы спутаны и слиплись от пота. Можно подумать, будто я ночь напролет боролся с армией привидений.

Запахнув халат, я вышел в гостиную и увидел Холмса. Он читал рубрику «Происшествия» в «Дэйли ньюс» и делал какие-то пометки.

– Доброе утро, Холмс.

– А, Ватсон! Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, неважно. Должно быть, я простудился в этой отвратительной тюрьме. Мне всю ночь снились кошмары.

– Я знаю. Кстати о кошмарах, что вы думаете об этом?

Мой друг протянул мне кусок картонки, на которой он только что написал: «Тло двчки, Мэри Кинсли, 10, найд. Темзе, 21, набережная Вестинг, бз рук, разд. вагонеткой. Рана лб. Закл. С. Я.: см., вызв. утопл.».

– Боюсь, я не понял ни одного слова из этой тарабарщины, Холмс.

– Вот это меня успокоило. Я как раз работаю над изобретением системы сокращений и кодов, позволяющих свести к минимуму размер каждой составляющей моей картотеки. Эти сокращения позволяют мне быстрее отыскать нужную информацию и помогут размещению дел без видимой связи.

– Но как звучит эта записка на нормальном языке, Холмс?

– Тело девочки по имени Мэри Кинсли, десяти лет, найдено в Темзе в районе набережной Вестинг, 21. У девочки отсутствуют обе руки, отрезанные колесом вагонетки. На лбу у девочки рана. Заключение Скотланд-Ярда: смерть в результате несчастного случая, повлекшего за собой потопление.

– Вы считаете, что речь идет об убийстве?

Холмс аккуратно положил картонку в архив.

– Да, я действительно так считаю. В статье сообщается, что девочка проходила этой дорогой каждый день, возвращаясь из школы. Соседка сопровождала ее почти до самого дома. Одной ей оставалось пройти всего несколько десятков метров. Ее отец утверждает, что пришел домой около восьми часов вечера. Увидев, что дочка нет дома, он заволновался и заявил в полицию. Расследование показало, что маленькая Мэри случайно включила систему движения вагонетки, которая отрезала ей руки и ударила в лицо, что объясняет рану на лбу. Девочка упала в ледяную воду Темзы и быстро утонула, поскольку была обессилена и не могла плыть, не имея рук. Полиция нашла следы крови рядом с вагонеткой.

– Это кажется вполне возможным.

– Если не заниматься более углубленным анализом, Ватсон. В этом докладе множество несоответствий. Вы когда-нибудь пробовали запустить в ход систему движения этих вагонеток, которые докеры используют для перевозки угля?

– Должен признаться, это не входит в круг моих любимых занятий.

– Привести в движение это впечатляющее устройство, которое местами разъела ржавчина, будет сложно даже двум здоровым парням. Не представляю, чтобы это удалось девочке десяти лет. Кроме того, в статье говорится, что ребенок ходил этой дорогой каждый день: значит, ей прекрасно были известны все опасности пути. Кроме того, у девочки обнаружена рана на лбу. Откуда она взялась, если вагонетка не двигалась? Наконец, вспомним о том, что полиция так и не нашла рук. Из всего этого я делаю вывод, что было совершено предумышленное убийство.

Холмс сложил газету и поместил ее в одну из многочисленных газетных стопок, заполонивших

уже почти всю комнату.

– Кто же мог совершить такой гнусный поступок?

– Существует только один способ узнать это: провести собственное расследование на месте преступления.

Я, конечно, не рассчитывал на дело такого рода, но все равно ухватился за возможность принять в нем участие.

– Я пойду с вами, Холмс.

– А как же ваша простуда?

– Я свыкнусь с ней. В одном я уверен: я не хочу умереть тут со скуки.

Меньше чем через полчаса мы уже шагали по набережной Вестинг в поисках каких-нибудь улик. У меня было впечатление, будто я снова погрузился в кошмар прошлой ночи. Воды Темзы были темнее, чем воды Стикса. Таинственная лодка внезапно выплыла из тумана и причалила недалеко от нас. Был ли это Харон, перевозчик душ умерших?

Докеры с перепачканными черными лицами толкали груженные углем вагонетки, их мускулы напрягались от усилий. Холмс подошел к одному из них в тот момент, когда вагонетка остановилась.

– Добрый день. Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой друг доктор Ватсон. Мы ведем расследование смерти маленькой Мэри Кинсли.

У докера от удивления округлились глаза.

– Все, что мы знали, мы уже сообщили полиции. А больше нам ничего не известно.

– Я просто хотел уточнить некоторые детали. Как вы считаете, девочка могла одна привести вагонетку в движение?

– Конечно, нет. Нам вдвоем-то трудно это сделать.

– Колесо вагонетки могло отсечь ей обе руки?

– А это да, могло. И не только руки.

Докер кивнул на своего напарника, левая рука которого была отрезана по локоть.

– Спросите у Самми, что он об этом думает. Однажды он поскользнулся и упал на рельсы. Неудивительно, со всей этой грязью. А остановить вагонетку невозможно, она ведь загружена под завязку. Самми у нас вовсе не неженка, но, говоря по правде, он тогда порядком стухнул. Хорошо еще, что это была не правая рука, а то пришлось бы ему стоять на паперти.

– Вы не заметили ничего необычного вчера ближе к вечеру?

– Нет, здесь после пяти уже никого нет.

Вдруг человек оживился, будто вспомнив что-то:

– Кстати о нищих, здесь иногда бывает старина Джек.

– Старина Джек?

– Это бедняк-попрошайка, пьяница, он спит там, под мостом.

Докер указал рукой на мрачный изгиб моста.

Холмс спросил:

– Вы рассказали о нем полиции?

Докер ударил себя ладонью в лоб.

– Нет. Я и не подумал об этом. Надо сказать, что он более скрытен, чем сама смерть. Его почти никогда не видать.

Холмс поблагодарил докера, и мы направились к убежищу Джека и вскоре оказались в грязной яме, источавшей тошнотворный запах.

Мой друг зажег спичку, и на гнилом соломенном тюфяке мы увидели человека, закутанного в вонючие лохмотья. Косматая борода закрывала пол-лица. Его окружал целый забор из пустых бутылок. Нам пришлось затаить дыхание, таким невыносимым был запах в этой берлоге.

Холмс топнул ногой.

– Эй! Проснитесь! Вы – Джек-попрошайка?

Человек поднялся с невероятной медлительностью, уперся на локоть и заслонил глаза рукой, будто ослепленный светом нашей свечи.

– Что вам от меня нужно?

– Вы что-нибудь видели или слышали здесь прошлым вечером?

– Ну, это зависит от вашей щедрости, господин.

Холмс протянул ему полкроны кончиками пальцев. Нищий живо схватил монету и сжал ее в кулаке, как редчайшую ценность.

– Вы ведь не впутаете меня в это дело?

– Нет, если только вы расскажете нам все, что вам известно, – заверил его Холмс.

Джек-Попрошайка помедлил еще мгновение, не решаясь начать рассказ.

– Ну ладно, я возвращался сюда, в мое жилище, когда какой-то господин, немного плешистый и толстый, как тюлень, прошел совсем рядом со мной. Он сильно прихрамывал на правую ногу, одет был хорошо, а за руку он тянул девочку.

– Этот господин не заметил вас?

– Не, за вагонеткой меня не было видно. Да и в этом тумане, который хоть ножом режь, ничего не видать.

– А что произошло дальше?

– Вдруг, ни с того ни с сего, он ударил девочку кулаком. Бедное дитя, оглушенное, упало к его ногам. Я подумал, что ребенок, должно быть, сделал страшную пакость, раз его наказывают таким образом. Да и то это дурной тон.

Джек-Попрошайка сонно покачал головой, готовый в любой момент провалиться в глубокий сон. От него пахло дешевым алкоголем, и его речь становилась все более путаной.

– А затем? – спросил мой друг.

– Мне не очень хорошо было видно с того места, где я находился. Туман стал вовсе непроницаемым, я съезжился за своей вагонеткой. Я боялся, что он заметит и схватит меня. Казалось, будто господин что-то отрезал. Девчонка только вздохнула один раз и затихла. Потом я услышал плеск, как будто в воду бросили большой камень.

– И вы ничего не сделали?

– Конечно, сделал. Я немедленно укрылся в моем домике и опустошил полбутылки джина, чтобы успокоить нервы.

– Вы не заявили в полицию?

– Нет. У меня с ними не слишком хорошие отношения. Я стараюсь скорее избегать их. Короче, я предпочитаю прятаться в своей дыре, и чем меньше меня помнят, тем лучше. Пусть занимаются своими проблемами, а меня не трогают.

Нищий внезапно повалился на бок и захрапел.

Выйдя на набережную, мы с невыразимой радостью вдохнули свежий воздух. Дневной свет становился все слабее. Похолодало, моросил ледяной дождь. Холмс ускорил шаг. Я следовал за ним, не задавая вопросов. Было очевидно, что ему не терпится встретиться с Джоном

Кинсли, отцом убитой девочки.

Мы постучали в дверь дома 21 на набережной Вестинг. Это был небольшой дом, скромный, но в хорошем состоянии. Через несколько секунд дверь отворилась. Мы с Холмсом остолбенели. Мужчина, открывший нам дверь, во всем соответствовал описанию, данному Джеком-Попрошкой.

Сильно припадая на правую ногу, он, не задавая вопросов, проводил нас в дом, а затем тяжело опустился на стул; его взгляд ничего не выражал.

– Вы – Джон Кинсли? – сразу спросил Холмс.

– Да.

– Вы убили свою дочь Мэри?

Мужчина не поднимал головы.

– Она была единственным смыслом моей жизни. Без нее я ничто.

Из его глаз, покрасневших от горя, хлынули слезы. Каждое его слово было пронизано болью, болью невыносимой, поднимающейся из самых глубин его существа.

– В таком случае зачем же вы ее убили? – настаивал Холмс.

– Я не убивал ее. Я бы отдал все, что имею, чтобы вернуть ее.

Джон Кинсли разрыдался и больше не мог говорить.

Я отвел Холмса в сторону.

– Кажется, он говорит искренне.

– Факты налицо, мой дорогой Ватсон. Сентиментальность и правосудие несовместимы. Этот человек – прекрасный актер, он старается вызвать сострадание. Может быть, он и правда сожалеет о содеянном, чем и объясняется его теперешнее состояние.

Холмс взял Джона Кинсли за локоть.

– Следуйте за нами, мы едем в полицию!

Человек поднялся, как автомат, не оказывая ни малейшего сопротивления. Вдруг он посмотрел на нас сверкающим взглядом.

– Да. Я убил Мэри. Я заслуживаю смертной кары. Тогда я снова встречу с ней, и мы больше никогда не расстанемся.

Услышав это ужасное признание, Холмс, казалось, растерялся. Что касается меня, то я не знал, что и думать об этом деле. Неужели Джон Кинсли действительно убийца?

Холмс вернулся на Бейкер-стрит вечером. Он промчался в кабинет, не произнеся ни слова, и принялся яростно копаться в своем архиве.

Несколько минут спустя он поднял голову.

– Я ездил в морг. У Мэри Кинсли действительно ушиб на лбу, как и сообщалось в «Дэйли ньюс», но рана похожа скорее на перевернутый крест. Вы помните, какой знак был на лбу Фостера, Ватсон?

На миг у меня перед глазами возникла та изуродованная голова, перепачканная землей и запекшейся кровью. Холмс вытер ее, открыв странный знак на лбу.

– Я не очень хорошо помню. Вы считаете, между этими двумя убийствами есть связь?

Холмс не ответил. Он снова погрузился в изучение архива.

Мой друг обладал уникальной способностью концентрироваться. Он мог часами сидеть, согнувшись, над своей работой, ни на секунду не отвлекаясь. Он считал, что его криминальные архивы во много раз превосходят архивы Скотланд-Ярда, и был уверен, что однажды полиция перейдет на его метод классификации.

Спустя лишь полчаса настойчивых поисков он извлек четыре карточки и разложил их перед собой. Его взгляд переходил с одной на другую, будто он их сравнивал. Затем он резко поднялся и направился к камину. Там, над камином, он хранил шприц и семипроцентный раствор кокаина. Его реакции иногда были непредсказуемы. Наркотик был крайним способом оживить ход мысли. Острое чувство вины охватывало меня каждый раз, когда он обращался к наркотику. Я попытался отвлечь его:

– Вы думаете, Марк Дьюэн мог убить эту девочку? Каким образом эти два убийства связаны между собой?

Холмс обернулся, на время забыв о цели своего движения:

– Этого я не знаю, Ватсон. Возможно, я и не подумал бы, что они как-то связаны, если бы не сообщения в газетах о двух новых кровавых убийствах этим утром.

– Этим утром?

– Вы разве не читали еще раздел «Происшествия»?

Как я мог прочесть его? Холмс забрал газеты рано утром, когда я спал.

– Нет, вы ведь их...

– «Дэйли ньюс» сообщает, что мужчина порезал свою жену на мелкие кусочки и зажарил в камине своей собственной гостиной. Соседи вызвали пожарных из-за густого дыма, окутавшего здание. Все решили, что случился пожар. Пожарным удалось ворваться в дом. Они увидели, что мужчина сидит за обеденным столом. Судя по полицейскому докладу, обед состоял из жареного сердца с гарниром из овощей, приправленных мятным соусом. Там же был салат из маринованных пальцев... еще десерт, я думаю.

– Каннибал в самом сердце Лондона! Наверняка, какой-нибудь псих, сбежавший из сумасшедшего дома.

– Вовсе нет, Ватсон. Его имя Генри Кардвелл. Это уважаемый банкир, который живет в роскошной квартире в самом центре города.

– Но как же тогда это чудовище объяснило свой поступок?

– Он удивленно посмотрел на пожарных и промолвил: «Скажите же мне, наконец, что здесь происходит?» – будто только очнулся ото сна.

– Что могло толкнуть его на такое чудовищное преступление? Может, он убил из ревности?

– Сомневаюсь. Соседи утверждают, что супруги жили в мире и согласии. Никогда не ругались. Да и проблем у них, кажется, никаких не было. Они жили счастливо, были окружены любовью близких и не знали недостатка в деньгах.

Холмс повернулся к камину.

– Вы говорили о двух убийствах, Холмс. Какое второе?

Сыщик заколебался, опять остановленный на полпути к коробке со шприцами.

– Оно так же ужасно, как и первое. Пожилой мужчина пришел к своим соседям, супружеской паре шестидесяти лет, Эмме и Джеймсу Варне, с которыми в тот день собирался играть в бридж. Он долго стучал в дверь, без всякого результата. Заволновавшись, он сообщил в полицию, которая обнаружила старого Джеймса Барнса распростертым в углу комнаты. Его рот был широко раскрыт, будто он собирался закричать. С ног до головы он был покрыт засохшей кровью. В кровати лежала его жена, или то, что от нее осталось. Стены комнаты были сплошь перепачканы кровью, так что было невозможно определить их первоначальный цвет. Тело несчастной оказалось искромсанным самым чудовищным образом. Орудие преступления, длинный кухонный нож, плавал в луже наполовину свернувшейся крови, рядом с кроватью. В углу комнаты нашли руку, судорожно сжимающую книгу. Это указывает на то, что несчастную женщину застали врасплох за чтением книги.

– Вы думаете, что и это убийство – дело рук беглеца из Миллбэнк?

– Не имею ни малейшего представления, Ватсон. Я собираюсь провести собственное расследование, но в данный момент у меня есть дела поважнее.

Холмс взял коробку со шприцами и открыл ее. Я уже готов был протестовать, когда он протянул мне лист бумаги, сложенный в четыре раза, который он, должно быть, извлек из своей любимой коробочки. Тогда я понял, что он и не собирался принимать наркотики. Я развернул листок и прочел:

«Мистер Холмс, мне сказали, что вы единственный, кто может раскрыть эту тайну. Исчез еще один сирота. Он уже пятый. Это проделки дьявола или колдуна. Даже несчастный Маллиган повесился вчера, хотя был в полном здравии. Приходите сегодня в восемь вечера в церковь Сен-Джорджа. Я объясню вам, что происходит, расскажу все, что мне известно. Оденьтесь так, чтобы я могла легко вас узнать. Мое зрение сильно ухудшилось за последнее время. Прошу вас запастись терпением и подождать, пока я выйду вас встретить. У меня болят колени. Если я не найду вас, то буду ждать в самом темном углу, самом дальнем от входа в ризницу.

Умоляю вас помочь нам.

Прихожанка».

– Откуда эта мольба о помощи, Холмс?

– Мне принесли это сегодня утром на рассвете, незадолго перед тем, как я ушел. Я положил ее сюда, чтобы не потерять. Мой рабочий стол так завален...

С этим я был полностью согласен. Остальное казалось более мрачным. У меня не было времени его спрашивать. Он вырвал листок из моих рук и положил его в карман.

– Так идемте же! Уже половина восьмого. Мы не можем пропустить эту встречу.

Наш экипаж едва тащился. Густой, непроницаемый туман перекрывал нам путь. В надежде получить хоть какое-нибудь объяснение, я спросил:

– Я так понимаю, мы едем в церковь Сен-Джордж, Холмс?

– Точно, Ватсон. Там мы встретимся с верующей в возрасте семидесяти лет, одетой в черное, с лицом, наполовину скрытым под черной вуалью, коленопреклоненной в молитве, со сложенными руками и губами, неслышно читающими молитвы. Ее руки дрожат, и она будто охвачена страхом перед аббатом. Уже долгое время она с ним близко общается. Вне сомнения, она очень любит свою работу. Она позволит нам совсем недолго побыть с нею, а затем, прихрамывая, исчезнет.

– Холмс! Это невероятно! Как вы смогли узнать так много из этого короткого письма?

– И вы бы смогли, Ватсон, если бы потрудились прочесть письмо более внимательно. Почерк указывает на человека пожилого, посмотрите, как написаны буквы «т» и «с». Этот вывод подтверждается и тем, что она пишет: «мое зрение уже не такое, как прежде». А то, что автор письма женщина, очевидно еще и потому, что она подписалась: «прихожанка».

- Как вы узнали, что она испытывает страх?
- Зачем же ей предпринимать все эти меры предосторожности, если бы она не боялась? Кроме того, она упоминает дьявола или колдуна, а они для нее – олицетворение крайнего ужаса.
- Разумеется... Но почему она боится аббата?
- Она будет ждать нас в месте, наиболее удаленном от ризницы. Значит, она боится, как бы аббат не увидел ее вместе с нами. Значит, она его боится.
- А кто же этот «несчастный Маллиган»?
- Откуда же мне знать, Ватсон! Какое-то доверенное лицо для второстепенных дел. Может, речь идет о слабоумном, поэтому его и называют «несчастный».
- Почему он повесился?
- Уж точно не от отчаяния, раз в письме говорится, что он был в прекрасной форме. Причина его самоубийства скорее всего страх.
- Но как вы узнали, что эта старушка находится на службе у аббата?
- Обычное предположение, вытекающее из контекста. Понятно, что она достаточно регулярно с ним общается, если знает его настолько, чтобы бояться. По ее манере выражаться видно, что она принадлежит к низкому социальному слою. Она не может быть никем иным, как помощником на службе у аббата.
- А кто эти сироты, о которых говорится в письме?
- Я нашел ответ в моем архиве, Ватсон. Речь идет о пяти ребятах, которые исчезли из учреждения, управляемого аббатом Полом Мередитом. Об этих исчезновениях сообщили в полицию и написали в разделе «Происшествия» в «Дейли ньюс». Вчера исчез последний из сирот.

Экипаж остановился у церкви Сен-Джордж. Мы расплатились с кучером ипустили его. Шпиц колокольни терялся в тумане. Несколько сточных желобов нависли над нами, будто наблюдая за каждым нашим шагом. Действительно, нужно иметь вескую причину, чтобы прийти в подобное место. Одолеваемые внезапным любопытством, мы толкнули тяжелую дверь, которая издала зловещий скрип. Затхлый запах свечей и ладана наполнял ледяную атмосферу храма. Здесь было холоднее, чем снаружи. Наше дыхание, казалось, застывало, едва сорвавшись с губ. Мы бесшумно шли по главному проходу. Холмс заметил вход в ризницу и пошел в противоположную от него сторону.

Спустя мгновение мы увидели маленькую старушонку, внешность которой полностью соответствовала описанию, данному моим другом. Несмотря на то, что было очень темно, она заметила нас и обернулась. Ее лицо скрывала черная вуаль, как будто она носила траур.

– Хвала Господу, вы пришли! – прошептала она едва слышно.

Мы присели рядом с ней на скамеечку для молитвы, полностью обратившись в слух.

– Кто из вас мистер Шерлок Холмс? – спросила она, вздохнув.

Мы представились. Она успокоилась и стала говорить низким голосом, уткнув нос в молитвенник.

– Из приюта исчезли пятеро сирот. А с тех пор, как повесился Маллиган...

– Кто такой Маллиган? – спросил Холмс. Могильщик. Юродивый, он копал могилы по просьбе прихода. Также он был подручным господина аббата. Он любил господина аббата. Он был готов сделать для него все.

– Почему вы боитесь аббата Пола Мередита?

Старушка вздрогнула.

– Тише вы, несчастные, нас могут услышать. Но... как вы узнали?

– Просто сделал такой вывод. Вы подозреваете аббата в чем-то, не так ли?

Святоша несколько раз перекрестилась.

– Господин аббат бывает иногда слишком строг.

– Какая связь между исчезнувшими детьми и аббатом?

– Он... их очень любил.

Ее слова едва можно было различить, будто она хотела поскорее забыть то, что только что произнесла.

– Что вы имеете в виду? – продолжал Холмс. Старушка поднялась и несколько раз торопливо перекрестилась.

– Я больше ничего не знаю, мистер Холмс. Да поможет вам Бог победить сатану.

И она ушла, прихрамывая – в точности так, как предсказывал Холмс. Ее торопливые шаги затихли сразу после того, как раздался жалобный скрип входной двери.

– Ну и чего мы этим добились? – спросил я у Холмса. – Она страшно боится. А ведь наверняка могла бы рассказать нам намного больше.

– Я считаю, что мы узнали очень много, Ватсон. Вы видели, с какой скоростью она покинула нас, как только мы стали расспрашивать ее об аббате? Из ее поведения мы узнаем намного больше, чем из самых продолжительных дискуссий. Необходимо навестить этого Пола Мередита.

Ночь вступила в свои права. Густой ледяной туман завладел городом. Случайный прохожий объяснил, как пройти к дому аббата: направо до перекрестка, первый поворот направо, а потом второй налево. Заблудиться невозможно. Идти всего пять минут.

Проплутав три четверти часа в густом тумане, мы наконец нашли дом аббата. Холмс несколько раз постучал молоточком.

Церковные часы пробили девять, когда аббат открыл нам дверь. Он был высокого роста, сухого телосложения, немного сутулый. Его глаза, как две жемчужины, сверкали на напряженном лице. Тонкие бледные губы делали его шероховатое лицо на редкость выразительным. Мужчина был явно настороже.

– Кто вы? Что вам надо?

– Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой товарищ доктор Ватсон. Мы исследуем дело об исчезновении пяти сирот из ордена вашего высочества.

Холмс мог говорить с большим апломбом, когда это было необходимо. Дверь широко распахнулась. Выражение лица аббата сменилось на прямо противоположное. Голос зазвучал чрезвычайно приветливо.

– Простите мне мою подозрительность, господа, но ввиду всего, что сейчас происходит... Добро пожаловать. Я от всей души надеюсь, что вы как можно скорее разгадаете эту загадку и развеете страхи моих прихожан.

Пол Мередит проводил нас в гостиную, обставленную ветхой и скудной мебелью. В центре комнаты возвышался аналой, на котором лежала библия. Никаких украшений, никакой показухи. Распятие на белой стене.

– Вам известно, что толкнуло несчастного Маллигана на самоубийство? – не мешкая, спросил Холмс.

– Нет, не известно, Казалось, будто он чего-то страшно боится. Я не мог даже подойти к нему. Это шок для меня. Но почему вы спрашиваете меня об этом?

Холмс сделал таинственный жест.

– Мы ведем расследование этого дела. Какие отношения связывали вас с мальчиком?

– Я взял его под свою опеку. Я помогал ему всем, чем мог. Он отвечал мне взаимностью. Его отношение ко мне было искренним и лишенным всякого расчета.

– Когда вы в последний раз видели мальчика, который исчез вчера?

– Он служил во время мессы по случаю кончины одного из наших прихожан. Он пел в хоре и исчез в конце церемонии. Я это не сразу заметил.

Пол Мередит указал на два стула.

– Присядьте, господа, так нам будет удобнее беседовать.

Холмс не принял его приглашения.

– Это вовсе не обязательно. Я всего лишь задам вам несколько вопросов. Что обычно происходит после религиозной церемонии?

Аббат, казалось, был сбит с толку.

– Гроб заколачивают и опускают в землю.

– Кто этим занимается?

– Маллиган.

– Где заколачивают гроб?

– В ризнице, разумеется.

– Мальчик мог уйти из церкви никем не замеченным?

– Нет. Здесь всего два выхода: ризница и главный вход. При входе раздается звон колокольчика. Его бы обязательно увидели, тем более в его платье.

– Значит, мальчик мог уйти только из ризницы. Вы спрашивали Маллигана?

– Я его не видел. Он исчез сразу после того, как заколотил гроб. Некоторое время спустя после церемонии мы обнаружили его в его комнате. Он повесился.

Холмс направился к двери.

– Одевайтесь, мы выходим!

– У вас есть сомнения?

– Нет, теперь мне все ясно.

Он обернулся к аббату:

– Вы можете проводить нас на кладбище?

Вооружившись лампами, мы через несколько минут пришли на кладбище. Мои нервы были натянуты, как струны. Внезапный вопль прорвал тишину и заставил меня остоленеть от ужаса. Инстинктивно я схватил руку моего друга. Он изумленно посмотрел на меня.

– Возьмите себя в руки, старина! Вы что, испугались этой несчастной совы? То, что вы вскоре увидите, будет гораздо страшнее.

Туман придавал кладбищу призрачный и устрашающий вид. Из тумана то там, то здесь выплывали кресты. Такие места известны своей ужасной неподвижностью, тишиной, которая внушает ужас и непостижимость. Мое тело охватила сильная дрожь, которую я не в силах был унять. И не только холод был тому причиной. Все мое существо сжалось от дурного предчувствия и отказывалось смотреть на то, что предстояло увидеть.

Холмс повернулся к аббату.

– Вы знаете, где Маллиган хранил инструменты?

Пол Мередит иссохшей рукой указал перед собой.

Мой друг исчез в тумане. Через несколько мгновений он вернулся с двумя заступами и протянул один из них мне.

– Держите, Ватсон! Немного физической работы поможет вам согреться. Вы весь дрожите.

Он повернулся к аббату, лицо которого при свете лампы было бледнее воска.

– Где самая свежая могила?

– Что... что вы собираетесь делать, мистер Холмс? – пробормотал аббат.

– Заставлю говорить мертвых.

Аббат перекрестился и проводил нас к холмику из свежей земли, на котором возвышался простой крест, еще не покрытый мхом. Холмс уперся и повалил крест.

Лицо Пола Мередита исказилось.

– У вас нет на это права. Это противоречит всем религиозным принципам.

– Возможно, но это отвечает нуждам моего расследования.

Аббат внезапно взмахнул распятием в сторону Холмса:

– Vade retro, satanas! Осквернитель! Это надругательство! Вы... вы...

Его голос стих, когда раздался первый удар заступа о грязную землю.

Спустя полчаса изнурительной работы нам удалось извлечь гроб из его топкого и грязного обиталища. Аббат, мертвенно-бледный, дрожа, стоял на коленях на голой земле и неслышно возносил к небу молитвы, истово покрывая себя крестными знаменами. Его руки дрожали, лицо искажала гримаса ужаса.

Холмс смахнул землю с крышки гроба. Мы увидели перевернутый крест. Мои ноги подкосились. Холмс откинул крышку гроба, работая заступом, как рычагом. Я отвел глаза, боясь увидеть зрелище, которое не в силах буду перенести. Холмс поднес к гробу лампу.

– Ватсон! Идите сюда! Это ужасно. Еще хуже, чем вы себе представляли.

Я собрал все свое мужество, чтобы посмотреть на жуткое содержимое гроба. Мои ноги вдруг перестали чувствовать землю, а рассудок что-либо воспринимать.

Я лежал на земле. Холмс склонился надо мной. Заметив, что я очнулся, он убрал руку.

– Простите меня за эти несколько пощечин, Ватсон. Я был вынужден прибегнуть к ним, ведь вы потеряли сознание. Вы увидели это, – добавил он, указав на раскрытый гроб.

Я по-прежнему был в шоке и не мог говорить. О да, я видел это! Ребенок, одетый в платье мальчика из церковного хора, с кляпом во рту, со связанными руками и ногами, был привязан к старцу с зеленоватой, разложившейся кожей. Было непросто стереть из памяти эту отвратительную картину.

Наконец я смог подняться. Аббат склонился над гробом, как птица, принеся зловещее предзнаменование. Он неслышно бормотал молитвы, будто потеряв разум.

Холмс извлек ребенка из гроба и внимательно осмотрел его.

– На теле нет ни единого повреждения. Он даже не был отравлен, это было бы видно по выражению лица. Рот заткнули кляпом, чтобы он не кричал. Руки и ноги связали, и он не мог пошевелиться. Ужас и сейчас можно прочесть в его глазах.

Холмс выдержал небольшую паузу.

– Этот несчастный ребенок был погребен заживо.

В ночь, последовавшую за этой ужасной находкой, я был разбужен звуком приглушенных шагов в гостиной. Квартира была погружена во тьму. Я поднялся, стараясь изо всех сил, чтобы доски пола не скрипели, прихватил трость и приоткрыл дверь гостиной.

Незнакомец при свете луны рассматривал кабинет Холмса. Несколько мгновений я наблюдал за его странными действиями. Казалось, он ищет что-то определенное.

Я резко распахнул дверь. Незнакомец развернулся на пятках и застыл в растерянности.

– Черт возьми, Ватсон, ну и напугали же вы меня!

– Холмс, это вы?

– Кто же еще, по-вашему?

– Но что вы тут делаете в темноте?

– Я собираюсь уходить и не хотел вас будить.

– В столь поздний час?

Было, должно быть, два или три часа ночи.

– Это время как нельзя лучше подходит для того, что я собираюсь сделать.

– Но что вы ищете?

– Инструмент для чистки трубки. Ах, вот он. Не хотите составить мне компанию? Обещаю, прогулка будет весьма поучительная.

– Нет, спасибо. Я предпочитаю немного отдохнуть. После всего, что нам недавно пришлось пережить...

Холмс вышел. Я вернулся в постель и почти тотчас заснул.

Мой друг вернулся на Бейкер-стрит поздним утром. Он казался уставшим, но очень довольным. На мгновение он уселся в кресло, но затем сразу поднялся и принялся мерить гостиную огромными шагами, будто его рассудок приказал ему выполнить это упражнение.

– Я был у Кардвелла, – сказал он.

– Кардвелл?

– Банкир-каннибал, вы ведь слышали о нем.

– Ах да. Добропорядочный господин, который зажарил в камине собственную жену.

– Так, по крайней мере, считает полиция. Мне удалось проникнуть в квартиру Кардвелла. Это было не так-то просто. Пришлось подождать, пока сторож заснет. Но мой инструмент для чистки трубки при правильном обращении может творить чудеса. Так что я просто взломал замок. В квартире еще не убрали. Над камином я увидел перевернутый крест, нарисованный кровью.

– Стало быть, это своеобразная подпись убийцы. Это дело наверняка связано с другими.

Холмс продолжал свой рассказ, не обратив ни малейшего внимания на мое замечание.

– После этого я вернулся в морг. Это местечко и днем-то не слишком веселое, а уж ночью...

Он вздохнул и вытаращил глаза, будто еще не оправившись от ночного визита.

– Вы пользовались вашим... инструментом для чистки трубки?

– Почти не пришлось. Войти было очень легко. Я там уже почти завсегдатай. Я сразу же нашел труп Эммы Варне.

– Пожилой женщины, изрубленной в собственной постели?

– Совершенно верно. Вы помните статью в «Дэйли Ньюс»? Там упоминалось, что женщину ударили в лицо. Полиция определила, что удар был нанесен после смерти. Мне захотелось поближе взглянуть на этот след.

– Опять перевернутый крест?

– Да. Его нанесли на лоб с помощью заостренного ножа или чего-то похожего.

– Полиция этого не заметила?

Холмс внезапно прекратил вышагивать и сел в кресло напротив меня.

– Конечно, заметила. Я должен был догадаться. Уверенный в этих последних уликах, я нанес визит нашему другу Лестрейду. Я рассказал ему о своих находках, не открывая, однако, способа, которым я их раздобыл.

– Какова была его реакция?

– Синдром Булбала.

– Простите, что вы сказали?

– Вы никогда не слышали о деле Булбала?

– Ну...

– Аттила Булбала был преступником, который действовал в начале века в самых бедных кварталах Лондона. Старый кузнец погрузился в пьянство и разбой. Он подкарауливал своих жертв в закоулках пустынных улиц и оглушал их ударом молотка, а затем снимал с них кожу.

– Не слишком деликатно.

– Такая уж у него была особенность.

– Какая связь с нашим делом?

– Дайте мне закончить рассказ. В то время эта история наделала много шума. Уже потеряли счет несчастным, которых находили по утрам с разбитым черепом и мозгами, стекающими в сточный канал. Эти убийства затмили все остальные и почти стали модой. Во всяком преступлении обвиняли Булбала. Идеальный козел отпущения. Но однажды его задержали и осудили. И что вы думаете – его признали виновным лишь в пяти преступлениях из нескольких десятков, которые ему приписывали. Полиции наконец пришлось признать очевидное: у Булбала были конкуренты. Люди решали свои разногласия ударом молотка и обвиняли во всем Булбала. Будто случайно, как только Булбала был повешен, убийства с молотком прекратились.

– Но я все еще не понимаю...

– Лестрейд полагает, что последние убийства укладываются в ту же схему. Беглецу из Миллбэнк, тому самому Дьюэну, пришла в голову прекрасная мысль пометить свою жертву перевернутым крестом. Пресса не преминула разнести эту весть по всему городу. И вот убийцы всех мастей следуют его примеру. Лестрейд не видит в этих убийствах ничего общего, кроме того, что убийцы хотят, чтобы подозрение пало на Дьюэна.

– Вы верите в это?

– Нет. Эти убийства роднит жестокость, с которой они совершены. Я уверен, что это дело рук одного и того же человека. Находящегося, возможно, под действием...

Лицо Холмса стало очень серьезным.

– Но кому помешали мальчуган, сироты, незащищенная пожилая женщина и супруга добропорядочного банкира?

– Миссис Хадсон! – взревел мой товарищ, будто ошпаренный.

Та, к кому он обращался, вздрогнула и выронила стопку бумаг, которую держала в руках. Холмс был крайне раздражен.

– Что это вы делаете? – продолжил он тоном инквизитора, обращающегося к еретику.

Бедная женщина, боясь проронить слово, стояла среди груды бумаг, газет и искромсанных журналов.

– Я... я делаю уборку, мистер Холмс. Я собиралась бросить эти старые бумаги в огонь...

– В огонь? Несчастливая, и не думайте об этом! Вы в момент уничтожите недели кропотливой работы.

Она растерянно посмотрела вокруг.

– Но здесь столько бумаг...

– Разве не видно, что это – тематическая классификация?

– Что?

Нет, она этого не видела. Будто извиняясь, она дрожащей рукой протянула моему другу большой конверт, на котором было написано: «Шерлоку Холмсу, срочно».

– Я не собиралась сжигать все. Я хотела положить это вам на стол.

– Где вы это нашли?

– В... тематической куче. Я сразу узнал конверт.

– Это письмо, которое мэтр Олборн оставил для вас. Помните, он очень настаивал на том, чтобы вы прочли его.

Холмс протянул конверт мне.

– В таком случае я сделаю вам подарок, Ватсон. Но я вас уже предупреждал: не надейтесь найти в конверте дело века.

Холмс отпустил миссис Хадсон, поворчал немного и принялся разбирать бумаги, завалив почти весь пол.

Я открыл конверт. В нем лежало вводное письмо мэтра Олборна и экземпляр журнала «Фантастика»... Так вот оно что. Холмс оказался прав.

Журнал «Фантастика» уже много лет пытался конкурировать с журналом «Стрэнд», но безуспешно. В то время как «Стрэнд» имел колоссальный успех благодаря публикации приключений Шерлока Холмса, «Фантастика» пичкала своих немногочисленных читателей вымышленными историями с нездоровой интригой и сомнительной моралью. Я всегда задавался вопросом, кто может читать такую чушь.

Мне стало любопытно. Я пробежал глазами текст, отмеченный мэтром Олборном.

С первых же строк мой интерес возрос. Этот рассказ, хотя и чересчур сентиментальный, имел непосредственное отношение к бегству из Миллбэнк. Может ли идти речь о простом совпадении?

– Холмс, послушайте вот это!

– Эта миссис Хадсон сведет меня с ума. Как я теперь здесь разберусь?

– Журналист опубликовал в форме фельетона повесть, в которой утверждает, что обнаружил новую криминальную сеть.

– Она едва не бросила в огонь бесценные архивы...

– Этот журналист – Реджинальд Фостер! Мой друг прекратил разбирать бумаги.

– Фостер? Где вы о нем прочитали?

– В этом журнале.

Холмс вскочил и вырвал заметку у меня из рук.

– «Фантастика»? Это чья-то глупая шутка.

– Как же объяснить то, что эта шутка была напечатана *за месяц до* преступлений?

Скорчив гримасу отвращения, он пролистал журнал от начала до конца, затем от конца до начала. Он начал сомневаться.

– Не перескажете ли вы мне вкратце эту статью, Ватсон... прошу вас.

Холмс сел передо мной и сложил свои «бесценные архивы» в центре комнаты. Я начал:

– Фостер вел расследования в течение почти целого года в нижних социальных слоях Лондона. Он утверждает, что работал в непосредственном контакте с секретными службами.

Холмс почесал висок кончиком указательного пальца.

– М-м-м. Это объясняет многое. Продолжайте, Ватсон!

– Фостер упоминает серию чудовищных убийств, которые не раскрыты и по сей день. Журналист считает, что большинство этих преступлений совершены под действием высшей силы. Он считает, что ему удалось раскрыть секрет тайной организации, в которой какая-то женщина играет решающую роль.

Холмс, задумавшись, соединил кончики пальцев.

– Женщина? Фостер сообщил точную информацию, имена, места?

– Нет. Он только описал эту женщину: среднего роста, одета в черное, как вдова, с взглядом пифии. Он, напротив, предупреждает читателей, что изменил имена и названия мест, чтобы не вредить своему расследованию. Ему казалось, что вскоре он сделает очень важные открытия. И вот еще что. Ближайшее убийство должно совершиться в...

Холмс нахмурил брови:

– В тюрьме Миллбэнк?

– Да.

Он поднялся, сложил руки за спиной и принялся мерить шагами гостиную, опустив голову, топчa бесценные архивы. Затем он снова сел в кресло, сжимая зубами потухшую трубку.

– Что вы думаете обо всем этом, Холмс?

Он закрыл глаза и не отвечал. Я решил не мешать его размышлениям и в тишине предался своим.

Этот рассказ объяснял многие вещи. Фостер шел по следу Марка Дьюэна и нашел его в тюрьме Миллбэнк. Но почему журналист решил опубликовать свои расследования до того, как завершить их? Он рисковал быть разоблаченным, даже изменив названия и имена. И почему для публикации он выбрал такой посредственный журнал, как «Фантастика»? Знал ли Майкрофт Холмс об этой публикации? Какую роль он сыграл во всей этой истории?

– Я не знаю, Ватсон.

Я подскочил от удивления.

– Холмс! Как вы это сделали? Вы только что прочли мои мысли!

– Вовсе нет, Ватсон, я лишь ответил на ваш вопрос. Вы спросили, что я об этом думаю. Я ответил, что не знаю.

Мой друг встал на колени, собрал устилавшие пол бумаги в мешок и отправил его в огонь без суда и следствия. После этого он с довольным видом потер руки и надел пальто.

– Но у меня есть несколько вопросов, которые я хотел бы задать директору «Фантастики».

Мы только что покинули широкие улицы жилых массивов и очутились в грязном восточном квартале Лондона. Без всякого перехода мы из сверкающей роскоши попали в самую позорную нищету. Этот контраст всегда шокировал меня. В Лондоне сосуществовали два мира. Два мира, которые ничего не знали друг о друге и никогда не пересекались. Перед лицом этой оскорбительной нищеты мне стало стыдно за то, что я англичанин.

Наш экипаж вскоре остановился из-за непреодолимого препятствия, возникшего на дороге, и мы продолжили путь пешком. Это дало нам возможность наблюдать за отчаянной картиной улицы. Выкрики, удары хлыста и грохот упряжек давили на наши барабанные перепонки. Дети в лохмотьях бежали за нами, выпрашивая милостыню. Проезжавший мимо кучер взмахнул хлыстом над их головами, и они разлетелись в разные стороны, как стая воробьев.

Под темным, как антрацитовый уголь, небом и тусклым светом газовых рожков у меня было впечатление, что я попал в ад. Улицы, казалось, смыкались над нами. Около лачуг с облупившимися фасадами возвышались груды помоев и мусора. В них изголодавшиеся собаки искали сгнившую пищу. Из окон свисали гроздь серого заплесневевшего белья. Пошел мелкий ледяной дождь.

Различие между Лондоном богатых и Лондоном бедных было не только визуальным и слуховым. Здесь, несмотря на холод, отвратительно пахло и было нечем дышать. Я не замедлил обратить на это внимание Холмса.

– Какая вонь! Грязеотделители, судя по всему, нечасто заезжают в этот квартал.

– И не только они, Ватсон. Даже полиция не отваживается проникать на некоторые из этих улиц. Разврат и разбой распространяются тут без помех.

– Так же, как холера и тиф.

Запах стал невыносимым. Я зажал нос платком.

– Я начинаю сомневаться, что прийти сюда было хорошей идеей.

– У нас нет выбора. Если мы хотим продолжить расследование, нам необходимо расспросить директора «Фантастики» и попытаться как можно больше узнать о Фостере и его знаменитом расследовании. Но будьте уверены, среди бела дня тут с нами ничего не случится. И мы в состоянии защитить себя.

– Мой страх не столько связан с этим местом, сколько с тем, куда мы направляемся. Не забывайте, что директор «Фантастики» завидует успеху «Стрэнда» и не питает к нам теплых чувств. Вот почему я боюсь, что он не примет нас с распростертыми объятиями.

– Кто не рискует, тот не пьет шампанского, Ватсон. Впрочем, мы уже пришли.

Мы остановились перед лавкой с полуразвалившейся витриной. Под облупившимся рисунком на грязном фасаде едва можно было различить слова «Журнал „Фантастика“».

Мы вышли и оказались в невероятном хаосе. Какой контраст с просторным помещением «Стрэнда»! Нагромождение ящиков и мебели создавало апокалипсический беспорядок. Мужчина неопределенного возраста, тощий и сутулый, хлопотал среди этого хаоса. На нем был старый, штопанный сюртук и перчатки, отслужившие свой срок.

Холмс многозначительно откашлялся. Мужчина вздрогнул и обернулся.

– Это доктор Ватсон, – начал мой друг, – а меня зовут Шерлок Холмс. Нам бы очень хотелось поговорить с директором «Фантастики».

Человек казался одновременно и удивленным, и недоверчивым.

На вид ему было около шестидесяти лет. Седеющие волосы, слишком длинные и непричесанные, как мочало, спадали ему на плечи. Даже его кожа была серой, будто пыль с годами въелась в нее. Исхудавшие щеки окружала пробивающаяся черная борода. Глубокий шрам рассекал его заостренный подбородок. Желтые искорки сверкали в радужной оболочке глаз. Он был похож на исхудавшего волка.

– Вы и вправду... Что вы тут делаете?

– Мы уже сказали вам, мой друг, – повторил я. – Мы хотим видеть директора.

Человек прищурил глаза и внимательно осмотрел нас с ног до головы.

– Это я. Я Самюэль Боктон, директор журнала «Фантастика».

Он указал на два деревянных ящика.

– Присаживайтесь.

И осознав нелепость своего предложения, добавил:

– Мы переезжаем. Наконец-то мы уедем из этого проклятого квартала. Мы обоснуемся в Сен-Джонс-вудс, в месте, куда более подходящем нам по рангу.

Самюэль Боктон освободил ящик от наваленного на него хлама и уселся напротив нас.

– Если бы я заранее знал о таком визите! Не ожидал я увидеть у себя знаменитость.

– На самом деле, – подхватил Холмс, – мы ведем криминальное расследование.

Лицо Боктона стало непроницаемым. Молчание затянулось. Он подозрительно разглядывал нас. Я почувствовал почти звериную враждебность, исходящую от этого человека.

– Что вам на самом деле от меня нужно? Я не очень-то люблю расследования.

– Откровенность за откровенность. Я не слишком люблю преступников.

Боктон раскрыл рот, чтобы возразить, но мрачный взгляд Холмса положил конец его поползновениям.

– Мы хотели бы задать вам несколько вопросов касательно статьи, опубликованной в вашем журнале под названием «По следам преступления». Что вам известно об этом деле?

Волк, казалось, весь съежился, будто опасаясь своего противника.

– Мне известно не больше того, что опубликовано.

– Кто автор статьи?

– Реджинальд Фостер.

Холмс выразительно посмотрел на меня.

– Что известно вам об этом Фостере?

– По правде говоря, немного. Я даже не знаю его адреса и настоящего имени.

– Фостер – не настоящее его имя?

– Нет. Фостер – его писательский псевдоним. Он предпочитает действовать под умышленным именем до тех пор, пока не завершит свое расследование.

Боктон говорил о Фостере в настоящем времени. По всей видимости, он не знал о злой участи журналиста.

– Вы можете рассказать нам о Фостере все, что знаете? – настаивал Холмс.

Глаза человека превратились в тонкую щель.

– К чему все эти вопросы?

Холмс принял серьезный вид и воздержался от ответа.

Боктон почувствовал необходимость оправдаться.

– Я уже сказал, мне известно очень мало. Ему около тридцати. Брюнет, карие глаза. Очень подвижен. Рост примерно метр семьдесят. Одет всегда очень аккуратно. У него открытое, волевое лицо без следа страданий, а еще... – Он остановился.

– Еще что?

– В нем есть какой-то надлом. Я не знаток психологии, но такие вещи я хорошо чувствую, потому что часто вижу их вокруг.

– Что вы хотите этим сказать?

– Это все незначительные проявления, на которые обычно не обращают внимания. Взгляд, который вы ловите на себе во время беседы, рассеянность, морщинка на лбу, которая вдруг появится, как будто старая тревога не дает покоя. Он наделен огромной энергией, но иногда кажется, будто внутри он мучается. Мне было бы интересно узнать, что он ищет на самом деле.

– Как вы встретились с ним?

– Однажды он пришел ко мне и предложил свою рукопись. Я проглотил ее за один день. Его история захватила меня, и я подумал, что и моим читателям она придется по вкусу.

– Но почему Фостер обратился именно к вам?

Боктон провел рукой по волосам землистого цвета, будто пытаясь прогнать тягостную мысль.

– Он сказал, что никакой другой издатель не захочет публиковать его истории, а ему срочно нужны деньги для продолжения расследования. Тогда я предложил опубликовать их, а ему выплачивать проценты с выручки. Фостер был так доволен, что немедленно подписал контракт, даже не взглянув на условия.

– Вы использовали этого несчастного! – возмутился я, зная толк в этом деле. – Тариф за истории такого рода составляет не менее гиней за тысячу слов. А «Стрэнд» платит мне намного больше того.

– «Фантастика» не располагает такими средствами, как «Стрэнд», мистер Ватсон, и могу вас заверить, что Фостер не жаловался на нашу сделку. Впрочем, как и я.

Холмс вонзил свой хищный взгляд в глаза Боктона.

– Эта история действительно имела место или была написана просто для того, чтобы поправить ваше финансовое положение?

Директор «Фантастики» пожал плечами. Когда он открыл рот, чтобы заговорить, злая гримаса скривила его губы и обнажила заостренные зубы.

– А что это меняет? Люди хотят крови и жутких, ужасных преступлений. Это освобождает их от страхов и удовлетворяет самые постыдные фантазии. Им не хватает Джека-Потрошителя.

– Вы полагаете, что у ваших читателей тоска по этому монстру?

– И не только у моих читателей. Добропорядочные граждане любят дрожать с ног до головы, спрятавшись в своем любимом кресле, в то время как кого-то потрошат в грязи лондонских мостовых. Вспомните, какой успех имеют «Франкенштейн», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» и «Дракула»! А что уж говорить о «Собаке Баскервиль», доктор Ватсон? Разве это не дьявольская история?

– Это не одно и то же. Джек-Потрошитель был кровожадным монстром, убивавшим невинных. Волк обнажил клыки.

– Давайте не будем преувеличивать. Он лишь укоротил страдания нескольких потерянных девушек, обреченных на безусловное вырождение. Что касается невинных, то они умирают тысячами каждый год в Уайтшапеле, и это никого не шокирует.

– Что вы имеете в виду?

Боктон скривил страдальческую мину.

– Я имею в виду тысячи несчастных, которые погибают на сахаро-рафинадных заводах Уайтшапела. В Ист-Энде почти 60 процентов детей не доживает до пяти лет, и Лондону наплевать на это. А знаете почему, доктор Ватсон?

Я опустил глаза, не найдя, что ответить. Боктон разгорячился:

– Потому что люди привыкли видеть, как тысячи людей умирают от удушья в гнилой

атмосфере Ист-Энда. Приличные люди считают нормальным то, что нищие ютятся по четырнадцать и более человек в одной комнате, при полном отсутствии гигиены и уединения. Это всего лишь часть повседневности и не является редкостью. А вот Джек-Потрошитель – это что-то нереальное, исключительное. Дьявол всегда привлекателен.

Холмс подождал, пока тот закончит свою безумную обличительную речь, и подарил нам мгновение успокаивающей тишины. А потом он спокойно спросил:

– Фостер оставил вам текст следующей статьи?

Директор «Фантастики» сделал неопределенный жест.

– Нет, ничего не оставил, но я жду. Он намеревался продолжить расследование в тюрьме Миллбэнк. Он хотел опросить одного человека, очень важного для его расследования.

– Вы не знаете, были ли у него сообщники в полиции? – поинтересовался Холмс.

– Думаю, он работал с неким Хазелвудом.

– С профессором Корнелиусом Хазелвудом?

На лице Боктона отразилось крайнее изумление.

– Ну да, а что?

– Сколько времени Фостер уже не давал о себе знать?

– Не знаю точно. Неделю примерно.

– Это вас не беспокоит? – продолжал Холмс.

– Нет, я опубликую продолжение истории тогда, когда Фостер мне ее передаст.

– Вы рискуете прождать долго.

– Что вы хотите этим сказать?

– Фостер мертв, – бросил Холмс, наблюдая за реакцией директора.

Боктон не смог скрыть удивления.

– Как вы можете это утверждать?

– Вы не читаете газет?

– Нет. Переезд занимает все мое время и...

– Его тело найдено в одной из камер в тюрьме Миллбэнк.

– Это очень некстати, – сказал серый человек, почесав голову, – но самое трудное сделано.

– Самое трудное?

– Да. Наши продажи пошли вверх. Благодаря этому необычному расследованию круг наших читателей растет с каждой неделей. Молодые талантливые писатели заваливают меня рукописями. Я достиг цели. Наконец я выйду из этого бедственного положения. Это все, что имеет для меня значение. Я так долго ждал этого...

Самюэль Боктон поднялся и указал на сумки, полные писем и газет, которые он, очевидно, собрался вынести на помойку.

– Я погребу прошлое. Нужно освободить место для будущего.

Затем он бросил взгляд на дверь.

– А сейчас прошу извинить меня, но я вынужден проститься с вами, сейчас приедут грузчики. Нам нужно подготовиться к открытию нашей новой конторы в понедельник.

Мы покинули это место без малейшего сожаления. Этот отвратительный субъект никогда не войдет в круг моих друзей.

Спускалась ночь. Когда мы выезжали из Ист-Энда, я все еще колебался между сожалением от того, что уезжаю прочь от этой нищеты, и эгоистическим облегчением от мысли, что скоро окажусь в нашем комфортном маленьком жилище.

Той ночью я никак не мог заснуть. Слишком много вопросов вертелось в моей голове. У меня было странное чувство, что Боктон знает намного больше, чем рассказал нам. Я попытался перебрать в памяти различные элементы расследования, которые были в нашем распоряжении. С одной стороны, был этот трагический побег из Миллбэнк. Мы знали, что беглец, бывший адвокат по имени Марк Дьюэн, стал жертвой шантажиста. Ужасные преступления, отмеченные перевернутым крестом, были совершены после побега. Но, несмотря на все усилия полиции, Марка Дьюэна так и не нашли.

А сегодня мы узнали, что Фостер работал со знаменитым профессором Корнелиусом Хазелвудом, новым гуру современной криминальной полиции. Что они обнаружили? А Майкрофт Холмс? Почему он так старался держать своего брата подальше от этих дел?

Мне так и не удалось соединить элементы этой волнующей мозаики.

Слава Шерлока Холмса достигла своего апогея, а недоверие, которое он возбуждал в научных кругах, превратилось в озлобленность. Его упрекали в том, что он противопоставил бессознательный эмпиризм официальной науке и не следовал общим законам. Но больше всего на него сердились за то, что он добился убедительных результатов благодаря методам, научная основа которых не подтверждена.

Вскоре у Холмса появилось несколько ожесточенных клеветников. Пресса определенного рода не раз покрывала его грязью и называла шарлатаном, маргиналом, дилетантом и обманщиком. Но к чему представители научной власти были особенно нетерпимы, так это к ледяному равнодушию, с которым Холмс относился к ним. Хуже презрения может быть только равнодушие.

Вследствие досадной размолвки профессор Корнелиус Хазелвуд, самопровозглашенный основатель современной криминалистики, стал, судя по сообщениям подставной прессы, самым закоренелым врагом Шерлока Холмса. Хазелвуд считал себя новым пророком полицейского мира. На вопрос журналиста о том, почему он постоянно отказывается от официальной науки, Холмс однажды ответил: «Не из-за того, что поколения слабоумных ошиблись, полагая, что следует продолжать это делать!» – желая таким образом выступить против косности мысли в этой области. Его, конечно, можно было упрекнуть в многочисленных причудах, но только не в том, что он грубил власти или искал полемики. Однако именно это ему и удалось, потому что злополучное высказывание вызвало гнев большей части научных и религиозных сообществ.

Хазелвуд, нескромный хранитель научной мысли в области криминологии, воспринял эту безобидную фразу как личное оскорбление. Он больше не скрывал своей вражды к Холмсу, что не мешало ему подражать Холмсу и заниматься плагиатом самым бесстыдным образом, присваивая себе открытия детектива, давая им научное обоснование через математические и статистические законы безупречной репутации. Хазелвуд в некотором роде официально оформлял открытия Холмса, накладывая на них свою печать.

Я помню один примечательный разговор с моим другом на эту тему:

– Вы читали это, Холмс? Хазелвуд – проклятый наглец. Он утверждает, что может описать человека по его почерку. Будто он может определить привычки и основные свойства личности после изучения всего нескольких рукописных строк. Он просто-напросто использовал вашу мысль, которую вы так славно изложили в вашем небольшом трактате о физиографологии.

– Тем лучше, Ватсон, по крайней мере, с ней он согласился.

Холмс невозмутимо положил стеклышко на подставку своего микроскопа.

– Но, Холмс, разве вы не видите, что этот профессор Хазелвуд использует ради своей выгоды ваши открытия? Критикуя вашу работу, он бесстыдно присваивает ее себе.

– М-м-м.

Холмс, прижав правый глаз к микроскопу, внимательно рассматривал невидимый мир и восхищался им. Я еще раз убедился в том, что он не придавал ни малейшего значения тому, что думал, говорил или делал профессор Хазелвуд. Шерлок Холмс не нуждался в признании других для того, чтобы существовать, поскольку он был единственным представителем своей категории. Он был силен своими знаниями, и его совесть была единственным судьей, которого он признавал.

Я никак не мог понять, что толкнуло таких разных людей к сотрудничеству: Корнелиус Хазелвуд, гениальный, но деспотичный ученый, Майкрофт Холмс, великолепный, но таинственный шеф секретных служб, и Реджинальд Фостер, отважный журналист.

Расследование, которое вел Холмс по делу Марка Дьюэна, лишь еще больше запутало это дело. Убийства следовали одно за другим: сначала Фостер, затем маленькая Мэри Кинсли, сироты организации Мередита, жена банкира-каннибала, старая Эмма Варне... У Холмса были лишь записи в картотеке. Мы окончательно потеряли след.

Я был полностью погружен в размышления, когда голос моего друга вернул меня к реальности.

– Мы идем вперед гигантскими шагами, Ватсон.

- Вы узнали какую-то новость, о которой мне еще ничего не известно?
- Нет. Мне известно не больше, чем вам, Ватсон. Но и этого уже хватает. Подведем итог. Фостер работал в тесном сотрудничестве с профессором Корнелиусом Хазелвудом. Вместе им удалось собрать достаточно материала, чтобы разоблачить какую-то криминальную организацию. Хазелвуд видел в Фостере чудесное средство, чтобы сделать блестящий ход. Нет никакого сомнения в том, что он использовал все свое влияние, чтобы убедить Майкрофта назначить Фостера тюремным сторожем.
- Все, что вы сказали, известно. Фостер потерпел неудачу. Что-то или кто-то испугнул заключенного, которому удалось бежать под носом у полиции.
- Точно, Ватсон. Представьте себе замешательство Майкрофта и Хазелвуда. Из-за них двоих Фостер оказался мертв, а жаждущий мщения убийца - на свободе.
- Но почему ваш брат не хотел посвящать вас в это дело?
- Вы не можете не знать, что профессор Хазелвуд считает меня своим злейшим врагом.
- Понимаю. Хазелвуд опасался за свою репутацию. Если бы вы узнали правду и предали огласке его роковую ошибку, на его карьере можно было бы ставить крест.
- Совершенно верно, Ватсон! Хазелвуд очень влиятельный человек. Это он убедил или принудил Майкрофта назначить Лестрейда преследовать убийцу. Однако Майкрофт и Хазелвуд не знали, что Лестрейд немедленно примчится сюда, как только столкнется с неразрешимой проблемой.
- Действительно, все это кажется вполне логичным. Но признайте, что на данный момент мы не располагаем ни одной более или менее убедительной уликой, которая позволила бы нам направить наше расследование в нужное русло.
- Мне очень жаль, но придется не согласиться с вами, Ватсон. У нас есть послание, оставленное Дьюэном в камере, а также «рассказ» Фостера, опубликованный в «Фантастике». Сопоставление этих двух документов выводит нас на новый след. Фостер утверждает, что многочисленные преступления, так и оставшиеся нераскрытыми, совершены под действием «высших сил». Он говорит о таинственной организации, в которой женщина играет главенствующую роль.
- Но все это по-прежнему как-то неясно.

- И не только это. В записке Дьюэна говорится о мести: «Мои мучители познают муки ада».

Холмс поднял указательный палец и повторил, как приговор:

- Познают муки ада! Помните, какой знак оставил Дьюэн на лбу несчастного Фостера?
- Перевернутый крест? Символ приспешников сатаны. Дьюэн был членом сатанинской секты?
- Или использовал секту для собственной мести. Эти улики толкают нас на то, чтобы мы искали секту сатанистов, в которой какая-то женщина играет главенствующую роль.

И вновь Холмс сплел логическую цепь там, где я видел лишь джунгли несовместимых данных и противоречий.

- Что вы собираетесь предпринять дальше, Холмс?

- На данный момент не имею ни малейшего представления. Я еще никогда не сталкивался с подобной проблемой. Судя по всему, задача перед нами стоит непростая, ведь все эти секты не больно-то любят огласку. Нас ждет весьма продолжительная работа.

Над нами нависло тяжелое молчание. Трубка Холмса издавала астматический свист. Это был единственный звук, нарушавший покой и монотонность квартиры, за исключением вводящего в гипноз «тик-так» настенных часов.

Зима была в самом разгаре. День угасал, и мрак неуклонно окутывал весь город. Вскоре Лондон, задохнувшийся от густого тумана, станет лишь призраком из камня и дерева. Сколько еще гнусных преступлений совершится в этом городе, кажущемся таким тихим? Сколько потрошителей проснутся среди ночи, чтобы слепо порезать невинных, которые делят с ними жилье? Что происходит сейчас в их головах? Смогут ли они объяснить свой поступок утром?

Прошедшие события научили меня тому, что безумие может таиться в глубине души самых спокойных, чтобы внезапно вырваться наружу без видимой причины. Почтенный банкир оказывается еще и каннибалом. Достойный вдовец внезапно убивает дочь, как будто его рука выполняла приказ, данный свыше, и не подчинялась ему. Добрый пастор наказывает христиан дьявольской карой.

Если ли связь между этими убийствами? Были ли они совершены Марком Дьюэном, адвокатом, лишенным своих прав, или он просто управляет всем, уйдя на дно? Может быть, он сам – игрушка адской власти, способной превратить поборника справедливости в кровожадного палача? Еще никогда этот город не казался мне таким чудовищным и беспокойным.

Устав от напрасных размышлений, я попытался погрузиться в свой роман. Но вскоре буквы стали расплываться перед моими уставшими глазами. Я не мог сосредоточиться. Мои мысли были далеко. Часы пробили полночь. Я отложил книгу и отправился спать. Я боязливо ожидал прихода сна, как приговоренный ждет своего последнего часа, прокручивая в голове ужасные события, которые пришлось пережить.

Мэтр Олборн завершил чтение предыдущей главы, когда настенные часы пробили полдень. Лестрейд поднялся и ироничным тоном попросил позволения выйти, чтобы справить нужду, если этого не запрещает завещание, конечно. Мы все последовали его примеру.

Когда, освобожденные от проблемы, связанной с функционированием человеческого организма, мы вернулись в кабинет нашего друга нотариуса, Майкрофт Холмс задал вопрос, который перевернул все мысли, а тем более все желудки:

– Никто не проголодался?

Спустя четверть часа мои компаньоны с энтузиазмом опустошали тарелки, предоставленные в наше распоряжение моим другом Шерлоком Холмсом. Что касается меня, то болезненные воспоминания о тех событиях не способствовали моему аппетиту.

Замешательство отразилось на лице мэтра Олборна. Он повернулся ко мне и сказал, будто оправдываясь:

– Это чтение завещания выходит за рамки обычного. Но моя должность настолько рутинная и административная, что немного фантазии в моем деле только радует меня.

Глядя на мою осуждающую мину, он добавил:

– Кроме того, эта трапеза является в некоторой степени частью завещания Шерлока Холмса, так что нет ничего плохого в том, чтобы оказать ей честь. – Во всяком случае это ведь в порядке вещей. Рано или поздно мы все прекращаем свое существование. Вы можете уморить себя голодом, но это не вернет вашего друга, доктор Ватсон.

Наконец я позволил уговорить себя и попробовал немного пищи, запив ее свежей водой.

Лестрейд умудрялся одновременно уплетать ростбиф и продолжать дискуссию.

– У вас неоспоримый талант рассказчика, мой дорогой Ватсон, но я нахожу ваше повествование слишком биографичным и личным.

– Биографичное – возможно, таков закон жанра, но что касается личного, то тут я с вами не согласен. Я просто излагал факты с нейтральной позиции в хронологическом порядке.

– В таком случае к чему этот длинный пассаж об оскорблениях, нанесенных Шерлоку Холмсу? Вас послушать, так выходит, что ваш друг подвергался гонениям со стороны научных и религиозных организаций. Вы утверждаете, что пресса смешала его с грязью. Да вы из него просто мученика национального сделали, а разве это соответствует действительности?

– Я могу доказать то, о чем писал.

– Вопрос не в этом. Я ставлю вам в упрек то, что вы использовали эту историю для того, чтобы свести счеты.

– Мне не с кем сводить счеты, Лестрейд.

– А как же этот несчастный профессор Хазелвуд, мир его праху? Вы обвиняете его в плагиате, а на самом деле Хазелвуд всю жизнь прикладывал невероятные усилия, чтобы сделать доступными и применимыми интуитивные находки Шерлока Холмса. Он придал научную строгость методам любителя. Не забывайте, он – изобретатель современной криминалистики!

– В лучшем случае он изобрел ужасный неологизм. Вся его наука уже содержалась в монографиях моего друга.

Лестрейд налил себе стакан вина. Он никак не мог успокоиться.

– По крайней мере, вы могли бы избавить нас от описания вашего душевного состояния.

– Моего душевного состояния?

– Ваши нелепые кошмары не имеют ни малейшего отношения ко всей этой истории.

– Моей целью было показать, в каком психологическом контексте происходили эти мистические криминальные события.

Лестрейд сделал резкое движение рукой, будто отмахиваясь от моего высказывания, вследствие чего на белоснежной скатерти появилось красное пятно.

– Мистические? Для вас, возможно, но не для меня. Более того, никаких разговоров о сектах в связи с этими убийствами не было.

– Хотел бы я, чтобы это было так.

– Но вы сделали нечто куда более серьезное, доктор Ватсон. – Черты лица Лестрейда стали более резкими. – Вы недооценили полицию Ее Величества.

Раскрыв глаза, я уставился на него.

– Мои замечания имели отношение лишь к определенным ее представителям.

Лестрейд подавился и стал прилагать похвальные усилия для того, чтобы не попасть в обычную в таких случаях ситуацию.

Мэтр Олборн воспользовался этой передышкой, чтобы напомнить нам о нашем задании.

– Итак, господа! Не будем терять времени. Мы прочитали лишь незначительную часть завещания. У нас еще очень много работы. Мне не терпится узнать продолжение.

Майкрофт Холмс вытер салфеткой губы и поднялся.

– Мне тоже!

Лестрейд сделал большой глоток вина и проглотил застрявшую в горле пищу. После этого он занял свое место, бурча себе под нос:

– Тьфу! Шерлок Холмс до последнего момента смеялся над нами. Этот рассказ не имеет ничего общего с завещанием.

Мэтр Олборн подождал, пока мы все трое удобно устроились в своих креслах, надел пенсне и перевернул страницу.

Температура еще понизилась, теперь было несколько градусов ниже нуля. Полярная стужа парализовала столицу. Ледяное солнце отбрасывало на облака нереальные отражения почти металлического цвета. В это утро я чувствовал себя так, будто мне тысяча лет. Казалось, что мои ноги весили целую тонну. Мои мысли и движения были медленными, как у динозавра.

– Я всю ночь размышлял, – торжественно объявил Холмс, – и кое-что понял.

Хотел бы я то же самое сказать о себе. Целый час я с невероятными усилиями намазывал масло на поджаренный кусок хлеба. В этом испытании были задействованы все мои жизненные силы.

– Я знаю, где достать информацию о сектах и обо всем, что имеет отношение к дьяволу, – продолжал мой друг.

– Да?

– К нашему счастью, в Лондоне в Британском музее есть библиотека. Она насчитывает около полутора миллионов томов и по своей репутации превосходит все известные библиотеки, включая библиотеку Ватикана. Почему бы не воспользоваться этим?

Я согласился, но в глубине души был немного разочарован. Холмс приучил меня к более сенсационным решениям.

– Потом я изучу архивы полиции и мои собственные. Я должен внимательно исследовать все преступления, связанные с сектами. Прошлое зачастую объясняет будущее!

– И каким образом вы намереваетесь добраться до полицейских архивов? – возразил я для порядка.

Холмс уклонился от вопроса, сделав неопределенный жест.

– Конечно, придется привести весьма весомые аргументы. Признаю, это может оказаться достаточно разорительным.

Мой товарищ разработал верный способ добиваться услуг наиболее строптивых должностных лиц. У него была очень точная расчетная шкала, включающая все иерархические уровни – от самых хитрых шефов до самых ничтожных рассыльных. Ему было достаточно взглянуть на одежду, чтобы точно определить размер аргумента в шиллингах.

Я решил сопровождать его в библиотеку. Это все равно лучше, чем оставаться один на один с непослушными хлебцами.

Холмс подозвал экипаж. Кучер, великан с лицом фиолетового оттенка, казалось, окаменел от холода. Страшные трещины рассекали его вздувшиеся губы. Остановить лошадь ему стоило невероятных усилий – такой скользкой была мостовая.

– В Британский музей, друг мой! – объявил мой товарищ.

Кучер подышал на руки, пытаясь согреть их.

– Для этого нужно переехать через Лондонский мост, господин.

– И что?

– Движение стало очень затруднительным из-за гололеда. Поездка может затянуться.

– Неважно, нам туда нужно. Пусть это займет столько времени, сколько надо.

Несмотря на пронизывающий холод, весь город, казалось, куда-то ехал. Все было охвачено странным движением. Куда спешили эти люди?

Наконец мы приехали к Лондонскому мосту. Кучер не преувеличивал. Четыре ряда повозок разного сорта, omnibusы, кебы, двухместные кареты, фиакр-повозки для перевоза бочек, телеги, двухколесные тележки, двуколки, толкались в невероятной давке. Тротуары были забиты укутанными людьми, с трудом передвигающимися по обледенелым доскам.

Пожилые люди держались за перила, чтобы не поскользнуться. Дети перегибались через

каменные перила, рискуя упасть в пустоту. Их, казалось, очень занимало все происходящее на мосту, и они подавали знаки рукой кому-то, кого я не мог видеть.

Когда мы почти остановились, я высунул голову из экипажа и посмотрел вниз. Холод заставил меня на мгновение закрыть глаза, а затем моему взору открылось необычное зрелище.

Река была покрыта толстым слоем льда. Торговцы вразнос и уличные торговцы продавали там самые причудливые вещи. Десятки шатких барачков заполнили всю ледяную поверхность, не оставив свободным ни одного клочка. Снизу царило такое же волнение, как и наверху. Я, казалось, даже различил красный костюм собирателей навоза, что указывало на то, что лошади и упряжки пересекали реку по этому недолговечному насту.

В центре моста статуя Шекспира, святого покровителя всех замороженных, правой рукой указывала в небо и будто благословляла всех несчастных, копошащихся на застывшей реке.

Нам потребовалось еще добрых полчаса, чтобы добраться до Британского музея.

Читальный зал представлял собой огромную ротонду, над которой возвышался купол, прорезанный двадцатью высокими окнами с золоченым карнизом. Было тихо, как в монастыре, лишь изредка тишину нарушали приглушенные покашливания и шорох бумаги. Стол главного по залу был расположен на возвышенности кафедр.

За столом восседал служащий приема, неподвижный, как хамелеон, подстерегающий добычу. Несмотря на старческие движения, хамелеону вряд ли было более сорока лет.

Холмс подмигнул мне и сказал приглушенным голосом:

– Вы заметили, Ватсон, что администрация сажает в приемную всегда наименее приветливых служащих?

– Вы серьезно?

– Абсолютно! И объяснение тому очень простое. Эти люди часто оказываются не способны занимать другие должности. И тогда от безнадёжности их помещают в приемную. В их пользу играют еще стаж и выслуги.

– Не способны занимать другие должности? Что вы хотите этим сказать?

– У служащего в приемной развивается своего рода аллергия на работу. Некоторым из них даже удается действительно заболеть и заполучить все признаки своей воображаемой болезни. Я фиксировал и изучал удивительные случаи хронического прострела, преждевременной старости, паралича пишущей руки, периодического слабоумия, неуместного заикания, неуправляемой дислексии, случайной близорукости.

– К чему вы ведете, Холмс?

– Я говорю, что изучал эту проблему. Я даже начал составлять монографию о служащих приемных в английских административных учреждениях. Кто знаком с психологией персонала в приемной, тот владеет ключом к администрации!

Что касается меня, то я не был знаком с психологией Шерлока Холмса. У моего товарища было своеобразное чувство юмора, понятное лишь ему одному. До того своеобразное, что я никогда не знал, следует рассмеяться или серьезно отнестись к его замечанию.

Он приблизился к служащему и, желая заявить о своем присутствии, откашлялся:

– Кхе-кхе! Добрый день, друг мой! Нам бы хотелось заглянуть в сочинения о сектах.

Человек приложил к уху слуховую трубку и нахмурил брови:

– О насекомых?

Холмс повернулся ко мне.

– Периодическая глухота. Этот экземпляр теряет слух, как только его собеседник задает вопрос, который может обременить его работой или помешать его дремоте. Классический случай.

И он наклонился над стойкой.

- Нет. Сочинения о практическом сектантстве и о дьяволе.
- У вас есть точный шифр?
- Нет. Только темы, которые я вам назвал.
- Найти книги будет непросто. Кроме того, у нас очень мало книг по этому вопросу.
- Можно на них взглянуть?
- Не получится. Их взяли несколько дней назад.
- Вы уверены?

Человек в негодовании поднял глаза.

- Вы сомневаетесь в моих словах?

Холмс принял изумленный вид.

- Мне такое и в голову не пришло.

Итак, кто-то интересовался теми же книгами, что и мы. Простое совпадение?

- Вы могли бы описать людей, которые забрали эти сочинения? – настаивал Холмс.
- Да. Несмотря на все их усилия остаться незамеченными, их было трудно не заметить.
- Вы считаете, что они пытались спрятаться?
- Весьма вероятно.
- Как они выглядели?
- Их было трое. Мужчина и две женщины. На мужчине были темные очки, будто он хотел скрыть свои черты. Одна из женщин показалась мне очень странной.
- Опишите ее.
- Она была похожа на опечаленную сомнамбулу. У нее был застывший взгляд. Когда она посмотрела мне в лицо, у меня по спине мурашки пробежали. Она была одета в черное, и вокруг глаз у нее были большие красные круги.

Холмс приблизился к служащему.

- Вы записали их данные?
- Да, они в списке выдачи книг на дом.
- Можно взглянуть?

Человек весь напрягся.

- И не думайте об этом! Это запрещено. Я рискую потерять работу.

Холмс достал из кармана звенящий полновесный аргумент. Служащий взглянул на монету и сунул ее в карман. Он пролистнул несколько страниц внушительной книги, повернул ее к нам и сказал, не разжимая челюстей:

- Я ничего вам не говорил. Я вас не знаю. И ничего не хочу знать.
- Само собой разумеется, – ответил мой товарищ ему в тон.

Холмс склонился над книгой и тихо прочел: «Эрик Вайсс и Анна Эва Фэй, 89, улица Инд». Затем он поднял глаза на образчика периодической глухоты.

- Немцы?

Человек на этот раз расслышал все на сто процентов.

- Нет, американцы.

– Что позволило вам сделать такой вывод?

– У них был ужасный акцент, и они были хорошо одеты.

Холмс принял заговорщицкий вид.

– Они не сказали, зачем им нужны эти книги?

Директор зала возник за спиной у нашего информанта, который снова погрузился в свою глухоту.

– Вы позволите?

Холмс не настаивал.

Мы вышли из библиотеки. Мой товарищ довольно потирал руки.

– У меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть названия книг, которые эти странные посетители взяли с собой: «Вздохи из ада» Молтона, «Верования и суеверия Средневековья» Уильяма Падделтона, «In Memoriam» Тенниссона, «Призраки и привидения» Питера Эллери, «Диалоги с потусторонним миром» Артура Тамблена, «Полное собрание сочинений» Томаса де Кинси, «История дьявола» Даниэля Дефо. Похоже, Ватсон, мы вышли на правильный след!

Холмс остановил кучера у дома 70 по улице Инд и попросил его ждать нашего возвращения. Все было окутано непроглядным мраком. Сильная стужа заставляла нас дрожать, а ветер резал лицо, как бритва. Метров сто мы прошли пешком, согнувшись под силой ветра, и подошли к большому строгому дому, окруженному высокой решеткой с заостренными наконечниками. Огромные деревья протягивали в нашу сторону обнаженные ветви, будто предупреждая нас о неизбежной опасности.

Едва заметный свет, появившись из ниоткуда, промелькнул над нашими головами. Подняв глаза, я увидел, что здание окружала странная система зеркал и света. Мы отступили в тень.

– Взгляните, Холмс! Одно из зеркал только что повернулось вокруг своей оси. Не думаю, что это из-за ветра. Интересно, для чего нужно такое приспособление?

Мой друг посмотрел вверх.

– Впервые вижу нечто подобное. Думаю, это оптическая система, позволяющая наблюдать за подступами к усадьбе из дома. Скоро мы это узнаем.

Холмс схватил камень с мостовой и бросил его в изгородь. И сразу почти все зеркала повернулись к месту удара, а мощный луч света выхватил из темноты кусок зарослей. Мы едва успели прыгнуть за куст, скрываясь от этого дьявольского oka.

Мгновение спустя огромные ворота раскрылись без малейшего шума и выпустили наружу двух мужчин, принявшихся с помощью фонарей ощупывать ночь. Мы затаили дыхание. Холод стал жестоким, и пошел ледяной дождь. Через несколько минут один из типов развернулся.

– Пойдем, никого здесь нет.

– Ты прав, – согласился второй. – Это скорее всего ветер. Наверное, старая ветка сломалась и упала.

Ворота бесшумно закрылись.

– Это не просто дом, а настоящая крепость, – пробормотал Холмс. – Трудно будет проникнуть туда незамеченными.

– Почему бы нам не попытаться пойти ва-банк? Мы могли бы позвонить в дверь и попросить провести нас к хозяину под каким-нибудь предлогом.

– Вряд ли нам удастся найти предлог, не вызывающий никаких сомнений. Предлагаю лучше дожидаться, пока хозяин выйдет. Мы тогда попытаемся следовать за ним и...

Холмсу не удалось завершить фразу. Ворота открылись, и на улицу выкатил экипаж.

– Возможно, это наш шанс, Ватсон.

Мы побежали к нашему экипажу.

– Трогай! – приказал Холмс кучеру.

– Куда едем, господин?

– За тем экипажем!

Несмотря на дождь, который все усиливался, наш экипаж резво ехал добрую четверть часа. Поскольку почти ничего не было видно, я не знал, следуем ли мы по-прежнему за тем экипажем. Внезапно Холмс закричал:

– Стоп!

Кучер натянул поводья. Лошадь встала на дыбы, и фиакр, проехав несколько метров по льду, остановился.

Мой друг схватил меня за рукав и потянул за собой.

– Что случилось, Холмс?

– Вон там! Экипаж, за которым мы ехали, остановился. Смотрите! Вон тот человек.

На некотором расстоянии от нас некто, одетый в черный плащ и цилиндр, выходил из экипажа. Мы спрятались в тени ворот.

Человек поднялся по ступеням, толкнул маленькую дверь и вошел в здание.

– Идем за ним! – прошептал Холмс.

Он поковырялся в замке инструментом для чистки трубок, и после тихого щелчка дверь отворилась. Мы оказались в здании. Холмс приложил палец к губам и указал на надпись над дверью, но у меня не было времени прочесть, что там написано.

Мы на ощупь пробирались по темной и загроможденной комнате. Вдалеке я различил рассеянный свет. До нас доносился приглушенный гул толпы. У меня было странное чувство, будто за мной наблюдают десятки глаз. Я резко обернулся. Кто-то стоял в растерянности позади меня, в тени. Потребовалась доля секунды, чтобы узнать в этом человеке собственное отражение в зеркале. Мои глаза начали привыкать к темноте. Нас окружало множество неподвижных предметов. Были ли это манекены, автоматы или люди? Я отступил на шаг, напуганный такой компанией, и моя нога на что-то наткнулась. Механизм запищал, и стая птиц с шумом поднялась под самый свод здания. Я развернулся и натолкнулся на одну из этих устрашающих фигур. Я хотел бежать, но фигура схватила меня за руку.

– Эй! Куда вы так торопитесь?

Я застыл от страха.

– Думаю, мы ошиблись дверью, – непринужденно сказал Холмс.

– Вы идете на презентацию?

Мой друг принял высокомерный вид.

– Очевидно, да.

– Следуйте за мной, – продолжал человек, – я провожу вас. Не понимаю, как вам удалось забрести сюда.

– Мы искали гардероб, – раздраженно сказал Холмс.

Человек был близок к тому, чтобы извиниться.

– Надо признать, в этом лабиринте запутаться несложно.

Мы прошли в битком набитый зал. На мгновение яркий свет ослепил нас. Холмс опустил в руку нашего проводника полкроны.

– Спасибо, друг мой. Вы вывели нас на правильный путь. Наши места мы найдем сами.

Получив такой подарок, человек больше не задавал нам вопросов.

– К вашим услугам, господа.

Холмс указал мне на два свободных кресла в третьем ряду. Усевшись, я наклонился к моему другу.

– Будете ли вы так любезны объяснить мне, что мы тут делаем, Холмс?

– Вы как ребенок, Ватсон! Вы же и сами прекрасно видите, что мы в театре. Вы разве не прочитали вывеску «Вход для артистов» над дверью?

– Так вот что там было написано. А сейчас что здесь происходит?

Внезапно зал погрузился в темноту. Только плотно задернутый красный занавес сцены освещался ярким лучом прожектора.

– Скоро мы это узнаем, Ватсон.

Занавес поднялся. Навстречу свету прожектора вышел человек и властным жестом заставил публику смолкнуть.

– Дамы и господа! Зрелище, которое вам предстоит увидеть, единственное в мире. Человек, который выступит перед вами, каждый раз рискует жизнью. Этот спектакль вы не забудете до конца своих дней. Я попрошу людей чувствительных и эмоциональных покинуть зал. Но если уж вы решили остаться знайте, что ваши нервы подвергнутся суровому испытанию.

Я наклонился к моему другу.

– Какая чепуха!

Сидевшая за нами тучная дама в платье из розового кринолина громко усмехнулась. Конферансье торжественно взмахнул рукой.

– Я имею честь представить вам величайшего волшебника всех времен: Гарри Гудини!

Занавес поднялся, и мы увидели странные декорации, перед которыми стоял невысокий человек атлетического телосложения. Откуда-то звучала громкая музыка, Артиста встретили бурными аплодисментами. Я не смог сдержать удивленного возгласа.

– Холмс, это же...

– Тихо!

Таинственный незнакомец, за которым мы следовали от его дома, оказался не кем иным, как Гарри Гудини.

Музыка стихла. Гудини поприветствовал публику глубоким поклоном. Два помощника помогли ему освободиться от плаща и цилиндра. Зрители немного успокоились. Со всех сторон светили прожекторы. На сцене под удивленные возгласы зрителей появились декорации сомнительного вкуса.

Гигантский стеклянный аквариум занимал центральную часть сцены. Над ним возвышался какой-то кран, похожий на те, что используют для погрузки товара на судно. Аквариум окружали колонны и скульптуры ярких цветов, представляющие развалины греческих храмов и статуй фараонов.

Конферансье подошел к краю сцены.

Великий Гудини сейчас наденет капюшон и смирительную рубашку, и мы свяжем его ремнем.

Два помощника связали волшебника.

– Затем его подвешат за ноги на этот кран. Гудини, связанный с ног до головы, не мог теперь и пальцем пошевелить. Помощники привязали его лодыжки ремнем к концу крана. Тело волшебника подняли на воздух, головой вниз. Конферансье продолжал:

– А сейчас, дамы и господа, я попрошу соблюдать полнейшую тишину, чтобы не мешать мэтру сосредоточиться. Через несколько секунд этот кран опустит его в бассейн с водой, и в его распоряжении будет всего две минуты, чтобы освободиться. Вы сможете следить за этим необыкновенным освобождением сквозь прозрачные стенки аквариума.

В мертвой тишине механизм крана пришел в движение. Все затаили дыхание, и я, конечно, тоже. Связанное тело иллюзиониста мягко опустилось в воду и моментально погрузилось в нее.

Справа от сцены луч света выхватил огромные настенные часы, которые начали свой отсчет.

Гудини дергался в смирительной рубашке, но ему не удавалось порвать ни одного ремня. Часы отсчитывали секунды, длившиеся целую вечность.

Движения Гудини становились беспорядочными и торопливыми. На мгновение мне показалось, что он запаниковал и ему не удастся освободиться от смертельных уз.

Бесконечная минута подошла к концу. Я пожалел о том, что нахожусь здесь и должен наблюдать за этим спектаклем. Мои нервы были натянуты, как струны. Холодный пот выступил у меня на лбу, и руки вцепились в подлокотники кресла. Холмс, не отрываясь, смотрел на сцену, неподвижный, как чучело совы.

С дамой в кринолине случился обморок, сосед сунул ей под нос нюхательную соль. Она пришла в себя, но, осознав, что происходит, разрыдалась.

Прошла вторая минута – медленная, страшная, невыносимая. Движения Гудини становились все более отчаянными. Тело его вздрогнуло несколько раз и затихло. Конферансье вынул часы из жилета и вытер пот со лба.

Третья минута, граничащая с вечностью, подошла к концу.

Мертвая тишина накрыла зал. Конферансье бегом пересек сцену и, бурно жестикулируя, обратился к помощникам. Разговор был оживленным и коротким. Один из мужчин указал пальцем на бассейн. Его коллега кивнул и указал на настенные часы. Четыре минуты. Послышалось еще несколько приглушенных междометий. Какие-то мужчины появились из-за кулис и встали в глубине сцены, взволнованные и нерешительные. Все, казалось, были в замешательстве.

По залу пронеслось паническое бормотание.

Внезапно мужчина из первого ряда поднялся и указал на аквариум.

– Вы что, не видите, что он тонет? Нужно вызволить его оттуда.

Конферансье попытался успокоить публику.

– Это... это несчастный случай. Такого еще не было. Оставайтесь на своих местах! Ситуация под контролем.

Один из помощников подошел наконец к ручке подъемника и попытался поднять тело. Публика издала крик ужаса: торопясь, помощник сломал рукоятку. Смирительная рубашка недвижно опустилась на дно гигантского аквариума.

Внезапно конферансье и помощники скрылись в глубине сцены, бросив несчастного на произвол судьбы.

Тогда человек из первого ряда поднялся на сцену, встал в лучах прожекторов лицом к публике, скрестив руки. Я не мог расслышать, что он говорил.

Крики паники снова пронеслись по залу. Еще несколько человек поднялись на сцену, намереваясь помочь утопающему.

Человек из первого ряда снял цилиндр, театральным жестом отбросил черный плащ и сделал глубокий реверанс.

– Гудини! – успела прореветь наша соседка в кринолине, прежде чем снова потерять сознание.

Публика, разрываемая паникой и восторгом, колебалась некоторое мгновение. Затем весь зал дружно поднялся, скандируя имя волшебника почти в истерике. Раздались оглушительные аплодисменты. Я присоединился к ним.

– Невероятно, Холмс. Этот человек – настоящий гений. Как он это сделал?

Холмс стоял рядом, неистово аплодируя. Он повернулся ко мне.

– Вы видели это, Ватсон? Этот человек – величайший мистификатор всех времен. Как он это сделал?

Понемногу публика успокоилась. Гудини стоял лицом к залу. Простым жестом руки он заставил зал стихнуть.

– А сейчас мы предпримем путешествие к границам сверхъестественного. Опыт, который последует, может травмировать самых чувствительных среди вас. Поэтому я снова прошу людей эмоциональных или имеющих больное сердце покинуть зал.

Многие встали и вышли из зала.

Гудини подождал, пока снова наступит тишина.

– Я заставлю появиться самого дьявола.

Испуганный шепот пробежал по залу.

– Дьявол околдует зрителя, выбранного случайно, и будет управлять им.

Зал снова испуганно вздохнул.

– Не верю я в эту чепуху! – воскликнул я. Мне не следовало произносить это так громко.

Прожектор в тот же миг ослепил меня. Теперь все взгляды были прикованы ко мне. С высоты сцены Гудини указал пальцем в мою сторону.

– Господин желает участвовать в эксперименте?

– Я? Ну я...

Тотчас рядом со мной возникла очаровательная юная дама в платье с блестками, которое было ей очень к лицу. Она подала мне руку и повела к сцене. Я бросил отчаянный взгляд на Холмса. Он жестом подбодрил меня.

– Идите-ка сюда! Ничего не бойтесь! Это ведь все вранье и чепуха, не так ли?

И я уже стоял рядом с Гудини, ослепленный светом прожекторов.

Ободрающие возгласы доносились из зала, который вдруг превратился в большую черную дыру.

Нестройная музыка звучала у моих ног. Гудини протянул ко мне руки, будто желая, чтобы я восхитился его ногтями. Он заставил меня проделать несколько гимнастических упражнений, вне сомнения для того, чтобы подготовить меня к какой-то физической нагрузке.

Внезапно я почувствовал сладкий привкус во рту. Это было даже приятно.

До моего слуха будто издалека донеслись приглушенные возгласы, смешанные с аплодисментами и смехом. Понемногу меня охватывала какая-то темная сила. На коже будто прорвались тысячи волдырей и с неприятным покалыванием распространились по всему телу. Во рту я снова почувствовал вкус сахара.

Музыка прекратилась. Что-то теплое вышло из моего тела и скрылось в темной глубине сцены.

Стоя рядом со мной, Гудини сделал глубокий поклон. Публика аплодировала. Сцена была усеяна перьями и обрывками тряпок. Два помощника принялись устранять этот беспорядок. Стряхнув пыль с одежды, я отправился на свое место. Мой рот был забит пухом. Люди расступались передо мной и бросали на меня косые взгляды.

Холмс встретил меня странными словами:

– Браво, Ватсон! Какой талант!

Спектакль продолжался. Номера сменялись в бешеном ритме, каждый последующий был красочнее предыдущего. Гудини вызвал несколько призраков, хорошо знакомых лондонской публике. Перед нашими глазами происходили странные и необъяснимые вещи.

Наступила последняя сцена спектакля. Мрачные декорации изображали тюремную камеру, будто выплывшую из ниоткуда и занявшую всю центральную часть сцены. Конферансье с наигранным пылом объявил, что нам предстоит присутствовать при реальном побеге заключенного из Миллбэнк.

Появился Гудини, закованный в кандалы. Тяжелая дверь камеры закрылась за ним. Через несколько секунд из глубины сцены опустился в зал разносчик газет:

– Сенсационный побег из Миллбэнк! Спрашивайте газету «Гудини экспресс ньюс»! – выкрикивал он.

Когда он проходил мимо, его черты показались мне знакомыми. Где я мог видеть этого мальчика? А на сцену уже выбежали четыре полицейских и раскрыли камеру. Мы увидели закованный в цепи скелет, одетый как Гудини.

Сбитая с толку публика больше не в состоянии была отличить правду от лжи. Наполовину охрипший разносчик газет поднялся на сцену. Он сбросил лохмотья и сделал глубокий реверанс – заново воскресший Гудини с улыбкой принимал бурные аплодисменты толпы. Движением руки он попросил тишины.

– Пришло время проститься. Спите спокойно!

Внезапно будто молния стального цвета осветила сцену, и волшебник распался на тысячи частиц, сверкающих в свете прожекторов. Потолок театра исчез, уступив место глубокому черному небу, усыпанному звездами, планетами и галактиками. Комета пересекла небесный свод и устремилась в бесконечность.

Позади нас прозвучал голос изнуренной женщины:

- Гудинииииииииииииииии!

Новый день только занялся, и я проснулся.

У меня было лишь туманное воспоминание о прошедшем вечере. Смутное чувство вины засело в самом дальнем углу моего подсознания, но я не мог объяснить, чем оно вызвано.

Холмс появился с двумя стопками искромсанных журналов.

- Доброе утро, Ватсон. Как вы себя чувствуете?
- Этот магический спектакль оставил странный привкус у меня во рту.

Холмс расхохотался.

- Меня бы удивило обратное.
- Почему?
- Вы что, и правда не помните ничего из того, что произошло вчера вечером?
- Что-то помню. Я проделал несколько физических упражнений, думаю, в качестве разминки. Что было дальше, не могу точно сказать. Я вернулся на свое место. Мой рот был набит перьями и сахаром. Честно говоря, я ничего не помню. Я что... кому-то навредил?
- К счастью, нет. Гудини лишь околдовал вас.
- Околдовал?
- Едва вы поднялись на сцену, как он превратил вас в дрессированную собаку. Вы выделяли очень симпатичные пируэты. Бегали на четвереньках и исполняли все его приказы. За это он наградил вас лакомством, которое вы мгновенно съели. Публика умирала со смеху. Продолжение эксперимента было уже не таким смешным.
- Что произошло?
- Гудини вызвал дьявола.
- Дьявола?
- Да. Дьявол появился на сцене.

Холмс принялся пританцовывать, как бесноватый эльф, пытаясь изобразить эту сцену. Я не знал, стоит ли посмеяться над этой пантомимой или лучше сохранить серьезность.

- Только не говорите, что вы поверили в это. На кого он был похож, этот... дьявол?
- Сложно сказать. Что-то вроде постоянно деформирующейся эктоплазмы. Однако мы все были уверены, что перед нами сам дьявол.
- Какой-нибудь визуальный эффект. А потом?
- Дьявол или, вернее, визуальный эффект вошел в ваше тело.

Холмс поднял руки над головой и медленно опустил их вдоль тела, будто надевая невидимую ночную рубашку.

- Ваше поведение сразу изменилось. Из дрессированной собачки вы превратились в бешеного пса. Ваш лай вселял ужас. Гудини показал вам куклу, одетую машинистом. Вы бросились на нее и растерзали с невиданной яростью.
- Кукла была наполнена перьями?
- Да. Это зрелище было и комичным, и ужасающим. Странно было видеть вас барахтающимся в куче этих перьев. За несколько секунд вы разодрали куклу в клочья. Боюсь даже представить себе, что было бы, набросься вы с такой яростью на человеческое существо.

Мой товарищ зажал в зубах подушку и встряхнул ее.

- Мне очень жаль. Я не знал.

Холмс оставил в покое свою добычу.

– Вы больше не были хозяином своих действий, Ватсон.

– Чем же все закончилось?

– Гудини дал вам очередное лакомство, и вы снова стали Ватсоном. Вы вернулись на свое место, будто ничего не произошло.

– Это ужасно. Представьте себе силу, заключенную в этом человеке!

– Я очень хорошо могу это представить, Ватсон. Именно поэтому мне не терпится нанести ему визит.

– Вы же говорили, что это обязательно вызовет подозрения.

– Я не знал, с кем мы имели дело. Теперь знаю. Мы потребуем от него объяснений, пригрозим, если будет нужно. У меня к нему масса вопросов. Почему он называет себя Эриком Вайссом? Что он искал в библиотеке? Кто такая эта Анна Эва Фэй, таинственная женщина в черном, которая сопровождает его? Какую роль она играла в бегстве из Миллбэнк и в последовавших убийствах?

Холмс положил пистолет в карман пальто. Пришло время кончать играть комедию. Я сделал то же самое и последовал за ним.

Полчаса спустя мы звонили в дверь импозантного дома-крепости Гарри Гудини. Многочисленные зеркала тотчас развернулись в нашу сторону. Один из сторожей появился и подозрительно посмотрел на нас.

– Кто вы такие? Что вам нужно?

– Я Шерлок Холмс, а это мой друг, доктор Ватсон.

– Мы не нуждаемся в услугах доктора.

– Сразу видно, что вы не местный, – сказал я. – Шерлок Холмс – величайший сыщик Англии!

– И тем более нам не нужны никакие сыщики.

– Нам необходимо встретиться с Гарри Гудини, – продолжил Холмс.

Сторож выпучил глаза, как сова.

– Гарри Гудини? Никогда не слышал этого имени.

Он, судя по всему, был законченный лгун.

– По велению Ее Величества Королевы Англии, – добавил Холмс, который тоже был не прочь приврать.

– Впусти их! – голос с металлическим оттенком раздался из ниоткуда.

Ворота, вздохнув, открылись. Охранники неохотно расступились, пропуская нас.

Гудини шел нам навстречу. Он показался мне еще меньше, чем тогда, на сцене. Он был без макияжа и костюма, и мы смогли как следует разглядеть его. Рост не более метра шестидесяти, но под пальто можно было угадать внушительную мускулатуру. Слегка загоревшее лицо, выступающий вперед подбородок. Густые черные волосы по форме напоминали шлем и прекрасно сочетались с темными глазами. У него был большой рот и красиво очерченные скулы. Его черты, скорее грубые, выдавали скромное происхождение. Он казался довольно молодым, но в каждом его движении проглядывал характер.

– Прошу вас простить моих охранников. У них строгий приказ. Добро пожаловать, мистер Холмс, и вы, доктор Ватсон. Чем могу быть вам полезен?

– Нам бы хотелось немного поговорить с вами.

– Это честь для меня. Мне очень льстит ваш визит. Но как вы разгадали мою настоящую личность?

– Это моя профессия, – лаконично ответил Холмс.

Волшебник повернулся в мою сторону и внимательно посмотрел на меня.

– О, вас я узнал! Вы участвовали в моем представлении вчера, не так ли? Думаю, ваш визит – не простое совпадение.

– Да, это так, – подтвердил я.

– Пройдемте, в доме нам будет гораздо удобнее беседовать.

Гудини проводил нас в богато обставленную гостиную. Комната походила на музей. Она была наполнена волшебными фонарями, музыкальными шкатулками, приспособлениями самого разного сорта и причудливыми предметами, точного назначения которых я не знал.

Статуя факира, сидевшего по-турецки, возвышалась на пьедестале в углу комнаты. Мне показалось, будто статуя следит за мной взглядом. Несмотря на музейную обстановку, комната внушала какое-то беспокойство. Я опустил руку в карман и почувствовал обнадеживающее присутствие пистолета. В какое осиное гнездо мы попали?

В центре комнаты две женщины рассматривали огромную карту неба, разложенную на большом деревянном столе. Они повернули головы в нашу сторону. Старшая во всем подходила под описание, данное нам служащим библиотеки. Более молодая поднялась и пошла к нам навстречу.

– Это Бесс, моя супруга, – сказал Гудини. – А это моя подруга и советчица, Анна Эва Фэй. – Он указал на женщину в черном.

– Советчица? – подхватил Холмс.

– Да, Анна – медиум. Она дает мне точные указания по ходу сеансов спиритизма. Не будем ей мешать, она разрабатывает сейчас астральную тему.

– Итак, вы имеете некоторое отношение к оккультным наукам?

– Нисколько. Моя сфера – это иллюзия, великая иллюзия. Но я черпаю вдохновение из опытов Анны, чтобы придать моим спиритическим номерам правдоподобность.

Анна Эва Фэй не соблаговолила поприветствовать нас, настолько она была увлечена своей таинственной работой.

Гудини пригласил нас к низкому столику рядом с просторным камином. Принесли чай. Мы обменялись несколькими банальными замечаниями о Лондоне и мерзкой погоде.

– Что вы искали в Лондонской библиотеке? – совершенно неожиданно спросил Холмс в самом разгаре беседы.

– Ах, там?.. Как вы узнали? Забыл, вы ведь сыщик.

– Да.

– Я искал сочинения о Джеке-Потрошителе, о спиритизме, о практикующих сектах, о дьяволе, старые истории об английских призраках, все, что составляет таинственное богатство вашей страны!

– Необычное чтение для иллюзиониста, – не преминул заметить я.

Гудини казался удивленным.

– Напротив! Англия, а тем более ее столица, неиссякаемый источник вдохновения для меня.

– Лондон – источник вдохновения?

– Да. Для иностранного посетителя это мир парадоксов и контрастов. Каждая улица таит в себе тайну. Лондон может быть божественным и ужасным. Этот город наполнен историей, как в единственном, так и во множественном числе. Ни в каком городе Нового Света вы не найдете такого разнообразия.

– Но с какой стати вы интересуетесь современными преступлениями?

– По той же самой причине. Я обращаюсь к актуальным происшествиям, чтобы задеть публику за живое. Я вывожу на сцену коллективные страхи и галлюцинации. Хочу, чтобы мое представление затрагивало зрителя. А самое шумевшее событие последнего времени в Лондоне – побег из Миллбэнк. И еще вечный страх перед дьяволом. Я ведь продемонстрировал номера именно по этим темам. Признайте, что зрители попались на крючок!

– Со мной в роли наживки, – напомнил я.

– Не сердитесь, доктор Ватсон. Это было частью спектакля.

– Кстати, как вам удалось превратить меня в страшного пса?

– Я практикую гипноз, как и большинство моих коллег. И кроме того, как мне кажется, обладаю достаточно большими способностями убеждения.

– А появление дьявола, эта эктоплазматическая форма, которая проскользнула в тело моего друга? – спросил Холмс. – Что это было на самом деле?

– Простой оптический эффект. Но я не могу вам больше ничего сказать. Профессиональная тайна. Зеркала и свет – моя страсть.

– Мы заметили. Ваш дом окружен невероятной системой зеркал, управляемых изнутри, не так ли?

– Точно. Это небольшое практическое применение моих открытий.

– Ваших открытий?

– Да. Я увлекаюсь техникой. Оптика – одно из моих многочисленных увлечений. Я также интересуюсь всеми техническими новинками, будь то в химии, механике или электричестве. Они открывают новые горизонты для нашей профессии. Старые избитые трюки слишком хорошо известны публике. Необходимо придумывать новые, чтобы удивлять зрителей. Мои великие иллюзии очень непростые. Для их исполнения нужны часы подготовки и новейшая техника.

– ЭТО те самые технические средства, которые позволили вам убедить публику в реальности появления дьявола?

– И не только они. Иллюзия складывается из комбинации различных факторов. Личность и талант актера-иллюзиониста играют важную роль. Я повторяю свои номера перед многочисленными зеркалами. Важен каждый жест. Психологическое состояние публики также сильно влияет на успех номера. Иногда достаточно подозрительного звука, вариации света и цвета, внезапного температурного контраста или чего-то подобного, чтобы создать впечатление тайны.

Холмс ловил каждое слово волшебника. В конце концов, не был ли он сам тоже мастером мистификации с его бесчисленными переодеваниями?

Я вспомнил номер с бассейном. Гудини и его помощники, которые оказались еще и замечательными актерами, ловко держали весь зал в напряжении, разыгрывая потопление. Номер длился всего несколько минут, но состояние публики было такое, что все последующие номера воспринимались бурно.

– А бассейн? Как вы вышли из него живым? – спросил я.

– Я не выходил из него, – таинственно ответил Гудини.

– Но ведь все видели, как вы барахтались в воде, головой вниз, связанный, в смиренной рубашке, – настаивал я.

– Вы хотите сказать, что видели, как барахталась рубашка, доктор Ватсон. А это не одно и то же. В мире иллюзии не рекомендуется слишком доверять своим глазам. Но я и так уже слишком много сказал...

Бесс Гудини подвинула к нам чайник.

– Еще чаю, господа?

Холмс подставил чашку. Я почувствовал, что мы достигли поворотного момента в беседе и

сейчас неуместно продолжать выпытывать профессиональные тайны.

– Но почему вы скрываетесь под вымышленным именем, которое звучит как немецкое? – резко спросил Холмс.

– Вовсе оно не немецкое, – волшебник казался оскорбленным. – Венгерское! Эрик Вайсс – мое настоящее имя. Я родился в Будапеште.

– Вы разве не американец?

– Нет. Я приехал в Соединенные Штаты, когда мне было четыре года. Но я всегда говорю в интервью, что родился в городе Эпплтон, штат Висконсин.

– К чему такая таинственность?

– Это облегчает мою карьеру в США.

– А что это за имя – Гарри Гудини?

– Это сценический псевдоним в честь великого французского волшебника Жана Евгения Роберт-Гудин.

Гудини-Вайсс поднялся, сделал несколько шагов по комнате и внезапно ткнул пальцем в сторону Холмса.

– А теперь ваша очередь!

– Наша? – повторил Холмс.

– Вы знаете обо мне все. Я правдиво ответил на ваши вопросы. Все было сделано согласно закону. Мне кажется нормальным, если вы сейчас расскажете мне, что вы ищете.

– Я веду расследование последних смертей в Лондоне, – ответил мой друг, краем глаза наблюдая за своим собеседником. – Определенные улики заставляют предположить, что эти убийства – дело рук некой секты. Мои поиски привели меня в Лондонскую библиотеку. А далее след вывел на вас.

Гудини рассмеялся.

– Вы меня подозреваете?

Холмс ответил не сразу. Молчание затянулось, рождая подозрения. Наконец он сказал сквозь зубы:

– Я привык анализировать факты и пытаюсь найти им объяснение. Побег из Миллбэнк произошел на следующий день после вашего приезда в Лондон.

Фраза повисла в воздухе, а Холмс следил за малейшей реакцией волшебника.

– Простое совпадение, мистер Холмс.

– А как же ваша инсценировка побега из Миллбэнк? Вы были знакомы с Марком Дьюэном?

Гудини больше не смеялся.

– Я узнал его историю из прессы, как и все остальные. И не воображайте себе...

– А потом был этот странный визит в библиотеку.

– Я уже объяснил причину, по которой пошел туда. Что касается моего пребывания в Лондоне, то оно продлится не более нескольких месяцев. Этого как раз достаточно, чтобы впитать в себя местную атмосферу и поставить новые номера. После этого я продолжу турне в Париже и в Риме. А еще надеюсь посетить родину, перед тем как вернуться в Соединенные Штаты. Я всего лишь иллюзионист в поисках странного и сенсационного, не более того. То, что я демонстрирую в своих спектаклях, всего лишь отражение реальности.

Холмс продолжал настаивать.

– Мертвецы последних дней тоже были вполне реальными. Я видел этот ужас собственными глазами.

Это не поколебало нашего хозяина.

– Имеет значение не то, что вы видите, мистер Холмс, а то, во что вы верите. Наша жизнь – одна большая иллюзия.

Гудини щелкнул пальцами. Внезапно статуя индийского факира сошла с пьедестала, направилась негнущейся походкой к двери и отрывистым жестом предложила нам уйти.

Хозяин прочел изумление на моем лице и расхохотался.

– А что это за новое чудо? – спросил я его.

– Чудо? Какое чудо, доктор Ватсон?

Я обернулся к двери. Там никого не было. Гудини проводил нас до двери и стал прощаться. В тот момент, когда мы уже выходили, он окликнул нас:

– Господа!

Мы обернулись. Дула пистолетов были направлены на нас. Бежать было слишком поздно. Волшебник протянул нам пистолеты, держа их за дуло.

– Не забывайте ваше оружие.

Он мог прикончить нас в любую секунду, но не сделал этого. Было ли это предостережение или просто демонстрация мастерства? Был ли он невиновен, как утверждает? Быть может, его официальная деятельность прикрывала другую, куда менее благовидную и законную? Не зашел ли он слишком далеко в своих поисках? Может, он стал жертвой собственных фантазий?

Я содрогнулся от ужаса, представив себе, что этот человек использует свой дар во имя зла.

Лондон под сумеречным небом был скован холодом, и я чувствовал себя неважно.

Расследование не продвигалось. С каждой новой деталью тайна становилась все более неразрешимой. Визит к Гудини ничего не дал. Холмс нанял людей, установив за ним постоянную слежку, и надеялся, что ему удастся раскрыть секрет волшебника, если у того вообще был секрет.

Склонившись над письменным столом, Холмс уже несколько часов изучал газеты. Он поднял голову и постучал трубкой о пепельницу, чтобы стряхнуть пепел. Я воспользовался этой передышкой, чтобы спросить его.

– Есть новости, Холмс?

– Никаких. Скотланд-Ярд напечатал в газетах портрет Дьюэна и предложил кругленькую сумму тому, кто поможет задержать его. Это, пожалуй, все. Ах да, полиция обнаружила тела пропавших сирот. Им было достаточно просто следовать моим инструкциям.

– Каким инструкциям?

– Им были известны даты исчезновения детей. Они установили, какие еще смерти произошли в те дни. Тела детей оказались в этих могилах, с кляпом во рту, привязаны к гниющим телам. Как я и предполагал, перевернутый крест был нанесен на внутренней стороне каждой крышки гроба.

– Полиция, значит, приняла вашу теорию.

– Вовсе нет. Скотланд-Ярд утверждает, что кресты рисовал Маллиган, слабоумный, который опускал гробы в землю. Кресты были нарисованы плохо и не несли никакого сатанинского значения. Полиция нашла горшок красной краски в лачуге Маллигана, что, по их мнению, подтверждает эту версию.

Холмс замолчал, закуривая трубку. Он глубоко затянулся и продолжил:

– Что касается Лестрейда, то он усмотрел в этом неопровержимое доказательство виновности аббата. По его мнению, у аббата были непонятные отношения с этими несчастными мальчиками и он продал душу дьяволу.

– Лестрейд ведет это дело?

– Разве я не говорил вам? Он объявил прессе, что полиция нуждается в очень проницательном сыщике. Ему всегда удастся обернуть все в свою пользу. И как только он снова зайдет в тупик, непременно придет ко мне.

Холмс едва завершил фразу, как в дверь постучала миссис Хадсон.

– Мистер Холмс, там внизу тот невоспитанный господин, который приходил на днях и залил весь паркет.

– Вспомнишь дурака... – улыбнулся Холмс. «Заливатель паркета» оттолкнул нашу хозяйку и ввалился в гостиную. На этот раз он не был таким промокшим, зато пребывал в таком же возбуждении, как и в свой прошлый визит.

– Холмс! У нас проблема, – объявил он, забыв о всех правилах приличия.

– У нас? – повторил мой товарищ и заговорщицки подмигнул мне. – Вы хотите сказать, у вас проблема. И вы пришли ко мне, потому что не способны сами ее решить.

– Ну... в некотором роде... и правда... – признал сыщик, заломив в отчаянии руки.

– Садитесь, давайте все спокойно обсудим. Полицейский уже был готов рухнуть в одно из кресел гостиной, когда Холмс остановил его:

– Стоп! Не двигайтесь!

Лестрейд завис над подлокотником кресла. Холмс поспешно убрал с кресла скрипку.

– А теперь вы можете сесть.

Полицейский облегченно вздохнул.

– Простите, Холмс, я не заметил ее.

– Как же так? Такой проницательный сыщик, как вы, светило полиции, можно сказать...

Полицейский некоторое время жестикулировал, не зная, как вести себя дальше. Холмс обладал талантом находить у своих собеседников слабые места. Он иногда применял эту технику по отношению к людям, которых хотел вывести из равновесия.

Лестрейд откашлялся.

– Дочь лорда Барнингтона, Джейн, пропала два дня назад. Нам сообщила об этом сама леди Барнингтон. Она попросила нас вести расследование так осторожно, как только возможно, чтобы избежать скандала. Она из очень благородной семьи и ставит честь рода превыше всего. Это, наверное, главное в ее жизни, наравне с мужем и дочерью, разумеется. Естественно, полиция поручила это дело мне.

Холмс повернулся ко мне и тихо сказал:

– Скромно, ничего не скажешь. Если подвести итог, то выходит, что вы уже два дня без всякого успеха разыскиваете пропавшую девочку, – обратился он к Лестрейду.

– Да. Наш единственный источник информации – это письмо.

«Если хотите получить девочку назад живой, вы должны передать нам сумму в 20 000 крон в течение сорока восьми часов. Завтра мы вновь свяжемся с вами, чтобы сообщить, куда и когда следует привезти деньги. Если вы кому бы то ни было расскажете об этом, мы принесем девочку в жертву согласно ритуалу», – прочитал Холмс и нахмурился.

Взгляд Лестрейда был устремлен в потолок. Мой друг протянул раскрытую ладонь к полицейскому.

– Продолжение!

– Я хочу объяснить вам, это не моя вина...

– Дайте второе письмо!

Полицейский вынул из кармана лист бумаги, и Холмс быстро прочитал:

«Ты попытался обмануть нас. Твой замысел раскрыт. Старуха заявила в полицию. Тебя просили держать язык за зубами. Ты попался в свою собственную западню! Твоя дочь заплатит за твои ошибки. Она присоединится к твоей семье согласно ритуалу в преисподней. Спасибо, однако, за этот утешительный выигрыш. Девчонка очень смышленная для ее возраста. Надо сказать, вся в своих родителей!»

Холмс схватил оружие и бросился к лестнице. Мы поспешили за ним.

– Положение очень серьезное, Лестрейд. Проводите нас к лорду Барнингтону!

Наш экипаж, следуя указаниям полицейского, под проливным дождем спешил к замку лорда Барнингтона.

В экипаже царило неловкое молчание. Его прервал Лестрейд.

– Как вы узнали, что есть второе письмо, Холмс?

– Это неизбежно. Похитители должны были следить за замком. Так они узнали, что полиция предупреждена.

– Вы, однако, знаете, что я очень осторожен.

– Разумеется.

– У вас... есть какие-нибудь догадки?

– Боюсь, что да. Но надеюсь, что я ошибаюсь.

Наш экипаж подкатил к замку. Прислуга выбежала нам навстречу и проводила в большую

гостиную, где нас ожидала леди Барнингтон. У молодой женщины были осанка королевы и достоинство мадонны, но ее мертвенно-бледное лицо и влажные от слез глаза выдавали крайнее беспокойство. Холмс сразу перешел к делу.

– Где находится ваш семейный склеп?

– На кладбище Сен-Патрик, в нескольких километрах к востоку от замка.

– А где лорд Барнингтон?

– Он только что ушел. Он был очень взволнован. Он отказался сказать, куда направляется, и не хотел, чтобы я сопровождала его.

– Следуйте за мной! – приказал Холмс. Экипаж тронулся так резко, что нас подбросило вперед. Мой товарищ без лишних церемоний схватил леди Барнингтон за запястье и держал ее за руку всю дорогу. Когда мы подъехали к кладбищу, он побежал к решетке, зажав в кулаке пистолет. Из-за тумана и ливня ничего не было видно.

– Ведите меня к склепу, быстро!

Мы старались не отставать. Холмс остановил нас в конце пустынной аллеи и властным жестом приказал молчать.

Глухие металлические удары раздавались из ледяного мрака, будто дьявол стучался в ворота ада. Чем ближе мы подходили к склепу, тем громче становился звук. Внезапно сквозь туман мы увидели согнутую спину человека, который огромной дубиной колотил по замку склепа. Поглощенный этим занятием, он не заметил нашего приближения.

– Руки вверх. Не двигаться! – приказал Холмс. Человек обернулся, и мы увидели его лицо, искаженное от натуги.

– Лорд Барнингтон! – воскликнул Лейстрейд. – Что вы тут делаете?

– Помогите, ради бога! – взмолился лорд. – Моя дочь закрыта в этом склепе.

– Откуда вы знаете? – озадаченно спросил полицейский.

– Кучер приехал за мной в замок. Он сказал, что знает, где моя дочь. Он привез меня сюда и тотчас исчез в тумане.

На лице леди Барнингтон ужас чередовался с непониманием.

– Отойдите! – проревел Холмс, нацелив оружие на лорда Барнингтона.

Лорд Барнингтон бросился в сторону, а Холмс выстрелил в замок тяжелой металлической двери. Дверь с ужасным грохотом поддалась. Мы устремились в темный и влажный склеп.

Зрелище, открывшееся в сумеречном свете склепа, заставило нас содрогнуться от ужаса. Девочка, казалось, висела в воздухе, будто ее тело пребывало в невесомости. Ее ноги не доставали нескольких десятков сантиметров до пола, изнуренное лицо выражало крайнее страдание. Барнингтоны поспешили к ребенку. Я взял ее запястье, чтобы послушать пульс.

– Она жива. Но ее температура сильно понижена, и сердце бьется очень медленно.

Внезапно девочка открыла глаза и посмотрела на свою мать взглядом, полным ужаса и отчаяния. Ее губы беззвучно произнесли «мама». Леди Барнингтон шла к ней и хотела заключить ее в объятия. Страшная гримаса боли исказила лицо девочки.

– Не трогайте ее! – вскричал Холмс.

Он приподнял полу платья. Только в этот момент мы осознали весь ужас ситуации. Несчастный ребенок был насажен на металлический стержень, вбитый в пол. Стержень уходил в самую глубину ее тела, и у подножия стержня собралась лужа черной липкой крови.

Ноги леди Барнингтон подкосились. Лорд Барнингтон упал на колени, закрыв голову руками. Его будто парализовала эта неслыханная чудовищность.

Я едва не вскрикнул от злобы и отвращения. Слезы ярости застили мне глаза.

Лейстрейд ошеломленно посмотрел вокруг себя, не понимая, что происходит.

Только Холмс нашел в себе силы сказать:

– Ее не спасти. Если мы освободим ее, она сразу погибнет. Если мы оставим ее так, как есть, она будет биться в агонии еще несколько часов.

Он быстро достал шприц и флакон из кармана и сделал укол маленькой умирающей. Хрип облегчения вырвался изо рта несчастной.

– Кто сделал это с вами? – спросил Холмс у девочки.

– Это... дьявол...

Ее глаза закрылись. Я снова проверил пульс. Она была мертва.

Холмс нагнулся и внимательно рассмотрел металлический стержень, на котором держалось тело.

– Это перевернутый крест. Так вот о каком отвратительном ритуале шла речь в письме.

Я наклонился к леди Барнингтон, чтобы попытаться привести ее в чувство. Она схватила меня за Руку и встала на ноги с неожиданным проворством.

– Я приказываю вам объяснить мне, что здесь происходит!

– Еще преждевременно делать выводы... – начал Холмс.

Она стояла перед нами, прямая как стрела, сжав кулаки. Ее красивое лицо искажало невероятное страдание. Она бросила на Холмса пронизывающий взгляд и вскричала;

– Скажите мне то, что знаете!

– Я... я должен проверить свои гипотезы, – сказал мой друг.

Внезапно леди Барнингтон вырвала мой пистолет и направила его на Холмса.

– Говорите!

В ее взгляде читались безумие и решимость. Холмс отступил.

– Хорошо. Но я прошу вас рассматривать то, что я сейчас скажу, как простые гипотезы, которые нуждаются в подтверждении. То, что вы услышите, может оказаться очень суровым...

– Это ничто по сравнению с тем, что я только что пережила.

Голубая вена билась на виске моего друга. Он глубоко вздохнул.

– В первом письме вас просили заплатить выкуп. Похитители требовали молчания, но вы обратились в полицию. Они узнали об этом тем или иным способом. Второе письмо написано уже совсем в другом тоне. Оно адресовано лорду Барнингтону и явно характеризует его как автора этого «замысла».

Холмс остановился. Он все еще колебался высказывать свои выводы.

Рука леди Барнингтон судорожно вцепилась в оружие. Холмс продолжал:

– Отправитель письма пишет: «Ты попался в свою собственную западню...» «Старуха заявила в полицию...» Этот ужасный термин, похоже, относится к вам, леди Барнингтон, – сказал он, понизив голос.

Леди Барнингтон держалась с таким же достоинством, как и прежде. Холмс продолжал:

– Похитители угрожали принести девочку в жертву согласно ритуалу. Они не уточняли, какого именно. Это говорит о том, что получатель письма знает, о каком ритуале идет речь. Преисподняя, по всей видимости, означает склеп, где уже находятся все покойники вашей семьи, то есть семейный склеп. «Девчонка вся в родителей» опять же указывает на ее отца, и между строк мы узнаем, что отец, возможно, вел вторую, распутную жизнь. Основываясь на этом письме, можно предположить, что лорд Барнингтон организовал это мнимое похищение с помощью гнусных компаньонов с целью выманить у вас деньги. Но эта афера обернулась против него самым трагическим образом.

Леди Барнингтон пошатнулась. Она на короткое мгновение оперлась о влажную стену склепа и опустила оружие. Ее губы дрожали, будто она пыталась что-то сказать, но у нее не получалось. Но она снова овладела собой и приставила дуло пистолета ко лбу лорда Барнингтона.

– Ты предал все, что у нас было самого дорогого, честь семьи, нашего ребенка...

Лорд Барнингтон протянул к жене сложенные руки, будто моля о пощаде, и отрицательно покачал головой.

Холмс попытался образумить несчастную женщину, ослепленную горем.

– Заклинаю вас, леди Барнингтон, послушайте меня. Нужно провести расследование. Многие вопросы до сих пор вызывают сомнение. У лорда Барнингтона были долги? Посещал ли он тайные общества? Была ли у него веская причина, чтобы вот так поставить на кон жизнь собственной...

Фразу заглушил звук выстрела. Лорд Барнингтон в последний раз взглянул на свою супругу обезумевшим взглядом и упал, подкошенный смертельным выстрелом.

Уже на следующий день после этого преступления «Таймс» сообщила о новом страшном событии.

Холмс громко прочитал статью:

«Ужас только нарастает. Новая жуткая резня по своей жестокости превосходит все, которые мы пережили, начиная со страшных преступлений Уайтшапел.

Прошлой ночью полиция обнаружила Ричарда Аббенсона, распростертого в углу его квартиры, с лицом, искаженным страшной гримасой. Его жена и четверо детей лежали, разбросанные вокруг него, в море крови. У его старшего сына осталась только одна рука. Вскрытие показало, что убийца прикончил его, раздробив грудную клетку ножкой стула. Пришлось передвигать мебель, чтобы отыскать голову матери, которая закатилась под буфет. Внутренности, являя собой жуткую картину, свисали с люстры гостиной. Они принадлежат старшей дочери, которую буквально вывернули наизнанку и разрубили на мелкие части, которые затем раскидали по всей комнате. Младшая дочь, которую разрубили на доске для рубки мяса, была собрана по кускам методом отбора кусков, не принадлежащих другим членам семьи. Кровью своих жертв на стене гостиной убийца нарисовал огромный перевернутый крест.

Ричард Аббенсон, старший мастер на гончарной фабрике, слыл за спокойного и уважаемого отца семейства. Никто из его знакомых не может объяснить его поступка.

Вскрытие тел детей показало, что перед смертью они получили изрядную дозу кокаина. Таким образом, монстр смог легко убить их и дать свободный ход своей фантазии. Преступление было совершено около половины двенадцатого ночи, это подтвердили соседи. Многие соседи сообщили, что слышали голоса и шум ссоры в этот час. Самый близкий сосед, живущий на той же лестничной площадке, слышал, как кричали и плакали женщина и дети. Именно он, предчувствуя драму, предупредил полицию. Убийцу задержали и сейчас допрашивают. Полиция поручила своему лучшему сыщику, мистеру Лестрейду, положить конец безумным убийствам, охватившим Лондон. Знаменитый полицейский заявил прессе, что он сильно осложнит жизнь конкурентам Джека-Потрошителя».

Холмс резко поднялся и отбросил газету.

– Лестрейд совершает судебную ошибку. Поспешим, Ватсон! Быть может, мы успеем задержать убийцу!

Несколько минут спустя экипаж, пробираясь сквозь густой туман, мчал нас к дому Ричарда Аббенсона.

В который раз я мог проследить за перемещением, но не за ходом мысли моего блистательного друга.

Мы остановились у небольшого здания, в котором разыгралась драма. Консьержка сказала нам этаж и номер квартиры. Мы оказались перед дверью и увидели Лестрейда, который не смог скрыть радушия.

– Холмс, Ватсон! Что вы здесь делаете? На этот раз я не нуждаюсь в ваших услугах. Это чисто полицейское расследование. Я прекрасно владею ситуацией.

Не отвечая, Холмс выхватил оружие, развернулся и постучал в дверь соседа по лестничной клетке.

– Помогите, Ватсон, нужно взломать дверь!

Лестрейд попытался помешать этому, заслонив собой дверь.

– Что вы делаете, Холмс? Остановитесь! Вы ошиблись дверью. Эта дверь не имеет никакого отношения к делу.

Холмс отодвинул полицейского, прострелил замок и резким ударом ноги вышиб дверь. Мы очутились в почти пустой квартире.

Лестрейд ошеломленно наблюдал за нашими действиями.

– Вы... Вы не имеете права. Это взлом. Вы ответите за свои поступки.

Холмс будто забыл о присутствии полицейского.

– Посмотрите, Ватсон, на обстановку, на портреты, на фотографии, развешанные по стенам!

– Но, Холмс, я ничего этого не вижу.

– Верно. Это вас не настораживает?

– Ну...

– Вам когда-нибудь доводилось видеть настолько нейтральную квартиру? Мы столкнулись с призраком. С человеком без лица, без семьи, без воспоминаний.

– Вы объясните мне, в конце концов? – крикнул Лестрейд, топнув ногой.

– Я хотел предотвратить судебную ошибку, но, боюсь, опоздал. Необходимо собрать максимум улик и информации о человеке, который жил здесь.

– Нам не нужно было ждать вашего приезда, Холмс, чтобы сделать это, – обиженно заявил Лестрейд. – Владелец этой квартиры – представитель международной торговли. Педро Кальмино. Он настоящий джентльмен, очень скромный и учтивый. Он останавливался в этой квартире, только когда бывал в Лондоне по делам. Остальное время он путешествует по миру.

– Вы допросили его?

– Нет, но нам о нем рассказали консьержка и соседи. Все отзываются о нем очень хорошо.

– Сколько времени Педро Кальмино уже живет здесь?

– Около трех лет. Но к чему все эти вопросы?

– Педро Кальмино – убийца этих несчастных. Больше вы о нем никогда не услышите.

На этот раз Лестрейд действительно вышел из себя.

– Это полнейшая чепуха! Виновость Ричарда Аббенсона не вызывает никаких сомнений. Он задержан и будет наказан. Более того, я не обязан слушаться ни ваших приказов, ни советов, мистер Холмс. Я требую, чтобы вы немедленно покинули это место!

– Это как раз то, что я собирался сделать, старина Лестрейд.

– Избавьте меня от фамильярности. Напоминаю вам, что вы говорите с агентом при исполнении официальной миссии.

– Несчастный агент, какой безнадёжный дурак... – пробормотал Холмс, уходя.

– Что вы сказали?

– Я говорю – несчастные люди. Какая безнадёжная судьба!

– Ах да, конечно, в этом я с вами согласен.

На улице валил снег. Согласно обычаю снег является символом девственной чистоты. Но снег, который в тот день падал на Лондон, был серым от соседства с угольными заводами Ист-Энда. Казалось, он нес в себе ядовитые зародыши самых худших несчастий.

Наконец нам удалось поймать экипаж, и Холмс приказал кучеру ехать в морг.

Морг оказался длинным коридором с потолком и стенами, грубо белеными известью. С обеих сторон этого коридора вдоль стен находилась платформа, на которой с равными интервалами стояли столы из необработанного дерева. На них лежали тела. Некоторые были накрыты, другие лежали обнаженные.

В этой своего рода преисподней царил ледяной холод.

Холмс попросил взглянуть на тела молодой жен-шины и детей. Синий от холода служащий указал на столы, где покоились тела, приведенные в порядок, насколько это было возможно. Холмс так низко наклонился к их лицам, что у меня появилось тайное опасение, не собирается

ли он запечатлеть поцелуй на их фиолетовых губах.

Сидя в экипаже, который вез нас домой, я разрывался между желанием задать вопросы моему другу и необходимостью уважать его покой. К моему величайшему удивлению, он сам нарушил молчание.

– Я неплохо знаком с эффектами кокаина, не правда ли, доктор Ватсон?

– И вы прекрасно знаете мое отношение к этому вопросу.

Холмс продолжал, будто в монологе:

– Вскрытие тел детей обнаружило большую дозу кокаина, в чем я только что сам убедился. В статье говорится, что монстру ничто не мешало убить их. Детям скорее всего дали наркотик до убийства. Однако сосед по лестничной площадке утверждает, что слышал крики детей и звуки борьбы около половины двенадцатого ночи.

– Но и другие соседи подтвердили, что слышали шум борьбы и крики в то же самое время.

– Они слышали крики мучителя, терзавшего свои жертвы. Но ни один из них не сказал, что слышал голоса женщины или детей.

– И правда. Почему же?

– Потому что это было невозможно. Мать и четверо детей спали или бредили под воздействием кокаина в момент убийства!

– А отец?

– Скорее всего он тоже находился под действием наркотиков. Возможно, он даже присутствовал при этой резне, не в силах пошевелить и пальцем, обездвиженный наркотиками.

– Что доказывает, что отец не убивал. Но почему мучитель перерезал всю семью, пощадив главу семейства?

Тут я впервые за всю нашу беседу увидел замешательство на лице Холмса.

Новое дело. Новая драма. И новый шквал вопросов без ответа. Является ли Педро Кальмино убийцей этой семьи? Может, это псевдоним Дьюэна? Это невозможно: консьержка сказала, что Кальмино живет в этой квартире уже три года. А Дьюэн отсидел почти два года в тюрьме. Может быть, это сообщник Дьюэна? Зачем нарисован кровью жертв этот перевернутый крест? Действительно ли эти преступления не связаны одно с другим, как считает Лестрейд? Или же, напротив, мы, беспомощные, имеем дело с исполнением какого-то дьявольского ритуала?

Не стану рассказывать здесь о тех кошмарах, которые снились мне той ночью...

Холмс встал из-за стола и уселся в кресло напротив меня. Его лицо было натянуто, будто искажено болью. Я чувствовал, что ему нужно поговорить. Он часто вел себя подобным образом, когда заходил в тупик. Он считал, что мои вопросы подстегивают работу его мозга.

– Прошел месяц, как я непрерывно слежу за Самюэлем Боктоном, – начал он. – Он посещает модные литературные салоны и наслаждается своим недавним успехом. Этот тип – бессовестный карьерист, но, не считая этого, я не обнаружил ничего подозрительного в его распорядке дня. Что касается трио Гудини (которое состоит из того, кто называет себя Гарри Гудини, его жены Бесс и их подруги, спиритки Анны Эвы Фэй), то эти трое просто неутомимы. Они уже объехали весь Лондон, посетили места как самые престижные, так и самые отвратительные. Гудини воспылил страстью к Кровавой башне. Но что самое главное, они посетили тюрьму Миллбэнк.

– Миллбэнк? Вам удалось узнать, зачем они туда ездили?

– Да, я разговаривал со старым сторожем, который помог мне раскопать труп Фостера. Он рассказал, что Гудини просил разрешения осмотреть камеру Марка Дьюэна. Он сделал несколько набросков и казался вполне довольным. Анна Эва Фэй проделала странный опыт. По словам сторожа, она задавала вопросы стенам.

– Говорят, у стен есть уши, но я никогда не слышал, чтобы у них был рот, чтобы выдавать свои секреты.

Холмс проигнорировал мою попытку пошутить.

– Анна Эва Фэй объявила, что она ощущает негативные волны.

– Кто угодно ощутит их, зная, что там произошло.

– Конечно, но продолжение намного более странное. Она впала в транс, и у нее было видение. Проснувшись, она сказала, что заключенный никогда не сбежал из этой камеры и что он до сих пор бродит по тюрьме.

– Чепуха! Тюрьму вверх дном перевернули, когда искали его. Дьюэн без всяких помех вышел из тюрьмы в одежде Фостера.

Холмс сделал жест рукой, будто ловил мошку.

– Это не так важно. Зато Гудини подал мне идею. Он приставил указательный палец к виску.

– На данный момент это всего лишь гипотеза, но она позволит совместить факты, на первый взгляд противоречащие друг другу. Остановимся на мгновение на личности Дьюэна. Мы знаем, что он боялся крови. Поэтому маловероятно, чтобы он сам совершил все эти убийства. Однако убийства носят его метку и, похоже, вписываются в страшный план его мести. Отсюда мой вывод: Дьюэн может играть роль подстрекателя или стимула.

– Вы хотите сказать, что он мог воодушевить других на совершение преступления?

Эта наводящая ужас гипотеза напомнила мне номер Гудини, в котором я имел несчастье участвовать. Опыт показал, что человек может действовать против своей воли, одной только силой убеждения. И этим человеком был я. Скрывается ли в каждом из нас потенциальный убийца?

– Рассмотрим убийство Мэри Кинсли, девочки, тело которой было сброшено в Темзу, – продолжал Холмс – Ее отец, возможно, и есть убийца. Его разумом мог манипулировать и управлять Дьюэн, чтобы тот принес эту страшную жертву.

– Разумеется, но в случае убийства семьи Аббенсонов вы сами утверждали, что убийцей был сосед, Педро Кальмино.

– Одно другому не противоречит. Наш убийца использовал соседа вместо отца семейства для совершения преступления.

– Но почему?

– У меня пока нет этому объяснения. Наступило продолжительное молчание. Каждый из нас

предался размышлениям.

– Многие свидетельские показания совпадают в этом деле, – сказал я.

– Какие же, Ватсон?

– Прежде всего, Маллигана. Он убежден, что видел дьявола. А затем эта девочка, насаженная на стержень, разве она не сказала, что именно дьявол заставил ее так мучиться?

– Вы стали суеверным, Ватсон?

Теперь пришла моя очередь сомневаться.

– Ну не то чтобы, но согласитесь, что все это несколько смущает. Вы помните, что написала нам та старая женщина, с которой мы встречались в церкви: «Это проделки дьявола или колдуна». А в конце нашей встречи она сказала: «Помогите вам Господь побороть сатану!» Все эти преступления не похожи одно на другое. Пагубная сила будто бродит вокруг исполнителей этих драм.

Холмс погрузился в свои мысли. Мы долго молчали, а потом я подвел итог:

– Если нам удастся установить логическую связь между жертвами, то мы, возможно, узнаем настоящие мотивы убийцы и поймем его.

– В том-то вся и проблема, Ватсон, что на данный момент между жертвами, кажется, нет никакой логической связи.

Внезапно Холмс протянул мне свой блокнот:

«Дело № 1. Убийство журналиста Реджинальда Фостера. Беглец и убийца, Марк Дьюэн, до сих пор не найден. Тело Фостера отмечено перевернутым крестом, нанесенным на лоб.

Дело № 2. Убийство маленькой Мэри Кинсли. Обвинен ее отец, Генри Кинсли, представитель торговли в Лондоне. На лбу маленькой Мэри нацарапан перевернутый крест.

Дело № 3. Убийство Агаты Кардвелл, каннибализм. Обвинен ее муж, Генри Кардвелл, лондонский банкир. Над камином человеческой кровью нарисован перевернутый крест.

Дело № 4. Убийство Эммы Барнс, пенсионерки. Обвинен ее муж, Джеймс Барнс, коммерсант на пенсии. И снова перевернутый крест.

Дело № 5. Убийство сироты; в убийстве подозревается Маллиган. Обвинен аббат Пол Мередит. Найдены еще четыре тела. На гробах нарисован перевернутый крест.

Дело № 6. Убийство Джейн Барнингтон, нанизанной на кол. Наказан лорд Барнингтон своей собственной женой. Обвинение леди Барнингтон.

Дело № 7. Убийство миссис Телмы Аббенсон и ее четверых детей. Обвинен отец, Ричард Аббенсон. На месте преступления нарисован перевернутый крест. Я убежден, что убийцей является их сосед по лестничной площадке, некий Педро Кальмино.»

Холмс добавил:

– Дьюэн написал: «Мои мучители познают муки ада. Я предложу им кровавый до тошноты спектакль». Он сдержал слово. И ничто не предвещает того, что он свернет с этого пути...

Я почти не видел Холмса. Он продолжал следить за малейшими передвижениями Гудини. Он основательно перерыл бурное прошлое волшебника, его жены Бесс и их подруги, спиритки Анны Эвы Фэй. Но по-прежнему ничто, казалось, не связывало это таинственное трио с побегом из Миллбэнк и преступлениями, потрясшими Лондон. Более того, последние убийства были совершены в то время, когда волшебник находился на сцене, что обеспечивало ему железное алиби. Если только он не использовал свою силу убеждения на расстоянии. А может быть, у него были сообщники...

Время, свободное от слежки за «трио Гудини», Холмс использовал для того, чтобы осаждать министров, библиотеки и полицейские участки. Он предпринимал неоднократные попытки добиться встречи с подозрительными заключенными. Но власти отказали ему.

Он продолжал вести расследование и совсем в иной области. Проявив упрямство и настойчивость, Холмс составил почти полный список действующих лондонских сект. Но, поскольку этот список ежедневно пополнялся, казалось сложным, а может, даже и невозможным проверить всю собранную информацию.

В тот вечер Холмс вернулся очень поздно. Я лег пораньше в надежде побыстрее заснуть, но сон не шел ко мне. Я слышал, как мой друг шагал взад и вперед по гостиной далеко за полночь. Иногда шаги прекращались, уступая место тяжелой тишине, а потом следовал новый круг по гостиной. Судя по всему, Холмс зашел в тупик. След Гудини казался ему все менее вероятным, и теперь он был убежден, что эти преступления совершены какой-то сектой или под ее контролем. Но что это за секта?

Холмс и не предполагал, что важнейшую информацию предоставит ему его злейший враг – профессор Корнелиус Хазелвуд.

Проснувшись утром, я нашел кабинет своего друга в апокалипсическом хаосе и понял, что он составлял карточки, заносил информацию, собранную в течение дня.

Я выглянул на улицу. Прихваченная зимней стужей, закутанная с ног до головы толпа куда-то спешила. Бледное солнце застенчиво пробивалось сквозь непроницаемую вуаль облаков. Туман, казалось, немного рассеялся. Это временное улучшение погоды настроило меня немного подышать свежим воздухом.

Я основательно оделся и вышел на улицу. Порыв ледяного ветра ударил в лицо и заставил окончательно проснуться. Юный продавец газет с посиневшими от холода губами выкрикивал новости, отчаянно жестикулируя, отчасти чтобы привлечь покупателей, отчасти чтобы согреться.

– Покупайте «Таймс»! Знаменитый профессор Хазелвуд сделал невероятное открытие! Беглец из Миллбэнк – член тайной секты!

Я тотчас купил газету и поспешил домой, чтобы как можно скорее показать заметку Холмсу. Прыгая через ступеньку, я поднялся к нам и ворвался в гостиную.

Холмс завтракал, опустив нос в дымящуюся чашку чая. Огромные круги под глазами и лицо цвета пергамента говорили о переутомлении и недостатке сна. Судя по его одежде, он, страшно устав, заснул одетым.

– Доброе утро, Холмс. Я принес «Таймс».

– Доброе утро, Ватсон.

Судя по всему, простуда не обошла стороной и моего друга.

Я сунул газету ему под нос.

– Статья Хазелвуда о сектах.

Мой друг поднял одну бровь. Я прочел:

– «Знаменитый профессор Хазелвуд только что завершил великолепный труд о секретных лондонских сектах...»

Холмс вновь поднял бровь.

– Странное совпадение. Продолжайте, Ватсон, прошу вас!

– «Корнелиус Хазелвуд публикует эксклюзивно для читателей „Таймс“ свои первые заключения. Знаменитый профессор изучил десятки действующих сатанинских сект. Он пришел к невероятному выводу. Последние преступления, совершенные в Лондоне, похожи на ритуалы, совершавшиеся в Древнем Египте и у кельтов. Подозрения падают на одну секту с декадентскими нравами. Ее члены занимаются страшным кощунством. Они выкапывают усопших, чтобы подвергнуть их адским ритуалам. Они марают просфоры, читают мессы наоборот и переворачивают кресты. Ритуалы завершаются вколачиванием перевернутого креста в сердце ребенка. Эта секта называет себя „Серебряная звезда“. Профессор Хазелвуд обещает пролить свет на это дело в своей работе, которая появится очень скоро. Уверенная в этих первых открытиях, полиция ведет расследование».

Холмс окончательно проснулся. Он вскочил со стула, порывшись в ворохе бумаг, загромождавших его стол, и вытащил исписанный в спешке листок бумаги.

– «Поклонники черного ангела», «Замок Одина», «Церковь Сатаны», «Култ Инока (Еноха)», «Золотой рассвет», «Избранники дракона», «Серебряная звезда». Вот она!

– «Серебряная звезда»?

– Судя по справкам, которые мне удалось навести речь идет о секте, созданной неким Алистером Кроули. Человеком с мрачной репутацией, который прежде был великим магистром «Золотого рассвета».

Мой друг прочел адрес:

– Лондон, Оксфорд-стрит, 134.

Он надел свое тяжелое пальто, убедился, что пистолет заряжен, и положил его в карман. Было излишне спрашивать, куда он намеревается идти. Я взял оружие и последовал за ним.

Не отличающийся приветливостью дворецкий проводил нас в мрачную, плохо освещенную гостиную. Что меня больше всего поразило в этой комнате, так это монументальный размер библиотеки, занимавшей три стены. Огромные стеллажи, нагруженные книгами, возвышались до самого потолка. Судя по пыльному запаху чернил и бумаги, наполнявшему комнату, книги имели весьма почтенный возраст. Тут мы были далеки от мистически-игровой атмосферы гостиной-музея Гудини. Не могу объяснить почему, но я почувствовал себя неловко в этом помещении, где витал затхлый запах сатанизма и болезненности.

Хозяин восседал в черном кресле перед камином и ворошил дрова с помощью кочерги. Его увеличенная тень отражалась позади него на белой стене. Согнувшийся над очагом, он походил на дьявола, играющего с адским огнем.

Заметив нас, он поднялся. Его худое тело было завернуто в длинный черный халат. Он с интересом рассматривал нас, мы с таким же вниманием смотрели на него. Он был высокого роста и очень худой. В тонких чертах его лица было что-то женское. Черные волосы, блестящие и аккуратно приглаженные, были зачесаны назад. Длинные красивые брови сходились над носом неправильной формы. Его лицо не было лишено привлекательности, но пронзительность зрачков и металлическая серость глаз внушали неопределенную тревогу, как на экзамене. Его бледность казалась элегантною, но я подумал, что она выдает скорее недостаток внутреннего тепла, чем принадлежность к аристократии. От него исходило чувство собственного превосходства, почти презрения, что делало его менее симпатичным. Когда он предложил нам сесть, я поразился красоте и миниатюрности его рук, с длинными, тонкими пальцами и очень аккуратно подстриженными ногтями.

Холмс, казалось, был в замешательстве. Судя по всему, он не ожидал увидеть человека такого рода. Движения и походка хозяина показались мне знакомыми, хотя я был уверен, что никогда раньше не встречал его. От него исходил невероятный магнетизм, который делал его одновременно волнующим и привлекательным. Взгляд его чистых серых глаз был пронизательным, будто он имел способность заглядывать в душу своих собеседников. А осанка и холодность делали его похожим на змею. Внезапно я понял, почему этот человек показался мне знакомым – все его движения напоминали... самого Шерлока Холмса!

Я перевел взгляд на моего товарища и понял, что он думал о том же, поскольку он пожал плечами, будто говоря: «Ну и что?»

Как только человек заговорил, я увидел, что сходство не ограничивается физическими

данными. У меня было впечатление, будто я слушаю моего друга.

– Я рад принять у себя великого Шерлока Холмса и его знаменитого биографа, – слащаво начал Алистер Кроули.

– Вы не так обрадуетесь, когда узнаете цель нашего визита, – сказал я. – Все подозрения в убийствах падают на вас!

– Дьявол! Простите. Как вы дошли до этого? Мне не в чем упрекнуть себя. Кроме того, полиция уже допросила меня. И они не выдвинули против меня никакого обвинения.

– В таком случае вы не будете возражать, если мы попросим вас ответить на несколько вопросов, – продолжил Холмс.

– Если вам не жаль вашего времени...

Холмс направил на своего собеседника гипнотический взгляд, а может, было и наоборот. Между двумя мужчинами шла немая борьба.

– Это правда, что ваша секта называется «Серебряная звезда»? – начал мой товарищ.

– Да. Это что – преступление?

– Все зависит от того, что в ней происходит.

– Ничего, что могло бы вас взволновать. Мы проповедуем этику жизни, основанную на свободе личности.

– Женщина играет какую-нибудь роль в «Серебряной звезде»?

– Да, Роза. Она – наша главная жрица.

– Кто такая Роза?

– Моя жена.

На этот раз мы, кажется, попали в цель. Холмс резко спросил:

– Можно с ней встретиться?

Впервые взгляд змеи не был столь пронизательным.

– Роза больна. Она не в состоянии принять вас.

– Когда мы сможем ее увидеть?

– Через несколько дней, я думаю.

– Чем она больна?

– Она отдыхает после изнурительного путешествия.

– Так она отсутствовала?

– Да, то есть нет...

Этот тип начал действовать мне на нервы.

– Так определитесь же наконец, Кроули! Почему мы не можем увидеть вашу жену?

– Она все еще находится под действием наркотиков и еще не вышла из комы.

– Ваша жена принимает наркотики?

Кроули бросил на Холмса холодный взгляд.

– Это иногда случается и с вполне уважаемыми людьми, не так ли?

Мой друг держался с тем же достоинством. Я продолжил задавать вопросы.

– Были ли вы знакомы с заключенным по имени Марк Дьюэн, который сидел в тюрьме

Миллбэнк?

– Почему я должен быть с ним знаком?

Кроули имел привычку отвечать на затруднительный вопрос вопросом не менее затруднительным. Но эта стратегия не помогла ему вывести меня из равновесия.

– Представляю, какого рода отборных новобранцев вы находите для своей деятельности!

– Вы ошибаетесь, доктор Ватсон. Среди членов нашей секты есть люди, представляющие интеллектуальную элиту нашей страны. С рецидивистами у нас нет ничего общего. В «Серебряной звезде» много артистов, писателей и поэтов.

Я повысил голос, демонстрируя свою непоколебимость.

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Нет, я не был знаком с Марком Дьюэном.

– Может, ваша жена была с ним знакома?

– Не знаю, об этом нужно спросить ее. Но могу я узнать, в чем конкретно вы меня обвиняете?

– Вы слышали о бегстве из тюрьмы Миллбэнк?

– Я узнал об этом из прессы, как и все.

– Марк Дьюэн был членом вашей секты?

– Возможно.

– Признавайтесь!

– Я просто сказал, что это возможно. Многие из наших сектантов вписаны под вымышленными именами, чтобы сохранить анонимность.

– Почему вы принимаете такую практику?

– Никакой закон не запрещает этого, мистер Ватсон.

Мои аргументы подошли к концу. Несколько мгновений длилось тяжелое молчание.

Холмс тотчас же пришел мне на помощь.

– Что вам известно о маленькой Мэри Кинсли?

– Вы имеете в виду ту девочку, которая была жестоко убита собственным отцом?

Мой друг утвердительно кивнул головой.

– Я читал об этом ужасном преступлении в газетах, но...

Кроули напрягся. Его лоб покраснел.

– Вы ведь не считаете, что я замешан в эту гнусную историю?

– Хазелвуд обвиняет сатанизм в... – начал я.

– Корнелиус Хазелвуд не более чем глупец с претензиями. Он ничего не знает о сатанизме. Наша религия – всего лишь ответная реакция на репрессивное христианство, не более того.

– Не знал, что христианство отличается репрессиями.

– Однако это религия греха и искупления. На протяжении многих веков она учила человека подавлять собственную личность, отказываться и сдерживать свою истинную сущность под предлогом обманчивой и деспотической морали. Бог удалился от мира.

– Это вы так считаете.

Кроули, похоже, пытался завести нас в область, наиболее предпочтительную для него. Холмс наблюдал за ним и не мешал ему говорить.

– Достаточно посмотреть вокруг, чтобы убедиться в этом, – продолжал наш хозяин. – Ничто в земной нищете не свидетельствует о царствовании Христа. Перед лицом лживого Бога, толкующего о любви, Сатана говорит подлинно и искренне о свободе. Сатанизм предлагает альтернативную доктрину.

– Доктрину, которая заключается в том, чтобы убить ближнего?

Кроули разыграл возмущение. А может, он и правда был раздражен.

– Чепуха! Наша религия основана на удовлетворении природных человеческих инстинктов. В противоположность христианству с его ложными обещаниями и лицемерной этикой мы предлагаем нашим адептам дать свободный ход их законным стремлениям и естественным желаниям, так долго подавляемым в самой глубине их существа. Наш девиз – «Делай то, что нравится». Отважиться жить – это преступление?

– Нет, разумеется, нет, – вынужден был признать я, – до тех пор, пока это не вредит остальным. Это единственный вопрос, который нас волнует. Но Хазелвуд утверждает, что вы занимаетесь богохульной практикой христианских религий, особенно католицизма, такими, как загрязненная просфора, мессы, читаемые наоборот, и перевернутый крест на алтаре.

– Это куда как естественно, раз уж мы противопоставляем себя христианству! Наши ритуалы переворачивают религиозные символы, против которых мы выступаем. Чем наши обряды предосудительнее тех, которые мы обличаем?

– Признайте, что это нездоровая деятельность! Эта практика может иметь тяжкие последствия и преподать вашим адептам плохие идеи.

Кроули сухо усмехнулся.

– Что можно сказать о религии, которая обязывает верующих, как взрослых, так и детей, падать ниц перед умирающим богом? Вы когда-нибудь вглядывались в лицо Христа, распятого на кресте? Его рот искривлен гримасой страдания. Кровь стекает из-под тернового венца. Исхудавшее тело, изнуренное голодом и лишениями, впалый живот и выпуклые ребра... Это вы не находите болезненным?

Змея сделала небольшую передышку и вонзила в меня свой взгляд.

– Вы не считаете, что этот образ также может оставить глубокие отпечатки и травмировать людей?

У этого человека был дар отыскивать чувствительные точки его собеседников. Никакого сомнения, что с такой силой убеждения ему легко удавалось собирать все новых верующих.

Я отказывался принимать его игру и продолжал задавать вопросы.

– Хазелвуд написал: «Сатанинский ритуал завершается тем, что в сердце ребенка вонзают перевернутый крест».

Кроули пожал плечами.

– Это несерьезно. Эти избитые истории отдают Средневековьем. Во все времена, как только хотели опорочить секту, распространяли самые отвратительные выдумки, в которых дети всегда были жертвами. Это очень постыдный и гнусный прием.

– Вас упрекают также в развращенном нраве и декадентском образе жизни. Вы это признаете?

– Хазелвуд – освященный осел, и у него очень короткая память. Я отправлю его к истории его собственной религии, если здесь уместно употребить слово «собственный». Напомню вам, что папа Иоанн ХП был убит мужем в постели с его женой, Пий IV умер в объятиях куртизанки, а Леон X скончался от постыдной болезни. Итак, кто говорит о развращенных нравах?

– Это дела давно минувших дней.

– Поговорим о настоящем, если вам так угодно. В недавнем правительственном докладе сообщается, что двадцать четыре тысячи пропавших девиц, многие из которых очень молоды, бороздят улицы Лондона под покровом ночи. Это вполне внушительное число для приверженцев такого рода нездоровых удовольствий. Это ли не доказательство окружающего нас лицемерия, которое, с одной стороны, осуждает проституцию, а с другой – к ее услугам прибегают представители всех социальных слоев? Я возвращаю вам ваш вопрос, доктор

Ватсон: моим ли хулителям судить меня?

У этого дьявола во плоти на все был ответ. В который раз он ловко вышел из затруднительного положения. Холмс наблюдал за словесной дуэлью, не принимая в ней участия, продолжая внимательно следить за нашим хозяином и анализировать его поведение. Что касается меня, у меня еще было в запасе несколько аргументов, и я поспешил пустить их в ход.

– Вы также будете отрицать осквернение могил и гробов, которые находили пустыми? Кто кроме поклонников сатаны может совершить подобные действия?

– Не пытайтесь приравнять меня к разбойникам вроде Бурка и Хэра. Общеизвестно, что подобными выходками мы обязаны воскресителям. Они выкапывают тела усопших и продают их студентам анатомии. Эти люди не имеют к нам никакого отношения. Их действиями не управляет никакая идеология. На это их толкает крайняя степень нужды и инстинкт выживания.

Если он надеялся так легко обезоружить меня, то ошибался. Я решил нанести последний удар.

– Хазелвуд утверждает, что ваша секта стоит у истоков всех преступлений, потрясших Лондон за последнее время. Вряд ли он написал это просто так.

Кроули презрительным жестом отмахнулся от моего замечания.

– Меня будут обвинять каждый раз, когда кто-нибудь скончается естественной смертью в Лондоне?

– Очевидно, у нас с вами разные представления о естественной смерти. Вы считаете, что погребение детей заживо относится к проявлениям естественной смерти?

– Конечно, нет! Я понимаю, на что вы намекаете. Об этом ужасном преступлении, как и обо всех других, я прочитал в газетах. Я не имею к нему никакого отношения.

И он весьма сердечно наклонился к моему другу.

– Я хочу помочь вам в вашем расследовании.

Холмс растерянно смотрел на него.

– Зачем вы это делаете?

– По отношению ко мне слишком много подозрений. Я хочу покончить с лживыми идеями в свой адрес и опровергнуть их во имя доброй славы «Серебряной звезды».

Предложение было крайне неожиданным. Кроули был самым последним, от кого мы думали получить помощь. Но можно ли доверять такому изощренному оратору? В его предложении я видел маневр, направленный на то, чтобы отвести подозрения, нависшие над ним и его окружением. Я продолжил беседу:

– А чем вы докажете, что вы не убийца?

– Разве я предложил бы вам помощь, если бы я им был? – по своей привычке Кроули ответил вопросом на вопрос.

Холмс наблюдал за ним со смесью любопытства и скепсиса. Он, казалось, поддался очарованию этого сложного персонажа. Мужчины оценивающе смотрели друг на друга.

Кроули бросил на нас сверкающий взгляд.

– Наше сотрудничество должно быть открытым и обоюдным. Вы расскажете мне все, что вам известно о бегстве из Миллбэнк, убийстве маленькой Мэри Кинсли и обо всех других преступлениях.

Последовало долгое молчание. А потом, к моему величайшему изумлению, Холмс протянул ему руку.

– Я принимаю вашу сделку. Но я боюсь разочаровать вас. Мои выводы частичны и иногда противоречивы. На данный момент они скорее вызывают вопросы, чем дают ответы. Тем не менее, если вы этого хотите, я предоставлю вам их.

Кроули кивнул, удовлетворенный этим обещанием.

– Малейший из ваших выводов, мистер Холмс, все равно лучше этих жалких данных, добытых полицией Скотланд-Ярда.

Кроули сказал эту короткую фразу безобидным тоном, как нечто очевидное. Я достаточно хорошо знал моего друга, чтобы быть уверенным, что это свидетельство признания не оставит его равнодушным. Я подумал, что наш хозяин использует эту лесть, чтобы завоевать доверие.

Холмс подробно рассказал все, что знал о побеге из Миллбэнк, убийстве Фостера, бегстве заключенного переодетого в охранника, под носом у полиции. Он подробно описал все остальные убийства, однако часто опуская важные детали.

В течение всего рассказа Холмс следил за малейшими реакциями собеседника, оценивал произведенное впечатление, расставлял паузы, рождая тяжелые недомолвки.

Кроули оставался внимательным и сосредоточенным.

Когда Холмс закончил, он сказал:

– Зайдите ко мне через три дня. Надеюсь к тому времени предоставить вам элементы решения. Заодно вы познакомитесь с Розой и узнаете о ее исключительных способностях.

Если она была похожа на него, то встреча обещала быть интересной.

Наша добрая хозяйка заметила, что я не могу питаться правильно из-за своего лихорадочного состояния, и приготовила мне удивительное блюдо, от которого я не смог отказаться: фаршированные перепела, которых сменили прекрасные савойские пироги.

Покончив с обедом, мы расположились у огня. Холмс курил свою любимую трубку, которая издавала привычный свист. Я смаковал ликер. Мой желудок был наполнен, а разум одолевали тысячи вопросов.

– Думаю, вы пошли на большой риск, рассказав Кроули все, что нам известно, – сказал я Холмсу.

– Я оценил риск и старался контролировать свой рассказ, Ватсон. Более того, это был единственный способ завоевать доверие Кроули и проверить его реакцию. Я все время наблюдал за ним. Как я вам уже говорил, лицо выдает мысли человека.

– О чем поведали вам его черты?

– Я не заметил ничего, кроме удивления и негодования. Не было никаких следов вины и замешательства.

Этот ответ вызвал у меня сомнения. Мог ли Кроули скрыть свои истинные чувства и обмануть моего друга?

– Вы думаете, что Кроули невиновен?

Холмс закрыл глаза и ответил так тихо, будто говорил сам с собой:

– Почему нет? Но есть и другие объяснения...

– Да? Какие же? Холмс? Холмс?

Погруженный в свои мысли, Холмс не слышал меня. Его голова была запрокинута назад и покоилась на спинке кресла. Завитки дыма время от времени вырывались из его трубки и поднимались к потолку.

Я остался один на один со своими вопросами и старым ликером. Понемногу я стал впадать в оцепенение. Я с удовольствием погрузился в наблюдение за танцующим пламенем огня, самым эффективным средством, способствующим размышлению. Я закрыл глаза и попытался сконцентрироваться, как это делал Холмс.

Какую ловушку готовит нам Кроули? Вызвавшись помочь нам, не пытается ли он снять с себя обвинение и отвести подозрения?

Я был убежден, что следует остерегаться этого человека как чумы...

Что имел в виду Холмс, сказав: «Есть и другие объяснения»? Кто был заинтересован в смерти этой девочки? И какую роль во всем этом играл Хазелвуд? Мог ли он финансировать преступление, чтобы подтвердить свои идеи? Известно, что этот человек способен на все ради оправдания своего доброго имени, но чтобы дойти до убийств! Кто мог управлять этой бойней? Таинственная Роза Кроули?

– Мы узнаем об этом через три дня, Ватсон.

Голос моего друга вырвал меня из моих размышлений.

– Холмс! Когда вы прекратите читать мои мысли? Вы лишаете меня всякой интимности.

– Я и не думал читать ваши мысли, мой дорогой Ватсон. Я всего лишь следил за вашим интересным монологом. Это ведь не моя вина, что вы разговариваете во сне. Ваше пищеварение, кажется, расстроено. Фаршированные перепела и савойские пироги действительно не слишком подходят для вечерней трапезы.

– Ну это уж слишком! – внезапно вскричал Лестрейд. Он был в исступлении.

Мэтр Олборн прервал чтение и внимательно посмотрел на полицейского поверх пенсне.

– Что с вами, Лестрейд?

– Это абсолютно бессвязный рассказ. Тут одни отступления от сюжета.

– Отступления? Где это вы их нашли? – возмутился я.

Лестрейд поднялся и презрительно посмотрел на меня с высоты своих метра шестидесяти.

– Я же говорю, отрывки вне сюжета. Вы посвятили Гарри Гудини не меньше трех глав и наградили нас представлением в духе театра Гран-Гиньоль. И все ради того, чтобы заключить, что этот человек – великий иллюзионист. А это и без того всем известно.

Майкрофт Холмс и Уильям Олборн обернулись ко мне в ожидании ответа.

– Мой бедный друг, – ответил я. – Это вы вне сюжета. Вы, вероятно, не следили за ходом рассказа, иначе вы заметили бы, что Анна Эва Фэй во всем соответствует описанию той женщины в черном, которое дал нам Фостер.

– Тут дело не в даме в черном.

– Конечно же, в ней! Вы что, спали во время чтения мэтра Олборна? В статье, опубликованной в журнале «Фантастика», Фостер сообщает, что разгадал секрет таинственной организации, в которой женщина играет главенствующую роль. Он даже дал более или менее точное описание этой женщины: среднего роста, одета в черное, как вдова, с взглядом пифии. Именно из-за этого сходства мы и заинтересовались Гудини.

– И правда, – согласился Лестрейд. – А я и забыл. Но это слабый аргумент, доктор Ватсон.

– Он не единственный. Гудини практикует магию и гипноз. Согласитесь, что такая сфера интересов более чем подозрительна. Этот человек мог быть очень опасен, если бы направил свои сомнительные способности на службу зла. Кроме того, вы еще услышите о нем в продолжении этого рассказа. И все узнаете.

Лестрейд нервно махнул рукой:

– Ну ладно, ладно, оставим это. Но вы то же самое написали и о другом дешевом кудеснике, как же его звали?.. Алистер Кроули!

– Ничего общего! – не согласился я. – Кроули никакой не кудесник. Всё намного хуже, он – адепт сатаны. Идеи, которые он проповедует, ужасны. Я продолжаю настаивать на том, что этот человек – бич для общества. Не только из-за того, что он тверд как железо в своих убеждениях, а еще и потому, что он окружает себя десятками адептов-фанатиков.

– Но это не делает его преступником.

Взгляды нотариуса и Майкрофта Холмса переходили от меня к Лестрейду и обратно, будто они смотрели теннисный матч.

– Вы и это забыли, Лестрейд? Напомню вам, что сам Хазелвуд, проведя расследование, обвинил Алистера Кроули и секту «Серебряная звезда». Более того, в этой организации Роза Кроули играла значительную роль...

– Вам следовало определиться, доктор Ватсон. Вы только что обвиняли эту спиритку, Анну Эву Фэй, а теперь уже перешли к Розе Кроули. Вам не удастся запутать меня этой бессмыслицей. Я не дошел до такой степени слабоумия, как вы полагаете.

– До какой же степени слабоумия вы дошли?

– До такой, что я не меняю своих мнений, как рубашки.

Дискуссия разгоралась. Мэтр Олборн ждал подходящего момента, чтобы вмешаться.

– Вероятно, нам стоит сделать паузу. Самое время для чаепития.

Нотариус едва закончил фразу, как в дверь постучали.

– Войдите! – крикнул он.

Дворецкий, серьезный, как королевский камергер, вошел в кабинет. За ним тенью следовала горничная, нагруженная подносами.

– Не хотите ли прерваться на чай, господа?

– Да! Вы выбрали как нельзя лучший момент.

Как всегда, Шерлок Холмс все предусмотрел. Легкие закуски были достойны лучшего чайного салона Лондона, включая безукоризненный стиль персонала.

Лестрейд проглотил несколько печений, но так и не забыл о своей идее.

– Я что – единственный, кто считает, что этому рассказу не хватает связности?

Он бросил вопросительный взгляд на Майкрофта Холмса. Последний, удобно устроившись в кресле и положив руки на подлокотники, сохранял непоколебимое спокойствие. Казалось, он наблюдает за происходящим издали, будто его это не касается.

– Вы ничего не говорите, мистер Холмс. Почему вы молчите?

Лицо Майкрофта Холмса оставалось непроницаемым.

– Потому что я наслаждаюсь чаем. Выпейте и вы, старина, это охладит вас.

Видя, что с этой стороны ему не дожидаться поддержки, полицейский обернулся ко мне.

– Признайте, доктор Ватсон, что все это несерьезно, особенно когда известен эпилог всех этих событий.

– А если ваш эпилог не более чем чудовищная ошибка?

Лестрейд натянуто засмеялся, распространив вокруг себя облако крошек от печенья.

– Прекрасная шутка, Ватсон! Вы что, рассчитываете переписать Историю?

Заметив, что никто, кроме него, не смеется, и осознав, что он смешон, полицейский, ворча, уткнулся в свой чай.

Легкая трапеза подходила к концу. За окнами последние отблески света терпели поражение в ежедневной войне с мраком. Красные полосы заката протянулись по всему небу. Странная прозрачность и четкость окутала фасады зданий, придавая им фантасмагорический оттенок.

Дворецкий подправил огонь, дремавший в очаге, задернул занавески, и комната погрузилась во мрак. Тревожные тени наполнили кабинет. Я посмотрел на картины, украшавшие стены. Днем эти картины казались мне тусклыми и безжизненными. Теперь они ожили в красноватых отблесках огня и излучали болезненную, почти пугающую красоту. У меня по спине пробежал холодок. Разве не представляли они город, являвшийся сценой тех отвратительных преступлений?

Горничная собрала остатки нашей трапезы и молча скрылась.

Мэтр Олборн вернулся за свой письменный стол.

Лестрейд с раздосадованной миной сел в свое кресло.

Нотариус надел пенсне, прокашлялся и открыл следующую главу.

Иногда память похожа на наполовину забытый сон.

Мой коллега и друг, Лондон Кайл, предупреждал меня: это сильнодействующее средство поставит меня на ноги через несколько дней, но побочный эффект может быть весьма силен. Так оно и оказалось.

Меня лихорадило. Но я не хотел оставаться в одиночестве на Бейкер-стрит. Мне было необходимо знать и понимать. Я решил следовать за моим другом, невзирая на усталость.

Все началось с анонимного письма, адресованного Шерлоку Холмсу. В нем указывалось место убийства, затерявшееся на самом краю лондонского Ист-Энда, на границе города и деревни.

Мы запрыгнули в первый подъехавший экипаж. Убаюканный тряской, я тотчас погрузился в полукоматозный сон. Вдруг фиакр остановился. Я открыл глаза. Холмс исчез. Я снова отключился. Меня разбудили сухие удары хлыста. Холмс сидел напротив. Мостовая сменилась неровной дорогой, и тряска усилилась. В течение всего нашего пути я просыпался и засыпал вновь, мой разум блуждал между сном и реальностью.

Когда тряска наконец прекратилась, я заметил, что за нами следовал другой экипаж. Из него вышли Лестрейд с Хазелвудом и присоединились к нам.

Ночь сотрясал шквальный ветер. Ужасающий свист, казалось, предвосхищал неизбежную опасность. Холод пронизывал насквозь. Три огромные дождевые капли упали на мой лоб, как мрачное предостережение.

Ослепительный свет, интенсивный и трепещущий, внезапно разорвал ночь. Из мрака выступил унылый пейзаж. Оставшееся, казалось, с первых дней сотворения мира, это место сохранило следы первобытного страха, того панического ужаса, от которого люди, несмотря на все усилия, так и не смогли избавиться. Раздался гром неслыханной силы, будто сам дьявол излил всю свою ненависть на этот несчастный уголок земли. Шторм ревел в кронах деревьев-великанов, которые барахтались будто в скорбном иступлении. Мне едва хватило времени увидеть, что мой друг указывает пальцем на маленький обветшалый дом на облезлом холме.

– Туда! – прокричал он. – Бежим! Раскат грома завершил его фразу. Мы подбежали к домику, дрожащему под бурными порывами ветра.

Снова вспыхнул ослепительный, почти нереальный свет и озарил комнату, в которую мы ворвались. Необычное зрелище отпечаталось на долю секунды на сетчатке моих глаз? Но я не успел понять, что увидел. Видение снова погрузилось во мрак. Где-то окно разлетелось на куски, послышался звон битого стекла и грохот падающего дерева. Каждая клеточка нашего пристанища вибрировала под натиском необузданной стихии. Ливень хлестал дом, будто старался наказать его. Было впечатление, будто я погибаю в море на крохотном суденышке.

Вторая вспышка была более продолжительна. Мы успели увидеть человека, подвешенного за запястья. Его руки были вытянуты над головой, а лицо выражало невыносимое страдание. Вылезшие из орбит глаза свидетельствовали о той боли, которую ему пришлось вытерпеть. К его лодыжкам были привязаны тяжелые куски свинца, из-за чего тело казалось неестественно длинным. Что-то было прикреплено к его животу.

Третья вспышка высветила новую картину. Все переместились. Хазелвуд вознес руки к небу. Холмс осматривал тело подвешенного через лупу. Я и сам оказался около него, не отдавая себе в этом отчета. Стены комнаты были покрыты странными надписями, похожими на клинопись.

Через несколько минут гром прогремел где-то вдалеке, и вспышки молний прекратились. Облака разошлись. Страшную картину теперь освещал тусклый свет луны. Я смог разглядеть все в ужаснейших подробностях: клетка, похожая на те, что используют для мелких домашних грызунов, была прикреплена к животу несчастного кожаными ремнями. Часть клетки, которая примыкала к телу, имела круглое отверстие величиной с кулак.

Холмс обошел вокруг повешенного, осматривая отверстие через лупу.

– Это убийство – дело рук сумасшедшего.

Лестрейд в панике оглянулся:

– Что это за приспособление?

Холмс указал на верхнюю часть трупа:

– Человека подвесили за запястья, что говорит о том, что убийца жаждал медленной смерти. Посмотрите на груз на его лодыжках. Бедолага не мог ни пошевелиться, ни освободиться.

Холмс отвязал корзину и развернул тело спиной к нам. Огромная дыра в спине несчастного, прямо над поясницей, насквозь пронзала тело. Холмс еще раз приблизил лупу и кончиками пальцев потянул за черную клейкую нить. Несколько секунд спустя он держал за хвост крысу, липкую, всю в крови.

– В клетке были голодные крысы. У крыс был один-единственный выход. Они сожрали желудок этого несчастного и проделали отверстие в теле, чтобы убежать. Некоторым не удалось пройти сквозь тело, и они погибли во чреве человека.

Я зажал рукой рот, тщетно пытаясь остановить тошноту, подступавшую к горлу. В висках стучало. Я дрожал, не зная точно, от холода, страха или лихорадки. Я хотел выйти, но не смог отыскать дверь. Свет был слишком слабым. Только тогда я понял смысл рисунков, покрывавших стены. Это был перевернутый крест, написанный красным. Знак сатаны был повсюду, куда бы ни упал взгляд. Страх овладел мной, беспощадный, нечеловеческий. Я застыл перед этим зрелищем, будто заключенный в саркофаге ужаса.

Продолжение сложилось в моем шокированном разуме в странный сценарий. Думаю, я лежал на сиденье экипажа, накрытый теплым пальто. Второй экипаж удалялся, увозя, очевидно, Лестрейда и Хазелвуда. Я слышал, как Холмс, будто заклинание, повторял одну и ту же фразу:

– Аллакабал, Силкини и Мордора!

Эти слова – волнующие, страшные, загадочные – долго отдавались в моей голове. Мое тело сотрясала неистовая дрожь, которая, казалось, никогда не кончится. Я погрузился в мрачный ледяной мир, населенный безобразными существами, с взглядами, полными сожаления и ужаса. Меня охватила бесконечная тоска. Я чувствовал себя одиноким и беспомощным перед силами зла.

Когда я очнулся в своей постели, была ночь. Я понял, что весь день бредил и был в лихорадочном состоянии. Я встал, и, пошатываясь, направился в гостиную. Голова кружилась, будто я был пьян.

«Аллакабал, Силкини и Мордора!» Холмс произносил эти непонятные слова в сердце ада как дьявольское заклинание. Что они могли означать? Наверное, это магическая формула, такая, какую может бормотать колдун, желая вызвать дух, или околдовать кого-то, или присягнуть... дьявольская присяга?

Осмелиться спросить его об этом? Я решил воспользоваться уловкой. Я неожиданно проговорю эту формулу и посмотрю на его реакцию. Сразу увижу, какой эффект она произведет.

– Аллакабал, Силкини и Мордора!

Холмс и бровью не повел.

– Холмс! Я сказал: Аллакабал, Силкини и Мордора!

Мой друг открыл один глаз. Я смотрел на него пронизывающим взглядом и повторил все снова, четко выговаривая каждый слог:

– Ал-ла-ка-бал, Сил-ки-ни и Мор-до-ра! Ну что вы об этом думаете, Холмс?

Он поднялся и медленно направился в свою комнату.

– Думаю, будет лучше, если вы вернетесь в постель и поспите.

На мгновение я остался наедине с таинственными «Аллакабал, Силкини и Мордора». Неужели я все это выдумал? Был ли я в состоянии вчера понимать, что говорит Холмс? Ведь он мог сказать и что-то вроде «На Бейкер-стрит. Тут нам больше нечего делать...» или «Пойдемте на пляж, устроим пикник у воды...». Хотя последняя фраза казалась маловероятной, поскольку не соответствовала сезону и контексту.

Холмс прав, мне необходим отдых. Я лег в постель и тотчас же погрузился в беспокойный сон, в котором были маги, подозрительные волшебники и агрессивные крысы.

Температура спала, и я наконец почувствовал себя лучше. Дело о повешенном шло своим чередом. Никак не удавалось установить личность несчастного. Несколько человек, которые согласились дать показания, рассказали, что дом населен привидениями. Лестрейд истово скрывал ход дела, рискуя окончательно завалить его.

После нашего визита к Кроули прошло три дня. Пришло время нанести ему повторный визит, как и было условлено, чтобы познакомиться с его супругой и ее «исключительными способностями».

Кроули принял нас как старых друзей. Следуя правилам хорошего тона, он предложил нам чай. На этот раз он казался мне более дружелюбным. Ход беседы был намного непринужденнее, чем во время нашего предыдущего визита. Хозяин высказал несколько банальных фраз о продолжительности зимы, постоянстве тумана, который стал слишком уж навязчивым, и о весне, которая не торопилась со своим приходом. Разговор увяз в сомнительных метеорологических рассуждениях, и мне показалось, что он тянет время. Была ли эта змея способна усыпить бдительность своей добычи?

На этот раз я не был расположен к тому, чтобы меня одурачил этот краснобай, и по окончании длинного монолога об ужасном влиянии угольной пыли на бронхи горожан я решительно взял инициативу в свои руки:

– Можем ли мы встретиться с Розой Кроули?

Кроули внезапно покраснел.

– Вы увидите ее очень скоро, когда она закончит со своими духами.

– Со своими духами?

Гость сделал вид, что не слышал вопроса.

– Перед этим я хотел бы посвятить вас в одно очень деликатное дело.

Какую басню он еще нам расскажет? Я хотел только, чтобы он не начал рассуждать о кошмаре лондонского климата.

– То, что вам предстоит увидеть и услышать, выходит за рамки обычного. Большинство людей не допускает существования этого. Самые тупые возмущаются и обнаруживают невероятную непримиримость. Но если вы проявите терпение, то я уверен, что Роза привнесет элементы разгадки в наше расследование.

Такой подход к теме был похож на психологическую обработку, направленную на то, чтобы мы проглотили его болтовню. Был ли он змеей или нет, но этот тип раздражал меня, и мне все меньше хотелось казаться терпеливым.

– Перейдем к сути. Что это за деликатное дело?

– Физическое раздвоение.

– Простите, что вы сказали?

– Физическое раздвоение! Оно заключается в том, что дух покидает тело и удаляется на какой-то промежуток времени. Вернувшись в свою телесную оболочку, человек, прошедший раздвоение, может выступать свидетелем и доказать то, что он видел, слышал или делал.

Я был готов ко всему, только не к такому.

– Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать подобную чепуху! – возмутился я.

Холмс и Кроули украдкой обменялись взглядами, в которых я усмотрел что-то похожее на сговор. К моему величайшему удивлению, мой друг сделал жест, приглашая гостя продолжить его объяснения.

– Раздвоение – вполне реальный феномен. Вам никогда не приходилось слышать об аутокопии, доктор Ватсон?

– Об ауто... что?

– Аутокопии. Этот феномен заключается в том, чтобы видеть своего двойника, видеть самого себя, если вам угодно.

– Думаю, я практикую аутокопию каждый день, когда вижу свое отражение в зеркале.

– Речь идет не об отражении, но о независимой единице, автономной и вполне реальной. Аутокопия происходит следующим образом: заснувший человек внезапно ощущает, будто он поднялся над своим телом и наблюдает за ним. Это одно из проявлений раздвоения.

Холмса, казалось, очень занимают объяснения Кроули.

– Действительно, у меня бывало такое ощущение, – признался он. – Но, хотя это и было весьма захватывающе, я решил, что это просто сон. Во сне мы ведь испытываем иногда чувство падения или полета.

– То, что вы чувствовали, было не сном, а физическим процессом, который реально имел место. Раздвоение – это одна из способностей, которые человек растерял с течением веков.

Кроули направился к своей внушительной библиотеке и вернулся с несколькими томами. Он сел за стол гостиной и разложил перед нами книги.

– Вот «Демонomanия» Жана Бодена, появившаяся в 1576 году! Вот «Естественная магия». Все они описывают одно и то же. Определенные каталептические или коматозные случаи, обязанные своим возникновением болезни или сну, позволяют двойнику покинуть тело и по-своему отдохнуть, по собственному желанию или по просьбе. Любой, кто обладает достаточными научными знаниями, может воспарить над самим собой через двойника. Постоянство веры в двойника поразительно. Я собрал сотни свидетельств из древней и современной литературы. Я представлю их вам, чтобы вы смогли судить сами. Все эти свидетельства совпадают, вне веры и убеждений их авторов. Только интерпретация разная. То, что освобождает от божественной воли у христианских прорицателей, является плодом науки у волшебников и алхимиков. В любом случае непременным условием путешествия вдаль является тело, погруженное в кому. Языческие традиции и христианские имеют один источник, и каждые по-своему объясняют историю двойника.

– Если то, что вы говорите, правда, – подытожил Холмс, – каждый из нас может... раздвоиться.

– Это так. Но с течением веков человек закрылся в клетке прагматизма и науки. Он забыл о настоящем мире, он ощущает его лишь отрывками. Он утратил способности своих праотцев. В наши дни немногие знают, что у них есть второе «я». Лишь немногие посвященные владеют техникой, позволяющей освободиться по желанию. Некоторые имеют естественную предрасположенность к такого рода феноменам. Другие достигают этого при помощи таких средств, как алкоголь или наркотики.

Я не мог поверить, что моего друга интересует подобная чушь. Меня же Кроули не убедил.

– Все это фантастично и иррационально.

– То, что иррационально сегодня, может стать рациональным завтра, доктор Ватсон.

Я закатил глаза.

На лице Кроули появилось выражение серьезности и непоколебимости.

– Сегодня мы можем объяснить феномены, которые когда-то казались непонятными. Таких примеров великое множество. В античности греки наделяли душой некоторые минералы, поскольку те могли притягивать другие. Сегодня же физический принцип намагничивания никого не удивляет. В Средние века простой припадок эпилепсии рассматривался как дьявольский знак. И ученые не только не понимали этих феноменов, но боролись с ними с ненавистью и злобой, порожденными страхом. Я уж не говорю об обвинениях в ереси, выдвинутых против Галилея...

– Ваши замечания справедливы, – признал Холмс. – Но я предпочитаю придерживаться строгого анализа фактов.

– Я тоже, – сказал Кроули. – Но есть явления, которые пока трудно объяснить с помощью официальной науки. Мы все – заложники нашего века, картезианства, принятых идей и предрассудков. А ученые более чем кто-либо боятся признавать новые открытия, которые могут поставить под вопрос обоснованность и законность их знаний.

Холмс согласился. Было очевидно, что слова Кроули подтверждаются его собственным опытом. Разве не называли его самого еретиком и иконоборцем в научной и религиозной среде?

Холмс явно поддался обаянию этого любопытного персонажа, но я этого не сделал.

– Если я вас правильно понял, – с иронией заметил я, – то каждый человек обладает способностью раздваиваться, как только он достигнет каталептического состояния при помощи наркотиков или под действием сильной лихорадки?

– Точно.

– И этот двойник может перемещаться по своему желанию, окружить человека и приказывать действовать ему так, как он того хочет?

– Да, это так.

– Итак, по-вашему, убийце достаточно просто заснуть и велеть совершить преступления третьему человеку, которым манипулирует его двойник. Или что-то в этом роде...

– Да. Но по вашему ироничному тону я вижу, что вы не верите мне, доктор Ватсон. Куда более привычно отнести эти соображения в область снов и фантастического воображения, чем согласиться перевернуть свои убеждения, не правда ли?

– Я хочу вам поверить, Кроули. Предъявите нам осязаемое, поддающееся проверке доказательство, и я стану вашим первым адептом.

– Для этого я вас и пригласил. Сובлаговолите следовать за мной, господа. Роза уже, вероятно, проснулась.

Кроули проводил нас в подвал дома. Мы спустились по темной винтовой лестнице, пересекли две мрачные комнаты и оказались в просторном сводчатом зале, освещенном настенными факелами, неприятное потрескивание которых вызывало мурашки.

Около двадцати человек стояли в полной тишине, образовав круг в центре комнаты. На них были длинные черные накидки, их головы скрывали огромные капюшоны, в руках они держали черные свечи. С того места, где мы стояли, мы не могли видеть, что находилось в центре круга.

Кроули приложил палец к губам, показывая, что следует соблюдать тишину. Странное напряжение царило здесь, будто должно было произойти что-то необычное. Меня охватило беспокойство.

Мы присоединились к группе. И только тогда я увидел женщину, лежащую на мраморной плите, с закрытыми глазами. Дрожь пробежала у меня по спине, и шок был таким сильным, что я не смог сдержать изумленного вскрика. В ответ на мое восклицание со всех сторон послышалось «Тише!». Женщина, лежавшая передо мной, во всем отвечала описанию женщины в черном, данному Реджинальдом Фостером. Мертвенная бледность ее лица выделялась на фоне черного платья. Вокруг глаз были глубокие синие круги, что свидетельствовало о сильном переутомлении. Губы, узкие и плотно сжатые, были абсолютно бесцветными. Странное ощущение исходило от всего ее существа, как от свечи, пожираемой огнем.

Кроули подошел к нам.

– Это Роза, моя жена. Она уже несколько часов находится в каталептическом состоянии. Она проводит опыт раздвоения под наблюдением наших адептов.

Кроули вдруг забеспокоился.

– Что случилось? – спросил его Холмс.

– Не понимаю. Она уже более часа назад должна была вернуться из своего путешествия.

Холмс подошел вплотную к женщине и нахмурил брови. Несмотря на то, что в зале было очень свежо, на лбу Кроули выступили крупные капли пота. Охваченный крайним беспокойством, он сказал, будто успокаивая себя:

– Это, наверное, нормально. Это всего лишь немного дольше, чем обычно. Она должна

вернуться. Она всегда возвращалась. Она ведь должна рассказать обо всем, что видела.

– Она никогда не расскажет, – сказал Холмс. – Эта несчастная женщина мертва.

Кроули вздрогнул и обернулся ко мне:

– Что вы сказали? Роза мертва?

Я, в свою очередь, вздрогнул, увидев лицо человека в свете свечи. Желтые блески мелькали в радужной оболочке его глаз. Его кожа не была кожей человека. Мне показалось, что я ощущаю на себе взгляд волка. Он отставил свечу, и его лицо скрылось во мраке капюшона. Невидимая рука сжала мой желудок. События стали разворачиваться быстрее. То, что вначале было лишь слабым шепотом беспокойства, превратилось в тревожный гул.

Холмс твердо взял руку Кроули.

– Умоляю вас, позвольте Ватсону осмотреть несчастную!

Кроули стал мертвенно-бледным и растерянно посмотрел на жену, будто только сейчас осознал весь ужас ситуации. После долгих секунд колебания он кивнул в знак согласия.

Человек в капюшоне попытался преградить мне путь:

– Не делайте этого, несчастные! Малейший физический контакт убьет ее. Ее дух больше не сможет вернуться в тело и будет обречен на вечные скитания!

– Чепуха! Дайте мне пройти! – прокричал я. После некоторой толкотни мне удалось подойти к телу. Я дотронулся до натянутой ледяной кожи.

– Судя по трупному окоченению, эта женщина мертва уже около трех часов!

Неописуемая паника сопровождала это объявление. Адепты побросали свечи и безделушки на пол и устремились к выходу. Толпа рассеялась, как воробьиная стая. Кроули забился в угол просторного зала и свернулся там в позу эмбриона. Он сидел, согнув спину и положив голову на колени, обхватив их руками.

Я обернулся и заметил, что остался один в этом мрачном подвале с Кроули и телом его супруги. Даже Холмс убежал!

Я с трудом поднял Кроули. Он не слышал моих слов утешения. Этот человек теперь был лишь тенью самого себя. Я проводил его до комнаты и уложил в постель. Судя по его лицу, он был не способен воспринимать реальность.

Мне предстояло позаботиться о покойнице. После нескольких часов хлопот удалось сообщить в морг, который прислал наконец одного из своих работников. Человек завернул тело Розы Кроули в белую материю и унес, взвалив его на спину.

Я вернулся в нашу квартиру поздней ночью, изнуренный этим богатым на события днем. Холмс сидел, попыхивая трубкой, удобно устроившись в кресле у камина.

– А, Ватсон. Ну наконец. Где вы были все это время?

– Холмс! Это, скорее, я должен...

– Каковы ваши заключения по поводу Розы Кроули?

– Мои? Ну, я полагаю, что она умерла от сердечного приступа. Ее здоровье было в плачевном состоянии. Она принимала наркотики самым неразумным образом, чтобы достичь состояния комы, необходимого для этих опасных экспериментов. Эта повторяющаяся практика стала причиной ее слабого здоровья.

Устроившись в кресле, я принялся греть руки у огня, который потрескивал в камине.

– Но вы, Холмс, где были вы? Вы оставили меня одного без всяких объяснений.

– Было не до объяснений, Ватсон. Я побежал за Самюэлем Боктоном, директором журнала «Фантастика». Вы не заметили его присутствия?

– На какое-то мгновение мне показалось, что я увидел его. Но все происходило слишком быстро. Вам удалось допросить его?

– Да. Он сообщил мне, кто входил в состав ордена «Серебряная звезда» с момента его создания. Там были известные художники и писатели, такие как Брэм Стокер.

– Автор «Дракулы»?

– Он самый. Боктон утверждает, что чувствует прекрасную общность духа со всеми этими людьми. Он говорит, что его принадлежность к «Серебряной звезде» – признак социального признания.

– Он ведь нам ничего не сказал, когда мы были у него.

– Зачем ему было говорить об этом? Зато вспомните его слова. Они были такими же трезвыми, как и слова Кроули. Эти двое проповедуют культ личности. Помните кредо Кроули: «Делай то, что нравится»?

Я прекрасно помнил наш визит к Боктону. Я не понимал, чем Кроули и его адепты отличаются от тех, кого они избличают. Не возвели ли они эгоизм и цинизм в ранг доктрины?

Холмс выдержал паузу и закурил новую трубку.

Я протянул ноги к огню. В последнее время у меня стали болеть колени.

Согревшись, я продолжил свои размышления.

Итак, потихоньку стала проглядывать связь между главными действующими лицами. Самюэль Боктон и Реджинальд Фостер сотрудничали в журнале «Фантастика». Фостер и Хазелвуд вместе работали над выявлением таинственной преступной организации. Кроули и Боктон – давние друзья. Что касается трио Гудини, то они мало интересовались этими событиями. Оставался очень интригующий момент...

– Какое место занимает Майкрофт во всем этом деле?

На лице моего друга отразилось изумление.

– Майкрофт? Он работает с Хазелвудом! Но это мы давно знали. Очевидно, что моего брата ничто не связывает с этой историей.

Было ли это так уж очевидно?

Судебно-медицинская экспертиза подтвердила мой диагноз: сердечный приступ вследствие чрезмерного употребления наркотиков. Играя со смертью, Роза Кроули попала в ее лапы.

Мы несколько раз навещали Кроули. Его психологическое состояние было критическим. В нем ничего не осталось от того гордого и надменного человека, каким мы его впервые увидели. Он не мог смириться со смертью жены и постоянно принимал наркотики, убежденный, что это позволит ему встретиться с покойницей.

Иногда Кроули произносил бессвязные слова. Но для него они, возможно, вовсе не были бессвязными. Мы по-прежнему не знали, что он рассчитывал сообщить нам по поводу того злополучного сеанса раздвоения, стоившего жизни его супруге.

В тот день Холмс решил нанести ему очередной визит. Он по-прежнему рассчитывал вытащить из него трезвую информацию. Мой друг попросил меня сопровождать его, чтобы я определил состояние здоровья Кроули.

Мы нашли Кроули лежащим в постели. Он был очень слаб, его взгляд был устремлен в беспредельность. Он не спал, но слух его витал, казалось, в другом измерении. Его лицо было мертвенно-бледным. Любое движение, казалось, причиняло ему боль. Холмс обратился к больному с заботой, которой я за ним никогда раньше не замечал.

– Как вы себя сегодня чувствуете?

– Спасибо, лучше, Я очень много работал. Я нащупал ужасную правду.

Кроули был слаб, но точно не находился под влиянием наркотиков. Холмс заметил это и воспользовался возможностью, чтобы задать ему несколько вопросов.

– Мне очень жаль напоминать вам о тех ужасных событиях, но это необходимо для расследования.

– Я обещал вам свою помощь, и я сдержу слово. Мой товарищ заговорил тихо и размеренно, тоном, располагающим к откровенности.

– Что должна была сообщить нам Роза Кроули?

– Проблема в том, что я сам ничего не знаю. Я доверил ей сложную миссию провести расследование с помощью раздвоения.

– Какую миссию вы ей доверили?

– Найти убийцу, разумеется.

Холмс бросил на меня заговорщицкий взгляд.

– Да, разумеется.

Кроули продолжал, убедившись, что нашел внимательного слушателя.

– Это нас определенно оправдывает. Но мои отчаянные попытки войти в контакт с Розой не увенчались успехом.

Я вытаращил глаза.

– Войти с ней в контакт? Но ведь она мертва.

Холмс мрачно взглянул на меня. Кроули продолжал, не обратив ни малейшего внимания на мое высказывание.

– Для нас, посвященных, это пустяк. Я всегда практиковал спиритизм, и у меня никогда не было трудностей в общении с духом умерших. Это почти формальность.

Я приготовился выдать новое замечание, когда Холмс наступил мне на ногу.

– Понимаю, – сказал я, скорчив гримасу боли. Единственное, что я понимал, так это то, что мы теряем время, слушая бред наркомана.

– Но на этот раз вам не удастся установить контакт? – спросил Холмс так, будто устанавливать контакт с мертвецами – самое обычное дело.

– Да, и поэтому я убежден, что Роза попала в западню.

Холмс приблизился к Кроули.

– В западню?

– Я имею в виду ее двойника, разумеется.

– Разумеется, – как эхо, повторил я.

– Ее двойник не смог вернуться в телесную оболочку моей жены. Это означает, что его держат где-то в заточении или же он приговорен вечно блуждать между миром живых и миром мертвых.

У этого Кроули было весьма необычное понимание смерти. И Холмса, казалось, весьма сильно интересует его теория. Вот что удивляло меня больше всего.

– Я более чем уверен, – продолжал Кроули, – Роза узнала что-то очень важное. Но кто-то помешал ей говорить и держит до сих пор в мире, недоступном для живых. Я должен освободить ее.

Кроули поднялся и, шатаясь, простоял мгновение. В его взгляде читалась одержимость. Холмс поддержал его за локоть.

– Как вы собираетесь это сделать?

– Я устрою ловушку нашему врагу.

Кроули нетвердой походкой направился к своей огромной библиотеке. Он достал тяжелый том, намного более свежий, чем остальные, на многих его страницах были закладки. Он положил книгу на стол перед нами. Я прочитал название одновременно с моим другом: «История секретных сект», автор – профессор Корнелиус Хазелвуд.

Как вам удалось завладеть этой книгой?

– Мой друг-издатель, Самюэль Боктон, смог раздобыть ее до официального издания. Она должна была поступить в торговлю через несколько дней.

Холмс снова бросил на меня заговорщицкий взгляд. Это неожиданное признание доказывало, что Кроули и Боктон хорошо знают друг друга.

– Вы интересуетесь тем, что рассказывает Хазелвуд? – отважился спросить я.

– Я вам очень благодарен. Если мне придется защищаться, то я хотел бы знать, в чем меня обвиняют.

Лицо Кроули сделалось жестким, на нем появилось выражение злобы и презрения.

– Эта книга – не что иное, как грубая шутка. Она полна шаблонов и худших выдумок, присущих этому жанру, не говоря уж об анахронизмах, недостойных даже школьника.

Я все пытался разобраться.

– Так вы не принимаете это произведение всерьез?

– Мало того. Эта книга не только несерьезная, но и по большей части – плагиат «Молота ведьм».

– «Молота ведьм»?..

– Речь идет о книге недоброй памяти, которая служила практическим руководством инквизиторам в течение почти двух веков. Она написана в 1486 году Яковом Шпренгером и Генрихом Инститориусом, двумя профессорами теологии ордена доминиканцев, в ней они доказывали существование колдовства и сатанизма. Сотни лучших так называемых еретиков подверглись пыткам и истреблению. Чаще всего их ошибка заключалась лишь в том, что они выступали против официальной доктрины католической церкви.

– Вы хотите сказать, что книга Хазелвуда – плагиат «Молота ведьм»?

– По большей части – да! А что касается остального, то наш знаменитый ученый удовольствовался тем, что переписал все подряд. У меня есть точные доказательства. Следуйте за мной!

Кроули направился к библиотеке и достал сильно потрепанную колдовскую книгу.

– Послушайте это: «Задушенные, а затем порезанные на кусочки, жертвы сатанинских ритуалов погибали в котле, где колдуны готовили знаменитую дьявольскую мазь, которая должна была обязательно содержать в себе немного человеческого жира. А вот и точный рецепт: сварить ребенка в медном котле, взять плавающий на поверхности жир, а оставшемуся бульону дать как следует загустеть. Добавить в бульон аконит, листья тополя и золу – и эту дьявольскую смесь можно использовать для того, чтобы испортить урожай, навредить скоту, послать врагов в загробный мир...» Хазелвуд слово в слово списал эту ахинею и приписал этот варварский обряд ордену «Серебряная звезда». Ни больше ни меньше.

Кроули даже раскраснелся от гнева. Мало-помалу к нему возвращались его злоба и воинственность. Его голос поднялся на один тон:

– Но все это не имеет ни малейшего значения по сравнению с тем, что я вам покажу. В этой книге заключено послание намного более тревожное, которое определенно указывает на автора и позволяет мне утверждать, что я стал жертвой страшного заговора. Пришло время назвать настоящего преступника. Приготовьтесь к самому ужасному!

Какое сумасбродное откровение он приготовил нам? Для такого манипулятора, как Кроули, разве не было лучшим способом снять с себя обвинение – выдать себя за жертву?

Он открыл книгу Хазелвуда на другой странице, заложив листом бумаги, и указал пальцем на небольшой рисунок.

– Прочтите этот небольшой абзац, мистер Холмс, и внимательно посмотрите на рисунок!

Мой друг склонился над книгой.

– «В Египте, во время правления династии Аменхотеп, обычай предписывал бросать в Нил девственницу, чтобы завоевать его милость и быть уверенными, что он одобрит долину... Руки жертвы отрезались, бальзамировались и по отдельности преподносились Сету, египетскому дьяволу. В настоящее время этот ужасный обряд приписывают секте „Серебряная звезда“, находящейся под псевдоегипетским влиянием, управляемой отвратительным Алистером Кроули».

Холмс достал лупу и с ее помощью принялся разглядывать рисунок. Внезапно выражение его лица резко изменилось. Оторопевшим взглядом он посмотрел на Кроули, выронил лупу и как подкошенный рухнул на стул.

Я схватил лупу и поспешил посмотреть на рисунок. То, что я увидел, выходило за грани всякого воображения. Обряд, отраженный на этом наброске, происходил не в Египте, а в Лондоне, именно в том месте, где была убита маленькая Мэри. Я узнал набережную, рельсы, по которым передвигаются вагонетки с углем, даже мост, под которым мы нашли Джека-Попрошайку.

– Это невозможно! – воскликнул я.

Я еще раз приблизил лупу к рисунку. Убийца носил черты Сета, который у египтян является тем, чем у нас сатана. В свою очередь, я вопросительно посмотрел на Кроули.

Он перевернул еще несколько страниц и раскрыл книгу там, где была следующая закладка.

– То же самое и со всеми остальными преступлениями.

– Остальными? – повторил я.

Он открыл книгу на странице, описывающей греческий ритуал, происходящий из античности: захоронение живьем пятерых мальчиков. Мы внимательно вглядывались в рисунок. Я узнал кладбище и хижину несчастного Маллигана – все до малейших деталей.

Кроули перевернул еще несколько страниц.

Я узнал склеп, где мы нашли Джейн Барнингтон, пронзенную перевернутым крестом. Я взял лупу. В углу рисунка можно было рассмотреть непристойную усмешку дьявола, которого, казалось, эта сцена очень забавляла.

Кроули показывал нам все новые и новые убийства. Наконец он закрыл книгу и в изнеможении опустился на кровать.

Время будто застыло.

Это открытие опустилось на нас тяжким грузом.

Холмс устремил пустой взгляд в бесконечность.

Мы больше не могли откладывать встречу с Хазелвудом. Мой друг не скрывал своего нетерпения. Его решимость преобладала над его опасениями.

Не прошло и часа, как мы уже были у Хазелвуда.

Холмс громко постучал в калитку. Холодный и надменный дворецкий почти тотчас же открыл нам.

– Мистер Холмс, мистер Ватсон. Соболаговолите следовать за мной, пожалуйста, господа уже ожидают вас.

– Господа? – удивился я.

Дворецкий не успел ответить. Импозантный мужчина шел нам навстречу. Мое удивление достигло предела, когда я узнал в нем Майкрофта Холмса. Какой исключительный случай заставил медведя выйти из берлоги?

– Шерлок, – обратился он к своему брату, – и ты только сейчас пришел сюда?

– Мой разум не настолько стремителен, как твой, Майкрофт, тебе это хорошо известно, – ответил мой друг притворно безразличным тоном.

Майкрофт Холмс проводил нас в гостиную. Двое мужчин сидели, согнувшись над письменным столом, заваленным различными книгами и журналами. Они оживленно беседовали. Я уловил несколько слов.

– Где они сейчас?

– У книготорговцев. Появление в магазинах намечено на завтрашнее утро.

– Катастрофа. А пресса?

– Кампания уже началась. Газеты уже в курсе печати.

– Можно еще сделать обратный ход?

– Нет, слишком поздно.

Мужчины обернулись, услышав наши шаги. Нас ждал еще сюрприз. Я узнал Самюэля Боктона, директора «Фантастики». Другой, должен быть, был сам Хазелвуд. Он резко поднялся и поспешил к нам. Под именем Корнелиус Хазелвуд я представлял старого профессора, ворчливого и властного. Мужчине, идущему нам навстречу, было не более пятидесяти лет. Одет он был элегантно, но скромно. Он был ниже меня ростом, но, стоит признать, был более стройным. Вне сомнения, он регулярно занимался каким-нибудь спортом, чтобы сохранять такую молодую гибкую фигуру. Его острый взгляд за маленькими круглыми очками в металлической оправе придавал ему суровый вид и говорил о том, что прежде всего он интеллектурал и только потом человек дела. Его виски начинали седеть, и седина подчеркивала его лоб, который казался слишком большим и далеко заходил за линию курчавых волос. Одна деталь привлекла мое внимание – заостренная маленькая борода, как у мушкетера, которую он то и дело поглаживал.

– Мистер Холмс, спасибо, что так быстро пришли. Мой друг не смог сдержать удивленного возгласа:

– Так быстро? Я не...

– Давайте не будем тратить время на излишние разговоры, – отрезал наш хозяин, протягивая Холмсу руку. – Давайте восстановим мир! Я признаю свои прошлые ошибки.

Холмс не мог найти слов, растерявшись от столь неожиданной вступительной речи. Корнелиус Хазелвуд выглядел очень взволнованным.

– Время не ждет. Необходимо любой ценой положить конец этой резне. Это дело нанесло уже достаточно вреда. Люди начинают терять рассудок от страха. Доверие к государству в опасности, и, кстати, ко мне тоже.

– Не соболаговолите ли вы объяснить мне хоть что-нибудь? – сумел вставить мой друг.

Майкрофт Холмс поспешил на помощь брату.

– Шерлок, по всей вероятности, не располагает всеми данными. Давайте не будем спешить и объясним ему ситуацию. Присаживайтесь, господа.

Мы расселись вокруг письменного стола. Майкрофт Холмс продолжал:

– Вот вся история: некоторое время назад независимый журналист по имени Реджинальд Фостер пришел к Самюэлю Боктону в журнал «Фантастика», для того чтобы...

Шерлок Холмс остановил брата движением руки.

– Чтобы предложить напечатать его расследование в форме статьи. Фостер отслеживал криминальную организацию, в которой таинственная женщина играла главную роль. В рамках своего расследования он рассчитывал встретить Марка Дьюэна в Миллбэнк.

– Так ты в курсе?

Мой друг пожал плечами.

– Мой мозг не отличается стремительностью, тем не менее он худо-бедно функционирует.

– Что еще тебе известно?

– Вы сделали так, что Фостера назначили охранником в Миллбэнк. Но не все, кто хочет, становятся шпионами. Фостер поплатился жизнью за свое любопытство. Как ты мог доверить такое дело любителю, Майкрофт?

– У меня не было выбора. Я даже не смог встретиться с этим Фостером, иначе обязательно дал бы ему точные указания и советы. Профессор, скажем так...

Вышеупомянутый профессор, которому было явно не по себе, откашлялся в кулак и несколько раз погладил бороду.

– Не бойтесь слов, Майкрофт, я заставил вас назначить Фостера, используя свою власть. Фостер показался мне хозяином положения. Мне хотелось разделить славу его открытий.

На губах Холмса заиграла улыбка.

Хазелвуд продолжал:

– К несчастью, Фостер потерпел неудачу, и его убийца сбежал при условиях, которые вам наверняка известны. За этим побегом последовала серия чудовищных убийств.

– Все это уже известно, – прервал Холмс. – Но скажите, как вы узнали, что я приду сюда?

– Это было неизбежно, – пояснил Майкрофт Холмс. – Как и мы, ты обнаружил рисунки в книге профессора. Было очевидно, что ты немедленно явишься к нему за объяснениями.

Холмс бросил обвиняющий взгляд на профессора:

– И в самом деле.

Хазелвуд принял сокрушенный вид.

– Я могу все объяснить. Я действовал в крайней спешке. Я не стремлюсь оправдать себя, но есть смягчающие обстоятельства: я находился под давлением администрации и общественного мнения и должен был непрерывно публиковать новые открытия. Такова цена славы. Вам ведь знакомо это, мистер Холмс?

Холмс не ответил.

Хазелвуд смущенно улыбнулся.

– Я признаю, что совершил ошибку, назначив Фостера и отстранив вас от дела. Но сейчас не время для выяснения отношений. Мы должны объединить наши усилия для борьбы с невидимым и таинственным врагом.

Холмс с нетерпением ответил:

– Перейдем к делу. Скажите, где вы нашли рисунки, которые опубликованы в вашей книге?

– Я купил их у Фостера. Он утверждал, что у него много неопубликованной информации о сектантских ритуалах. Мы вместе составили внушительное досье по этой теме. Казалось, он располагал информацией и был вполне уверен в себе. Я не стал утруждать себя тем, чтобы проверить все данные. Слишком мало времени, слишком большое давление...

– Это уже не важно. Где Фостер достал рисунки и комментарии к ним?

Самюэль Боктон, который за все время разговора не произнес ни слова, указал на кучу журналов, покрывавших стол.

– В архивах «Фантастики».

Холмс соединил кончики пальцев и нахмурил брови.

– Фостер никогда не раскрывал вам своих источников, профессор?

– Нет. Но это отчасти и моя ошибка.

– Что вы этим хотите сказать?

– Я слишком сильно давил на него. Я знал, что ему нужны деньги для расследования. Мы с ним подписали контракт. Я просил его предоставлять мне сенсационную информацию в обмен на существенный аванс. Чтобы заработать денег, он черпал информацию из архивов «Фантастики».

Шерлок Холмс повернулся к Самюэлю Боктону.

– Мы возвращаемся к одному и тому же вопросу: кто стоит у истоков этих рисунков и текстов, сопровождающих их?

Глаза волка сощурились, будто яркая вспышка ударила ему в лицо.

– Многие авторы. Большая часть из них – неизвестные или случайные писатели. Я никогда не встречался с ними лично. Мы общались через посыльных. Они присылали мне маленькие иллюстрированные рассказы о кровавых тайнах, совершаемых оккультными силами.

– Где они находили темы для своих рассказов?

– Этого я не знаю. Это тайна литературного творчества. Думаю, они призывали на помощь свою фантазию или обращались к повествованиям, составляющим коллективную память, – ответил Боктон.

– У вас сохранились имена и адреса этих писателей?

– Нет. Часть архивов я выбросил во время переезда. Слишком много места они занимали. Кроме того, большинство этих писак-однодневок пользовалось псевдонимами, так что настоящих их имен я не знал.

– Вы продолжаете работать с некоторыми из них?

– Нет. – Он колебался. – По крайней мере, если это так, то они используют сейчас другие псевдонимы. «Фантастика» публикует теперь длинные повести в эпизодах, наподобие журнала «Стрэнд».

Не было секретом, что Боктон мечтал вытеснить «Стрэнд», который считал образцом жанра.

– Когда состоялась первая публикация этих новелл?

– Около трех лет назад, – сказал Самюэль Боктон, протягивая один из журналов Холмсу. – Вот первый номер.

Шерлок Холмс достал лупу и стал рассматривать рисунок. Его лицо изменилось.

– На этом рисунке будто изображено...

– Убийство Фостера. Мы тоже так считаем.

– Вы поделились этим открытием с полицией?

– Разумеется. Наши лучшие детективы работают над этим вопросом. Но они видят в этом лишь цепь совпадений, не имеющих никакого отношения к преступлениям.

Я тоже рассмотрел рисунок. На нем была изображена средневековая крепость. Не было никаких сомнений, что это Миллбэнк.

Холмс продолжал:

– Как вы узнали, что определенные ваши тексты появились в книге Хазелвуда?

– Обычное стечение обстоятельств. Мой друг Алистер Кроули попросил меня достать книгу профессора Хазелвуда до ее официального выхода в свет. Это было не так просто сделать, несмотря на мои знакомства в издательстве. Перед тем как передать книгу Алистеру, я заметил, что некоторые рисунки мне знакомы, а позже, роюсь в архивах, я обнаружил невероятную правду.

Холмс недоверчиво посмотрел на Боктона.

– Но почему вы пришли сюда? Хазелвуд открыто обвиняет вашего друга Кроули в своей книге.

– Именно поэтому я и пришел к профессору, чтобы защитить Алистера Кроули и избежать страшной судебной ошибки. Алистер слишком подавлен смертью жены и не в состоянии сам себя защитить. Я хорошо знаю этого человека. Его идеи могут шокировать, но он не убийца.

Последовало долгое молчание. В душе я думал: волк и змея – какой великолепный союз.

Самюэль Боктон прищурил глаза, и его губы искривились, будто он колебался, перед тем как сделать решающее признание.

– «Фантастика» – еженедельный журнал, – начал он. – Мы публиковали эти рассказы в течение почти трех лет...

Хазелвуд со всей серьезностью продолжил мысль Боктона:

– ... что составляет примерно сто пятьдесят иллюстрированных рассказов, описывающих преступления, одно ужаснее другого. Нам предстоит огромная работа. Нужно разобрать каждый из этих рассказов и попытаться определить место действия будущих убийств. Если убийца продолжит следовать по той же схеме, то в этой книге описаны места, где вскоре будут совершены ужасные преступления. Если нам удастся расшифровать их, то, возможно, мы сможем вычислить преступника и поймать его. Что касается меня, то я проанализирую все рисунки в моей книге. Все, что произошло, – на моей совести. Я не должен был доверять такое дело Фостеру.

– Я так же ответствен за это, как и вы, профессор, – ответил Майкрофт Холмс. – Я должен был противостоять вам и не соглашаться с этим планом. Он был слишком рискованным.

Самюэль Боктон опустил глаза.

– Часть ответственности лежит и на мне. Впредь я буду более бдительным по отношению к рассказам, которые собираюсь опубликовать и...

Холмс поднял руку ладонью вперед.

– Стоп! Сейчас не время искать стрелочника. Преступления совершены. И каждый несет свою долю ответственности. Нужно по-новому взглянуть на эти события.

Профессор обернулся к моему другу.

– Вот почему я подумал о вас, мистер Холмс.

– Обо мне?

– Да. Наверняка есть детали, ускользнувшие от нашего внимания. Мельчайшая улика может иметь огромное значение в деле такого рода.

Это расследование снова приняло самый неожиданный оборот. Шерлок Холмс пришел к Хазелвуду за объяснениями, а сейчас профессор просит его помощи. К нему обратились за помощью те, кто прежде держал его в стороне от этого дела. Все было слишком запутанно.

Повисла тяжелая тишина. Боктон бросил на Хазелвуда беспокойный взгляд. Профессор отвел

глаза и нервно теребил бородку. Тревога заполнила комнату. У меня внезапно появилось чувство, что одному из нас известно гораздо больше, чем он говорит. Находился ли убийца тогда за тем столом?

В дверь гостиной постучали три раза. Холмс отложил газету.

– Входите же, миссис Хадсон!

Я посмотрел на настенные часы: половина двенадцатого ночи.

Наша хозяйка просунула голову в приоткрытую дверь.

– Простите, что беспокою вас в столь позднее время, но я подумала, что это может быть важно...

– Что случилось?

– Я заканчивала кое-какие домашние дела на первом этаже, когда услышала странный шум у входа. Я поспешила на шум и увидела, как кто-то подсунул под дверь эту бумагу. – Она протянула Холмсу сложенный вчетверо лист бумаги. – Когда я отворила дверь, таинственный почтальон уже скрылся в тумане.

Холмс взял послание, поблагодарил миссис Хадсон и громко прочел:

– «Вниманию мистера Шерлока Холмса. На Даунинг-стрит, 78, происходят ужасные вещи. Под покровом ночи туда заходят посетители. Позже они проходят под моим окном, неся за спиной огромные холщовые мешки. Я и думать боюсь о том, что может находиться в этих мешках. Я видел, как в это таинственное место зашел молодой Джеймс Пикокс. Но обратно он не вышел, по крайней мере, на своих ногах. Я не верю в полицию, а поэтому обращаюсь к вам, мистер Холмс. Пролейте свет на это дело и избавьте наконец наш город от этого чудовища. Будьте бдительны, место очень опасное».

Разумеется, письмо не подписано.

– Это можно понять. Лондон сейчас в состоянии шока. Автор письма предпочел анонимность страху мести. Все объаты ужасом.

– Но только не я, Ватсон.

Холмс надел толстое пальто, теплую фуражку и вышел в ледяную ночь. Я последовал за ним. Он сунул в карман пистолет, и я сделал то же самое.

Бензиновые фонари, подвешенные с обеих сторон нашего кеба, освещали густой туман, сквозь который проглядывали кварталы и синеватый неясный свет уличных фонарей. Мой друг остановил экипаж на Даунинг-стрит в районе дома 60. Оставшееся расстояние мы прошли пешком, прижимаясь к стенам. Ветер прибывал одежду к нашим телам, усиливая чувство холода. Наше дыхание, казалось, застывало у наших губ.

Вскоре мы оказались у дома 78. Это было прямоугольное двухэтажное здание, похожее на небольшой склад. Входную дверь прикрывала металлическая решетка, запертая на висячий замок. Мы обошли дом в поисках лазейки. Холмс приложил к губам указательный палец, показал на окно, не закрытое решеткой, и жестами дал понять, что попытается до него добраться. Я прислонился к стене здания в надежде, что никто не заметит нашего рискованного предприятия, и подставил Холмсу спину. Мой друг забрался ко мне на плечи. Несколько мгновений прошло, прежде чем он сумел открыть упрямое окно. Короткий звон разбитого стекла внезапно раздался во мраке, за ним последовал отдаленный лай.

Мы застыли в нашей не слишком удобной позе. Жалобно повыв, собака утомилась. Тяжелая тишина окутала нас. Мои пальцы свело от холода. Вскоре я мог ощущать лишь ногу на своем плече, и больше ничего. Холмсу удалось проскользнуть в дом, и он протянул мне руку из окна. Без особого труда я забрался в дом.

Холмс поднес к моим глазам оружие, показывая, что я должен достать свое. Дрожащей рукой я достал пистолет.

Луна играла в прятки с облаками и освещала комнату отдельными вспышками. Я попытался различить, что находится в помещении. Запах был острый и неприятный. Странные синеватые отблески то там, то здесь появлялись из мрака. Я направился к ним. Моя рука натолкнулась на огромный стеллаж, который, казалось, занимал всю стену. На ощупь я направился вдоль полка с целью распознать их содержимое. Вскоре я понял, что полки заставлены флаконами

различного размера с этикетками, похожими на те, на каких пишут название варенья. Призрачный свет исходил от некоторых сосудов, будто в них содержалась фотолюминесцентная субстанция.

Луна окончательно скрылась, и мы оказались в кромешной тьме. Я потерял ориентацию. Холмс зажег спичку. Мы увидели, что находимся в помещении без мебели, с огромным столом в центре. На столе лежала белая фигура. На многочисленных полках стояли десятки флаконов. В ужасе мы различили их мрачное содержимое. По спине у меня пробежал холодок. В сосудах находился мозг, различного размера, где-то целый, а где-то поврежденный. Холмс, держа в руке спичку, прошел вдоль всего стеллажа. В большой банке с высокими краями плавали человеческие глаза. На другой полке я распознал печень, почки и легкое. Сердца стояли на одной полке с сосудами, содержимое которых я не смог определить.

Было ясно: мы попали в логово монстра.

Холмс зажег новую спичку и направился к столу, стоящему в центре комнаты. Белая простыня накрывала человеческое тело.

Внезапно резкий свет озарил комнату и ослепил нас. Великан в ночной рубахе стоял в дверном проеме, нацелив на нас оружие. Его физиономия была будто высечена из гранитного камня. Но взгляд был честным и открытым. Несмотря на сложение дровосека, человек вовсе не был похож на мужлана.

– Руки вверх! Не двигайтесь!

Мы застыли в том положении, в каком были.

– Кто вы такие?

– Я Шерлок Холмс, а это мой друг доктор Ватсон, – объявил мой товарищ, указав в мою сторону подбородком.

Человек скорчил скептическую гримасу и направился к нам, не отказываясь от мер предосторожности.

– И правда, я вас узнал. Но что вы делаете в моем доме в такое время?

Мой друг широко раскрыл глаза.

– У вас? Но кто вы?

– Профессор Джон Пикокс, доктор хирургии.

– Пикокс? – воскликнул я. – Но что все это значит?

Я указал на ряды флаконов.

– Это всего лишь некоторые человеческие органы, плавающие в смеси формалина и фосфора.

– Мы думали... ну... пошли слухи, что... Вы и правда хирург? – пробормотал я.

Пикокс опустил оружие и открыл шкаф, наполненный пилами, микроскопами и пожелтевшими скелетами, подвешенными на шелковую нить.

– Вы, кажется, взволнованы, доктор Ватсон. Однако я полагаю, вы не впервые оказались в комнате для изучения анатомии.

Мы опустили руки, смущенные нашей ошибкой.

– У меня небольшая комната прямо над этим помещением, – продолжал Джон Пикокс. – Я слышал звон стекла и лай собаки. Вы ворвались ко мне, взломав замки. Я жду ваших объяснений.

– Не поймите наши намерения неправильно, – сказал Холмс. – Мы получили письмо, из которого следовало, что молодой Джеймс Пикокс попал в смертельную западню именно в этом месте.

– Это смешно! – возмутился хирург. – Смею вас уверить, мой сын находится в добром здравии.

– А где он сейчас? – спросил Холмс.

– Позавчера уехал в деревню, к моим родителям. Он хотел отдохнуть перед экзаменами. Он будет хирургом, как и я.

Холмс выглядел растерянным. Я указал на тело, лежащее на анатомическом столе хирурга.

– А что под простыней?

– Старуха, которая умерла вчера. Она завещала свое тело медицине. В конце дня служащий морга принес ее сюда. Завтра утром я намереваюсь провести урок анатомии. У меня около двадцати учеников, я преподаю прямо здесь.

– Можно взглянуть? – спросил Холмс.

– Если это убедит вас...

Доктор Пикокс пошел к анатомическому столу и резким движением откинул простыню. Его лицо исказилось. Он закачался и прислонился к стене, чтобы не упасть.

На столе лежало посиневшее тело юноши примерно двадцати лет. Его лицо было испещрено синими прожилками, под глубоко запавшими глазами виднелись темные круги. На лбу был нарисован перевернутый крест, покрывшийся отвратительной коричневой коркой.

Холмс снял пальто и удобно расположился в кресле. Я сгорал от нетерпения узнать итог последних расследований. Мне не пришлось задавать вопросы, потому что он заговорил сам.

– Убитый юноша действительно сын доктора Пикокса. Убийца ввел ему вирус холеры, чем и объясняется характерный цвет труп.

– Холеры... Действительно, тело имело синеватый оттенок, и глаза слишком глубоко запали. Но разве сейчас можно найти активный вирус?

– Его отец работал над этим. Этого Лестрейду оказалось достаточно, и он арестовал доктора.

– Хирург признался?

– Нет. Он по-прежнему в шоке. Утверждает, что ничего не понимает. По его мнению, кто-то подменил тело старухи на тело его сына.

– Но кто мог совершить такое гнусное преступление?

– Последний, кто входил в дом, – служащий морга. Он принес тело старухи поздним вечером. Слуга открыл дверь, служащий положил тело на анатомический стол и ушел. Подобного рода доставки – обычное дело, учитывая род деятельности доктора Пикокса.

– И никто не осмотрел тело, сразу после того как его принесли?

– Никто. Тела всегда заворачивают с ног до головы, чтобы не заразить дом. Кроме того, слуга панически боится трупов и никогда не снимает простыню. Он постарался побыстрее избавиться от служащего морга и не стал будить хозяина, чтобы сказать об этой доставке.

– А служащий морга?

– Я уже провел небольшое расследование. Человек, принесший тело, не служит в морге. Тело старухи должны были доставить лишь завтра, перед уроком анатомии доктора Пикокса.

– Но вы ведь не верите в виновность доктора Пикокса?

– Нет. Но слишком многое говорит против него. Если существует идеальное убийство, то лучшего найти нельзя.

Я рассуждал вслух:

– Действительно. Убийца мог выкрасть молодого Пикокса, когда экипаж вез его в деревню. Затем убил и отправил тело его отцу. Прислуга смогла описать человека, который выдавал себя за служащего морга?

– К несчастью, нет. На нем была медицинская маска, какую носят хирурги. Он сказал, что боится заразиться.

– Вы собрали какие-нибудь улики?

– Да, десятки, Ватсон.

– И?

– Все они указывают на доктора Пикокса. Убийца – гений преступления. Придется проделать двойную работу. Нужно доказать невиновность Пикокса и, что гораздо сложнее...

– Что еще, Холмс?

– Попытаться еще раз убедить Лестрейда в том, что он не прав.

В тот же момент, на первом этаже, миссис Хадсон повернулась вокруг своей оси, как большой волчок, размахивая метлой над головой. Но что она могла сделать одна против грязного недисциплинированного полчища, устремившегося по лестнице!

Мальчишка с дерзким взглядом и в фуражке набекрень пересек порог гостиной.

– Мистер Холмс! Мистер Холмс!

Я вскочил с кресла, готовый отразить атаку с помощью своей солидной трости, когда Холмс остановил мою руку.

– Спокойно, Ватсон! Вы же видите, что это – партизаны Бейкер-стрит.

– Ах да?

– Они приносят мне самые свежие новости. Я дал им задание следить за старым мостом, под которым Джек-Попрошайка устроил свое жалкое ложе.

После этого Холмс сделал властное лицо командира, обращающегося к солдатам. Подбородком он указал на мальчишку, который был немного выше остальных и, должно быть, был главным.

– Докладывайте, Хиггинс!

– Мы видели его, мистер Холмс, так же четко, как я сейчас вижу вас.

– Джека-Попрошайку?

Парень, названный Хиггинсом, округлил глаза от страха.

– Нет, сэр, дьявола.

– Дьявола... Где же?

– В самом сердце Лондона, сэр. В месте вроде подвала, который похож на таверну Али-Бабы. Уверен, что там происходят очень неприличные вещи.

Парнишка, судя по всему, исходил из собственного опыта.

– Быстро ведите меня туда, мой молодой друг!

Холмс протянул полкроны главарю банды, который поблагодарил его тысячу раз. Ватага устремилась вниз по лестнице и рассеялась на улице под напрасную брань миссис Хадсон. С нами остался только Хиггинс.

Мы сели в экипаж. Парнишка занял место рядом с кучером и вел его по лабиринту плохо освещенных улиц, которые он знал, казалось, как свои пять пальцев. Вскоре экипажу пришлось остановиться, так как дорога стала слишком узкой. Мы пошли пешком между домами, наклоненными так сильно, что их крыши почти соприкасались. Улица заканчивалась мрачным и грязным тупиком. Идеальное место для разбойничьего притона. Я нащупал рукоятку пистолета, чтобы в любой момент пустить его в ход.

Хиггинс указал на черное отверстие подвального окна, которое уходило вглубь под маленький полуразвалившийся дом.

– Это там, сэр!

Мальчишка расширил глаза от страха и отступил на несколько шагов.

– Простите меня, сэр, но дальше я не пойду. Мне страшно.

И он растворился в тумане. Холмс крикнул ему вслед:

– Не ослабляйте бдительности, Хиггинс. Я жду новостей о Джеке-Попрошайке.

Мы спустились на несколько ступеней. Пахло сыростью и гнилью. В непроглядном мраке skleпа меня охватил невероятный страх. Холмс зажег спичку. Мы увидели просторный сводчатый подвал, загроможденный самыми разными вещами, наполовину сгнившими, достойными пещеры восточного грабителя. Вдруг Холмс схватил меня за руку.

– Слушайте, Ватсон!

Я напряг слух и действительно услышал глухой гул, но не мог сказать, далеко он или близко. Казалось, будто нематериальное существо дрожит в тени, заставляя вибрировать воздух. По спине пробежал холодок.

По мере того как мы продвигались вперед, дрожь в моих коленях усилилась, а таинственная вибрация, казалось, приближалась. Что-то ужасное и невообразимое стонало и хохотало во

мраке совсем близко от нас. Я не мог представить ни одного образа, который соответствовал бы звукам, наполнявшим тогда мои уши. Ни одним словом нельзя было правдиво описать феномен, к которому мы в ужасе приближались. Спичка потухла, и мы погрузились в полнейший мрак. Не стыжусь признаться, что мне было страшно, ужасно страшно. Все мое существо было напряжено и парализовано неконтролируемым растущим страхом перед иррациональным и неизвестным.

– У меня кончились спички, Ватсон. У вас они есть?

– Да, я... думаю, да.

Я порылся в карманах куртки и с облегчением нащупал маленький коробок. Я чиркнул спичкой о коробок. Посыпались искры, и почти в тот же самый миг вибрирующее облако закрутилось вокруг моего лица и, казалось, погрузилось в мои волосы. Я отскочил в сторону и принялся беспорядочными движениями ловить эфирного врага. Спичка погасла, и я уронил коробок на землю. Снова тяжелая тишина окутала мрак. Ужас был совсем рядом, возможно, в нескольких сантиметрах. В каком чудовищном обличье он появится?

– Где вы, Ватсон? Зажгите спичку.

– Я... я уронил коробок.

– Постарайтесь поднять его, старина.

Моя рука на ощупь устремилась во мрак и внезапно наткнулась на что-то липкое и кишащее. Это что-то было не от мира сего. Я резко отдернул руку и вытер ее о полу куртки. Я услышал, как мой друг споткнулся где-то недалеко от меня. Он тоже ничего не видел.

– Ну как, Ватсон, где ваши спички?

Я сел на корточки, пытаюсь отыскать этот проклятый коробок, как вдруг услышал под ногой легкий треск.

– Нашел, Холмс!

На этот раз я решил сохранять спокойствие и ничему не удивляться. Я зажег новую спичку. Все еще сидя на корточках, я был мгновенно парализован ужасом увиденного. Кровь в моих жилах отяжелела и застыла. Я задыхался, не в силах подняться, бежать или говорить.

Пробравшись на слабый свет спички, Холмс тотчас же присоединился ко мне.

– Черт побери, Ватсон, что это такое?

В нескольких сантиметрах от моего лица находилось «это»: разложившиеся остатки человеческой головы, кишащей отвратительными насекомыми и паразитами. Лоскутья синеватой плоти еще цеплялись за скелет, но лицо было изъедено почти до кости. Полчища насекомых сожрали глаза, и сквозь все отверстия проникли в череп. Лишь длинные черные волосы, вне сомнения, менее съедобные, чем все остальное, остались нетронутыми.

Холмс помог мне подняться. На мгновение я отвернулся, чтобы собраться с духом, но снова покачулся: передо мной была все та же жуткая сцена.

Резкая боль в пальцах заставила меня вскрикнуть и вернула к действительности. Я подул на обожженные пальцы и зажег новую спичку. Я понял, что перед нами всего одна жертва, лицо которой отражается в зеркале. Это была голова женщины. Ее руки и шея были зажаты в деревянные тиски, как у тех несчастных, которых когда-то выставляли на публичной площади, и всеобщая ненависть служила им наказанием.

Холмс приблизил лупу к изъеденной голове. Увеличенные детали казались еще более чудовищными и нечеловеческими.

Это был настоящий кошмар. Когда же наступит конец этой отвратительной серии убийств? Когда завершится этот ужас? Неужели существует заклятый враг всего рода человеческого, которому доставляет удовольствие умерщвлять плоть и дух и наблюдать за разложением?

На лице моего друга читались потрясение и отвращение.

– Мы прикоснулись к самому дну, мой бедный Ватсон. За всю свою жизнь я не видел ничего подобного. Наихудшая из болезней ничто по сравнению с тем, что пришлось пережить этой

несчастной перед смертью.

Я не нашел в себе сил ответить. Я почувствовал тошноту. Холмс продолжал рассуждения, будто в задумчивом монологе.

– Мы имеем дело с умалишенным, Ватсон, с опасным больным, охваченным силами зла.

Он указал на котелок, на который я не обратил внимания. На котелке была странная эмблема: лев, на шее которого свернулась змея.

– В этом сосуде был мед, – объяснил Холмс. – Лицо этой несчастной девушки было смазано медом. Липкий и сладкий, он привлек всех насекомых в этом подвале. Мухи и тараканы в течение долгих дней объедали это лицо и наконец поселились в нем.

Холмс показал остатки пищи, кишасшие червями. На тарелке и приборах была та же эмблема. Мое сердце возмутилось.

– И считая, что этого страдания недостаточно, – продолжал Холмс, – палач кормил и поил свою жертву в течение всей этой долгой агонии. Он дошел до того, что повесил зеркало напротив лица, так, чтобы бедняжка видела болезненное разложение. Над зеркалом – перевернутый крест-Воздух разрядился. Мне нужно было как можно скорее уйти оттуда. Я спешил к выходу, когда ослепительный свет ударил мне в лицо. Я инстинктивно заслонил глаза рукой. Двое мужчин грубо схватили меня. Третий направил на меня луч света.

– Доктор Ватсон!

Я узнал голос Лестрейда.

– Вы – последний человек, которого я ожидал здесь встретить.

К счастью, Холмс присоединился к нам и попытался уладить недоразумение. Полицейский слушал наш рассказ, скорчив скептическую гримасу. Выражение его лица стало серьезным, когда он узнал ужасную правду.

Лестрейд и его люди изучили место. Вдруг полицейский решительно указал на нас пальцем.

– Труп был уже мертв, когда вы его обнаружили?

– Не знал, что существуют живые трупы, мой дорогой Лестрейд.

Полицейский нахохлился, как злобный петух. Затем его хитроватое лицо отразило что-то вроде притворного удовлетворения.

– Завтра утром я хочу видеть вас двоих в моем отделе.

– На каком основании? – возмутился Холмс.

– Вы – главные свидетели.

Вернувшись на Бейкер-стрит, Холмс поспешил к книге Хазелвуда, стал нервно листать ее и положил Руку на страницу, которую искал.

– Вот! Я точно знал, что где-то уже видел эту сцену. Посмотрите, Ватсон!

Рисунок, на который он указывал, в точности воспроизводил фантазмагорическое место, которое мы только что покинули. Холмс прочел комментарий:

«У персов великая жрица смерти не терпела, чтобы какая-либо другая женщина была красивее ее. Все женщины и девушки королевства обезображивали себя как могли, чтобы не вызвать ее гнева. Иногда какая-нибудь девушка, беззаботная или не отдающая себе отчета в своей молодой красоте, забывала про это правило. Тогда несчастную запирали между двумя корытами, оставляя снаружи только голову. Ее лицо смазывали медом, чтобы привлечь насекомых. Жрица заставляла жертву есть и пить, чтобы ее смерть была долгой. Напротив лица несчастной она устанавливала зеркало, чтобы та могла быть свидетельницей медленного и болезненного разложения ее красивого лица. Считается, что этот ужасный обряд, измененный и приукрашенный в ходе столетий, лег в основу легенды о Белоснежке. Некоторые сатанинские секты по-прежнему прибегают к этому обряду, чтобы наказать тех, кто оспаривает превосходство их великой жрицы».

Холмс закрыл книгу, положил ее обратно в книжный шкаф и взял большой трактат о геральдике, в котором были собраны все гербы Англии.

– Лев, змея... Это герб семьи Вилер.

Он опустил в кресло, соединил кончики пальцев и сжал челюсти, сосредоточившись и погрузившись в размышления.

Прошел час, ни единого слова не было сказано. Я в десятый раз принимался читать предисловие к новому роману, так и не поняв, о чем речь. Меня неотступно преследовало видение того изъеденного гнойного лица и не позволяло думать ни о чем другом.

Настенные часы пробили половину первого. Давно наступила ночь. Я чувствовал, как меня начала бить лихорадка. Я до последнего боролся со сном, зная, что страшные кошмары будут мучить меня до рассвета.

Мой друг взял свой личный блокнот и написал:

«Дело № 10. Убийство леди Вилер. Обвинение ее мужа»

И он направился в свою комнату, бормоча себе под нос:

– Все сходится. Это даже слишком просто.

На следующее утро Холмс отправился к Лестрейду. Я не мог пойти с ним, поскольку у меня опять начался жар. Лечение, прописанное моим другом Лондоном Кайлом, не принесло желанного результата.

Весь день я бесцельно бродил по квартире, переходил с постели на кресло, с кресла к окну, от окна к постели. Мой лоб горел. Сильная дрожь время от времени пробирала мое тело. Я был не способен сосредоточиться ни на каком действии. Вопросы разрывали мою голову, и мрачные образы вставали передо мной, стоило закрыть глаза.

Еще не пробило и пяти вечера, а уже наступила ночь. В сотый раз за день я выглянул в окно. Черный дым, поднимавшийся из тысячи труб, окутывал столицу. Улица была почти пустыня. Здания выглядели тревожно, завернутые в грязную вату тумана, как в кокон страха. Несколько безликих теней шли по тротуару, вжав голову в плечи.

Внезапно я услышал знакомые шаги. Холмс распахнул дверь гостиной. Он повесил промокшее пальто на вешалку и протянул ладони к камину.

- Я виделся с Лестрейдом.
- Он был недоволен моим отсутствием?
- Думаю, он его даже не заметил.
- Он допросил вас?

Таинственная улыбка заиграла на губах моего друга.

- Он пытался. Но у него не хватило таланта для такой игры. На самом деле это я кое-что у него выведал.

Холмс поднял полы сюртука и повернулся спиной к огню.

- Полиция выслеживала леди Вилер вследствие заявления о ее исчезновении.
- Как Лестрейду удалось найти ее? Может, это Хиггинс и его команда рассказали ему о ее местонахождении?
- Нет. Наш друг получил анонимное письмо, в котором сообщалось о нечистых поступках лорда Вилера. Там говорилось, что лорд Вилер имеет страстную связь с молодой танцовщицей, некоей Лулу Гранд-Буш. Леди Вилер узнала об этом и заплатила преступникам, чтобы те обезобразили молодую женщину серной кислотой. Лулу удалось убежать от захватчиков и остаться в живых. Она немедленно рассказала лорду Вилеру о случившемся. Вне себя от ярости, он решил собственноручно наказать жену, подвергнув ее еще более чудовищной пытке. В письме указывалось точное место преступления.

- Кто мог написать это письмо?

Холмс распрямился и быстро отошел от камина. Запахло подгоревшим бельем.

- Откуда же мне знать, Ватсон? Анонимные письма редко бывают с подписью. Зато почерк показался мне хаотичным, странным, сложным...
- Вы хотите сказать, что это дело рук сумасшедшего?
- Нет. Я лишь попытался проанализировать основные приметы этого почерка. Форма букв постоянно менялась, будто этот небольшой текст был составлен несколькими людьми разного пола и возраста.
- В любом случае кто-то узнал о похождениях лорда Вилера и сообщил о них. Нужно узнать кто! Не собираетесь ли вы допросить самого лорда Вилера?

Холмс размахивал руками за спиной и держался на приличном расстоянии от камина.

- Это как раз то, что я собираюсь сделать, но Лестрейд категорически не согласился с этим. Он пообещал, что у меня прибавится проблем, если я всерьез займусь этим делом. Он рассматривает меня как возможного подозреваемого, и вас тоже.

– Это абсурд.

– Разумеется, но он ничего не смог придумать лучше, чтобы держать нас подальше от этого дела. Вам ведь знакомы методы Лестрейда. Он обращается ко мне за помощью, когда ему нужно. В остальное время он держит меня на расстоянии, чтобы я не бросил на него тень.

– А тем временем мы опять зашли в тупик.

– Все же мне удалось понять две или три вещи. Герб, который мы видели в подвале, действительно является гербом семьи Вилер. Лестрейд и его люди прочесали весь подвал и обнаружили много личных вещей лорда Вилера. Его арестовали, отправили в тюрьму и до сих пор допрашивают.

– Он признался?

– Нет. Он клянется в своей невиновности. Он утверждает, что у него никогда не было любовницы и что он безумно любил жену. Говорит, что это заговор и махинации, в точности так же, как доктор Пикокс.

– Вы сказали, что над зеркалом обнаружили перевернутый крест?

– Да. Но Лестрейд не отступит от своей теории. Синдром Булбала.

– Все это смешно. Кроме того, мы снова столкнулись с проблемой анахронизма. Каким образом рисунок, написанный несколько лет назад, может настолько точно во всех деталях воспроизвести только что совершенное преступление? Что говорит Лестрейд по этому поводу?

– Он проанализировал эти рисунки. Он утверждает, что они не имеют ни малейшего отношения к преступлениям. Его объяснение очень простое. Откройте любую иллюстрированную книгу фантастики, в которой речь идет о преступлениях, совершенных в Лондоне: немного воображения – и вы всегда найдете в них связь с нашими преступлениями. Он продемонстрировал это, показав мне сборник новелл прошлого века. Парень не так уж сильно ошибается. Но я не верю в совпадения, Ватсон. В этих преступлениях есть что-то...

– Дьявольское.

Холмс не ответил. Он повернулся к камину, взял коробку со шприцами и исчез в своей комнате – таким способом он прекратил разговор, который для него был, вероятно, не чем иным, как монологом.

Глухой гул раздался в ночи. Понемногу он приближался и становился все сильнее. Это было похоже на звон колокола, торжественный и монотонный. Он шел отовсюду и ниоткуда. Он был уже совсем рядом. Не один колокол, а десятки больших колоколов отбивали мрачную мелодию. Как будто набат возвещал о какой-то катастрофе.

Внезапно гул прервался гигантскими взрывами.

Однако я знал, что это всего лишь сон. Жар рождал в моем уставшем разуме самые сумасшедшие галлюцинации. Но как выйти из этого кошмара? Как проснуться? Я хотел позвать на помощь, но так и не проснулся и испытал безжалостный приступ страха. Страх, который сковывает все тело и ледяными иглами впивается в череп.

Гул стал невыносимым. Теперь самые ужасные звуки присоединились к скорбным призывам набата. Стены с треском обрушились, будто наступил конец света. Люди кричали, звали на помощь. Дьявольский скрип и скрежет прорезали мрак. Охваченные паникой, бедняги бежали со всех ног. Некоторые падали на землю и больше не могли подняться. Другие тянули руки к небесам, взывая о божественном милосердии. Тела хаотично извивались.

Гул дошел до высшей точки. Я боялся, что мои барабанные перепонки лопнут. Смерть в сравнении с этим адом показалась бы избавлением.

Как убежать от этого кошмара?

Внезапно я открыл глаза. Какой-то человек стоял у окна моей комнаты и смотрел на хаос, изумленный и испуганный. Мне потребовалось несколько секунд, чтобы понять, что этот человек – я.

Мой сон прекратился.

Я окончательно проснулся, дрожа от холода и страха, прижавшись носом к оконному стеклу, не понимая, что происходит.

Улицу объял опустошительный хаос. Старые газеты, мусор, сделанные наспех из чего попало убежища и люди, перепачканные грязью и кровью, были движимы невидимой силой. Огромный лист металла поднялся в воздух и упал с оглушительным грохотом. Черепица, вырванные с корнем деревья, обломки камней, куски крыш и построек, ударяясь о фасады домов, увлекали за собой все, что попадалось на пути. Прямо надо мной когти молнии пронзили апокалипсическое небо.

Внезапно моя дверь с грохотом открылась.

Появился Холмс в ночной рубашке и потянул меня за рукав.

– Ватсон! Вы с ума сошли! Отойдите.

– Что происходит?

– Буря, похоже, собирается разрушить наш город. Того и гляди, стекла разлетятся на куски. Помогите мне загородить окна.

Холмс уперся спиной в единственный шкаф в моей комнате, и ему удалось пододвинуть шкаф к окну. Ножки мебели заскрежетали по паркету, однако этот звук не смог заглушить истерического воя ветра.

Довольно скоро все окна квартиры и первого этажа были загорожены. Мы оказались запертыми, молясь, чтобы опасность прошла мимо.

Наступила мертвая тишина. Не было слышно ни малейшего звука. И эта внезапная непроницаемая тишина казалась еще более жуткой, чем шум разнузданной стихии.

Мало-помалу мы поняли, что опасность миновала, и принялись наводить порядок в квартире. Ни одно окно не пострадало.

– Нам крепко повезло, – заключил Холмс, – мы оказались с подветренной стороны. Боюсь даже представить себе состояние квартиры и мебели, если бы ураган двигался на нас.

Было уже утро. День пробивался медленно, будто не решаясь осветить то, что случилось.

Пошел дождь. Конечно, не в первый раз в Лондоне шел дождь, но тогда это был ливень. Потоки грязной ледяной воды стекали по разгромленным фасадам домов и сбегали по покатым улицам. Через несколько дней город превратился в огромную лужу вязкой грязи.

Благодаря прессе мы узнали подробности этой ночи. Буря неслыханной силы обрушилась на столицу, нанеся неисчислимые убытки как в человеческом, так и в материальном плане. Бесчисленные дымовые трубы, сорвавшись с крыш, похоронили под собой десятки людей. Сточные желоба отлетали, как обычные листочки с деревьев. Балконы рухнули. Сотни домов расшатались так, будто пережили землетрясение.

Знаменитый памятник Шекспиру, который находился в центре Лондонского моста, опрокинулся в Темзу под неслыханным давлением ветра и пробил слой льда. За несколько минут десятки торговцев со своими прилавками оказались в черном ледяном потоке реки.

Одним из непредвиденных последствий бури стало то, что все городские колокола, подвергшиеся яростной атаке стихии, зазвонили одновременно. Говорили, что гигантский набат возвестил о бедствии, обрушившемся на Лондон. Вестминстерский колокол дал трещину, так сильно по нему ударил молоток. Вот почему возник тот невероятный гул, который я слышал сквозь грохот бури.

Наступило то, чего опасался Корнелиус Хазелвуд. Населением овладел всеобщий психоз, подогретый прессой. Как было не связать это небесное предостережение с отвратительными преступлениями, сценой для которых стал этот город?

Самые безумные догадки рождались из-под вдохновенного пера «хорошо информированных» журналистов. Из «надежного источника» стало известно, что бегство из Миллбэнк было своего рода посланием дьявола, сошедшего на землю, чтобы провозгласить царство мрака.

Многие главы религиозных общин выдвинули идею, что Лондон сам виноват в обрушившейся на него катастрофе, а убийства – неизбежные следствия современной жизни, приведшей город к распаду. Лондон был болен своей гнусностью и заразил ею жителей. Какая-то первобытная сила, возникшая из глубин небытия, распространилась по городу и может вскоре заполнить всю страну, как эпидемия. Злой дух вырвался на свободу.

В газете «Полл Молл» журналист сравнил Лондон с минотавром, требующим налога на человеческие души. «Аппетит минотавра ненасытен, – писал он. – Лондон – это сорвавшееся с цепи языческое чудовище».

На углу улиц одержимые предсказатели возбуждали охваченную паникой публику. Специалисты по апокалипсису и небесным знакам соревновались в воображении, предсказывая самые мерзкие явления. Они в один голос утверждали, что эти смерти не что иное, как открытое проявление ада, дело рук самого дьявола.

Как и полагается, фанатики конца света угрожали призраком Страшного Суда.

Перед признанной неспособностью полиции самые прагматичные люди решили действовать. Стали появляться целые армии, движимые сомнительной идеологией. Они организовывали облавы, отдававшие затхлым душком охоты на ведьм.

Старую женщину толпа линчевала под предлогом, что ее зловонное дыхание было дыханием самого дьявола. Полиция использовала все методы, чтобы доказать поборникам справедливости, что проблемы несчастной происходили из-за пищеварения, отягченного чрезмерным потреблением джина и сырого лука, но все было напрасно.

Могущественные группы давления, такие как Общество соблюдения дня Господня, снова появились на сцене. Они установили спартанскую строгость в течение дня Господня. Настоящий всеобщий паралич охватывал страну каждое воскресенье. Впечатление набожной отрешенности и мрачного смирения было повсеместным. Места отдыха и развлечений уставшей публики были закрыты и забаррикадированы. Любое светское развлечение или любая активность, кроме религиозной, в день Господень с тех пор считались грехом, и даже правонарушением. Лондон стал похож на мертвый город, на гигантское парализованное тело, населенное объятами страхом призраками.

Будто признавая правоту Хазелвуда, появились новые секты, подобно грибам на осенней земле. Лжепророки – они же признанные мошенники – за деньги обещали искупление тем, кто примкнет к их движению. Простой народ, разрываемый сомнениями и страхом, уже не знал, к кому примкнуть, чтобы получить искупление. Единственное, в чем он тогда был уверен, так это в том, что нужно срочно искупить грехи.

Внезапно народная молва, тотчас подхваченная прессой и возведенная в сенсацию, распространила сообщение о чуде.

Мы узнали о нем из весьма серьезного издания, газеты «Таймс», одновременно со всей страной. Мой друг прочитал статью вслух:

«Чудо свершилось около недели назад в маленькой, наполовину заброшенной часовне, расположенной на Пернторн-стрит, 34. Статуя, именуемая Лукулюсской Девой, плакала кровавыми слезами. Кровь также сочилась из ее ног, рук и других мест на теле. Свидетели, достойные доверия, видели, как кровь собралась у подножия статуи, и благоговейно собрали ее в сосуд. Этот невероятный феномен вызвал интерес медиков и химиков. Вот точный анализ: кровь оказалась человеческой. В настоящий момент научное общество никак не объясняет этот очень редкий феномен. Что касается верующих, то они не удивлены. Подобные явления уже происходили. В данном случае речь идет о Божьем послании, указывающем каждому путь духовного искупления через покаяние и умерщвление плоти. Верующие наблюдали за статуей день и ночь. Они утверждают, что она несколько раз вздыхала и стонала.

Это необычная статуя, она представляет Святую Деву на закате ее жизни, у нее осунувшееся, изможденное потерями и страданиями лицо. У ее ног находится херувим, его лицо наполнено надеждой и жизнью, символизирующими будущее и возрождение. Его сияющее лицо, дышащее уверенностью, повернуто к Святой Деве. Маленькие пухлые ручки так и хотят приласкать Деву. Выражение глаз ребенка красноречиво свидетельствует о благоговении и любви. В правой вытянутой руке он держит распятие, направленное в сторону, будто призывая к молитве того, кто будет рассматривать творение.

Со времени появления чуда перед статуей каждый день выстраиваются бесконечные очереди. Люди стелются со всех сторон и зачастую приходят издалека, чтобы посмотреть на чудо, убежденные в том, что статуя способна отпустить им грехи и освободить от зла. За несколько дней часовня стала местом настоящего паломничества. В это время страха и конца ожиданий люди возлагают на нее все надежды. Она дает выход неудовлетворенной духовности.

Как бы то ни было, в час, когда мы составляем этот текст, статуя больше не кровоточит, не стонет и не проявляет никаких знаков свыше. Она источает пленительный запах смерти. У ее подножия в маленьком сосуде всего несколько капель запекшейся крови. Дева Лукулюсская, кажется, выдала не все свои секреты».

Холмс бросил газету на стол, вскочил с кресла и поспешил к книге Хазелвуда. Он яростно принялся листать ее, открыл и положил ладонь на страницу.

– Дева Лукулюсская!

Глухим ударом он захлопнул книгу. Я едва успел надеть пальто и следом за ним сбежать по лестнице.

– Я пойду с вами!

– В вашем-то состоянии? Вам лучше остаться.

На улице Холмс властным движением остановил экипаж.

– Пернторн-стрит, 34, и как можно скорее!

Наша упряжка рванулась с места после сухого удара хлыста и быстрым аллюром поспешила сквозь густой и липкий туман.

– Что вы нашли в книге, Холмс?

Взгляд моего друга заставил меня содрогнуться.

– Деву Лукулюсскую, во всем ее ужасе. Больше я его ни о чем не спрашивал. Впрочем, я не был уверен в том, что хочу услышать его объяснения.

Мы подъехали к часовне. Толпы, о которой столько написала газета, не было видно. Лишь несколько зевак слонялись в тишине вокруг часовни. Казалось, они ждали кого-то или чего-то. На их лицах было написано сильное беспокойство. Полицейский с пронзительным взглядом, скрестив руки на груди, преграждал вход в строение. Внезапно из-за его спины появился нервный человек невысокого роста. Он прижимал к лицу носовой платок. Заметив нас, он направился в нашу сторону.

– Холмс, Ватсон! Что вы здесь делаете?

Он убрал платок и встряхнулся, будто стараясь прогнать миазмы. Мы тотчас же узнали знакомое крысиное лицо Лестрейда. Не дожидаясь нашего ответа, он продолжил:

– Какая невыносимая вонь! Статуя пахнет смертью. Хазелвуд пытается раскрыть эту тайну. Мы вывели всех из часовни.

Мой друг, казалось, не был удивлен тем, что Лестрейд опередил нас. Он сделал шаг в его сторону.

– Дайте мне войти, и я решу вашу загадку, как...

Холмс сделал загадочный жест, будто просил трактирщика наполнить ему стакан. Лестрейд пожал плечами.

– Если вам так угодно. Но предупреждаю вас, официально я отвечаю за расследование.

– Я знаю. – Холмс отодвинул полицейского.

Мы вошли в часовню. Сине-зеленый свет проникал сквозь витражи, создавая болезненную атмосферу. Запах был невыносимым.

Мы увидели Хазелвуда. На нем была плотная маска, какие носят судебно-медицинские эксперты, и он простукивал статую длинным металлическим штырем, будто надеясь вызвать человеческую реакцию. Он знаком пригласил нас подойти. Его лицо покраснелось, крупные капли пота стекали по его высокому лбу и вискам. Он достал платок, вытер пот и сказал приглушенным голосом:

– Нужно спешить, Холмс. Тысячи людей приходили сюда, чтобы приложиться к этому камню. Есть риск распространения тифа или чумы. Уже час я безуспешно ее прослушиваю и борюсь с тошнотой. Думаю, ее следует разбить.

Я зажал нос и старался не дышать, чтобы не чувствовать этого отвратительного запаха. Холмс достал лупу и сконцентрировал свое внимание на смешном карлике, который ухмылялся у ног Девы.

– В этом нет необходимости.

Он напряг мускулы и повернул вокруг оси запястье херувима. Распятие, которое держал ребенок, перевернулось. Послышался сухой треск, похожий на тиканье часов. Мы инстинктивно отступили на шаг назад.

Хазелвуд перекрестился.

– Бог мой. Как на рисунке.

Отверстие шириной в сантиметр разделило статую надвое со стороны спины. Холмс с усилием воткнул туда штырь Хазелвуда. После долгого жалобного скрежета статуя раскололась на две половины. Мы стояли, окаменев перед неслыханным ужасом, открывшимся нашему взору. Внутренность статуи была испещрена остриями, на которые было надето начавшее разлагаться тело женщины. Тело вдруг освободилось от своих смертельных объятий и рухнуло на пол часовни.

Внезапно позади нас раздался сдавленный крик. Звук шел из исповедальни, наполовину погруженной во мрак. Холмс развернулся и направил оружие в альков.

– Выходите! Руки за голову!

Подняв руки, человек вышел: Гарри Гудини!

– Я... я просто хотел посмотреть, что здесь происходит, – пробормотал он.

– С какой целью? – резко спросил Холмс.

– Вам это хорошо известно. Я ищу вдохновения в реальности, чтобы придумывать новые номера. Я вам уже объяснял мой метод.

– Зачем вы прячетесь?

– У меня не было выбора. Полиция велела всем покинуть часовню. А в этой исповедальне мне удалось остаться незамеченным.

Волшебник казался вполне спокойным, он не чувствовал за собой никакой вины.

У меня возник вопрос: как этому дьяволу удалось усыпить бдительность Холмса?

Я предвидел ужасный финал. А что, если мой друг старался с самого начала расследования найти ложь, предоставив полную свободу настоящему Гудини?

Головы прохожих нагнулись еще ниже. Весь город был объят мрачным смирением. Мы жили во времена страха и конца всех надежд. День за днем Лондон терял последние иллюзии.

Гудини продолжал показывать трюки и собирал каждый вечер полный зал Театра Ее Высочества. Пять парней, нанятых Холмсом, как тени, следовали за волшебником и днем и ночью, по крайней мере, Холмс так считал.

Этот человек казался крайне заинтересованным в криминальных буднях страны, но на тот момент не было ничего, что позволило бы обвинить его в чем бы то ни было.

Партизаны Бейкер-стрит неотступно следили за логовом Джека-Попрошайки, ожидая его возвращения, в которое уже почти никто не верил. Бродяга будто растворился в кислой лондонской атмосфере.

Марка Дьюэна также не удавалось найти, несмотря на вознаграждение, объявленное полицией.

Что касается Холмса, то он с того времени целые дни проводил в компании Кроули. С каждым днем он приходил домой все позже, с затуманенным взором и нетвердыми движениями. Если он оставался дома, то погружался в лихорадочную работу, сортируя и перебирая свою огромную картотеку, пытаясь отыскать в прошлом объяснение сегодняшним преступлениям.

Что до меня, то я конца не видел этому странному жару, изматывающему меня и морально, и физически. Несмотря на долгую медицинскую практику и многочисленные трактаты, находившиеся в моем распоряжении, я никак не мог определить причину моего недомогания. Я проконсультировался со многими коллегами, и они прописали мне лекарства настолько же разнообразные, как и бесполезные.

Для одних я был жертвой редкой формы болотной лихорадки, подхваченной во время моего пребывания в Афганистане, которая внезапно проснулась после нескольких лет инкубационного периода. Другие считали, что мое нынешнее состояние – прямое следствие моей прошлой работы. Должно быть, я заразился многочисленными болезнями Ист-Энда, которые когда-то лечил. Моя болезнь походила на коварное сочетание болезней, которому нельзя дать однозначное имя. Наконец, третьи полагали, что я страдаю от последствий невероятно жестокой зимы, усугубленной застойным покровом тумана, дыма и тошнотворными испарениями, наполнявшими Лондон. Они обещали, что все это пройдет с приходом весны, если только я ненадолго уеду в деревню.

Друзья советовали мне на время прекратить сотрудничество с Холмсом и отложить на время редактирование его приключений. Но об этом не могло быть и речи. Больше чем кому-либо мне необходимо было понять и описать эти преступления, которые очень сильно касались нас по причине личной вовлеченности моего друга.

Подкрепленный этой мыслью, я решил переписать текст Хазелвуда, относящийся к Деве Лукуллосской.

«Первые христиане систематически преследовались и убивались в Риме. В противоположность тому, что нам известно из достоверных источников, римляне страшно насмехались над христианской религией. Они видели в ней опасную „теневую власть“, способную объединить сотни и тысячи душ против империи. Вот почему они преследовали христиан и высмеивали их верования. Их жестокость по отношению к христианам не знала границ. Апофеоза циничности и болезненности преследования достигли во время правления императора Лукуллоса. Этот император специализировался на технике медленной смерти. В древних текстах сообщается, что Лукуллос приказал слепить варварскую статую, представляющую Деву Марию с заурядным, потрепанным лицом. Такая Дева Мария больше походила на старую куртизанку, нежели на святую. Одутловатый херувим с манерами Вакха находился у ее ног и смотрел на нее с выражением похотливости и развращенности. Статуя была полая и состояла из двух частей, незаметно соединенных. Внутренность была наполнена металлическими пиками, смазанными ядом. Статуя открывалась и закрывалась при помощи механизма, о котором нам ничего не известно. Тексты уточняют только, что Лукуллос поднимал правую руку и направлял большой палец руки к земле, приказывая начать пытку. Жертву помещали внутрь статуи, и в течение долгих часов она пребывала в агонии, проткнутая сотнями ядовитых иголок. Кровь несчастной протекала сквозь крошечные отверстия и собиралась в чашу у ног статуи. Другие христиане обязаны были выпить эту кровь, будто пародируя христианскую церемонию и символизируя победу язычества над христианством».

– Кстати, Холмс, как вам удалось обнаружить механизм, открывающий статую?

Холмс оторвался от своих карточек и направил на меня неподвижный взгляд.

– Вы обратили внимание на лицо этого ужасного гнома, сидящего у ног так называемой Девы?

– Да. Я подумал, что оно слишком уж распухшее для лица ребенка. Он показался мне старым и слишком уж толстым. Как Вакх, думаю.

– Это не Вакх, а сам Лукуллос. Я проверил это по книге «Трактат об истории античности». В тексте Хазелвуда говорится: «Лукуллос поднимал правую руку и поворачивал большой палец руки по направлению к земле...» Так я и сделал. Механизм работал плохо, но все же статуя открылась.

После объяснений Холмса все казалось до смешного простым.

– А тело этой несчастной уже опознали?

Холмс долго пристально смотрел на потолок, прежде чем ответить. После этого его мысли вернулись ко мне.

– Да. Хазелвуд провел розыск. Полиция зарегистрировала исчезновение молодой женщины за несколько дней до нашей ужасной находки. Мерзкое преступление.

Я взял чистый лист бумаги и окунул перо в чернильницу.

– Неужели действительно необходимо все это записывать, Ватсон?

– Я всего лишь выполняю свою работу биографа, Холмс. Каждая деталь может иметь огромное значение. Не следует ничем пренебрегать. Вы сами повторяли это сотни раз.

– Ну хорошо, раз уж вы хотите все знать...

Мой друг рассказал эту историю во всех подробностях. Мои пальцы судорожно впились в перо, и я не мог написать первое слово, настолько эта история была омерзительной. Я не мог найти силы, чтобы описать такую гнусность. Как он, Малколм Фэллоу, достойный и знаменитый человек науки, мог решиться на такую крайность? Как он мог подвергнуть подобным моральным и физическим унижениям невинное незащищенное создание, свою падчерицу? Мои глаза наполнились слезами ярости и отвращения.

Холмс стоял передо мной. Он положил руку мне на плечо.

– Я предупреждал вас, Ватсон. Я сам был потрясен, когда узнал правду. Сейчас вы понимаете, почему я отговаривал вас записывать все это. Если вашим читателям захочется узнать подробности, они могут обратиться к архивам Скотланд-Ярда. Что до меня, то я ничего не забываю, с вашей хроникой или без нее.

Впервые я был согласен с Лестрейдом. Он прав, что заключил в тюрьму истязателя этого несчастного ребенка.

Холмс принялся ходить взад и вперед по комнате, опустив голову и заложив руки за спину.

– Однако преступник отрицал все до последнего момента, Ватсон. Он плакал и клялся, что ничего не понимает. Он умолял жену поверить ему, валялся у нее в ногах, заклинал ее. Патетичное и жалкое зрелище. И знаете, что она сделала?

Я повернул большой палец вниз, как Лукуллос, и приказал немедленно убить эту ничтожную аморальную тварь.

– Она плюнула ему в лицо, Ватсон. Этот поступок говорит о многом, учитывая ее положение.

Сказать по правде, я счел эту реакцию слишком мягкой, учитывая жестокость преступления.

– Бесполезно искать смягчающие обстоятельства, Холмс, слишком много доказательств.

Мой друг посерьезнел.

– Действительно, Ватсон, слишком уж много доказательств.

Он открыл свой блокнот и записал: *«Дело № 11. Смерть Агаты Эдвардс, падчерицы*

Малколма Фэллоу. Последний заключен в тюрьму».

Холмс толкнул дверь ногой и вошел, тяжело дыша, в гостиную, нагруженный пыльными колдовскими книгами. За ним следовал молодой лакей, согнувшийся под тяжестью двух огромных мешков, также наполненных книгами.

– Положите это на мой стол! – приказал мой друг.

Лакей некоторое время пребывал в нерешительности. Стол был завален десятками газет, карточек и журналов. Молодой человек все же сумел соорудить непрочную конструкцию на таком ненадежном основании. Он вытер лоб ладонью и вышел из комнаты, бросив беспокойный взгляд на свое творение.

Холмс потер руки.

– Кроули сообщил мне о результатах своих поисков. Могу я рассчитывать на вашу помощь, Ватсон?

Впервые Холмс попросил моей помощи. Внутренне я возликовал. Более того, в этом я увидел неожиданный повод развеять скуку.

– Разумеется, Холмс. Чем могу быть полезен?

Мой друг указал на стопку книг.

– Кроули убежден, что в какой-то степени разгадка всех преступлений кроется на этих страницах.

– О чем все эти сочинения?

– О древних сектантских обрядах.

– Как и книга Хазелвуда?

– Да, но, по мнению Кроули, эти документы намного более надежные. В худшем случае в них рассказывается то же самое, что и в книге Хазелвуда, в лучшем – мы сможем узнать что-то новое.

– Как вы намерены действовать?

Холмс протянул мне одну из книг.

– Кроули облегчил нам работу. В каждой книге заложены десятки страниц, на которых описываются обряды, которые могли вдохновить нашего убийцу. Мы попытаемся сопоставить их с убийствами и привести к общему знаменателю.

Спустя час у меня была готова карточка, названная ужасным именем «Ритуал отрубленных рук». В ней сообщалось о том, что взрослым женщинам в Египте отсекали руки, так же, как вора́м на Востоке. А в Афинах отрубали руки самоубийцам, чтобы похоронить их отдельно. Этот обряд практиковался и в средневековой Англии. Но какая связь между всем этим и убийством маленькой Мэри Кинсли?

Я принялся за составление следующей карточки «Пытка медом», когда Холмс заставил меня вздрогнуть.

– Послушайте это, Ватсон! Король Альберт III велел похоронить заживо пятерых детей, под предлогом, что обеспечит им вечную жизнь.

– Здесь есть связь с пятью сиротами аббата Мередита?

– Не знаю, Ватсон. По крайней мере, это доказывает одну вещь.

– Какую же?

– Что человеческое безумие родилось не вчера.

Мои исследования позволили узнать, между прочим, что некий сэр Файел заставил свою жену, Габриеллу де Вержи, съесть сердце ее любовника, поэта Рауля де Куси. Обнаружив, какое ужасное блюдо она только что съела, несчастная решила умереть с голоду. Также я узнал, что

в Индии выкапывали и съедали сердца умерших, которым приписывали волшебную силу. Следовало ли в этих обрядах увидеть силу, побудившую нашего банкира-людоеда совершить преступление, съев свою супругу?

Другие ритуалы по размаху и жестокости были еще более ужасны. Например, по случаю освящения Великой пирамиды Солнца в Теночтитлане в жертву были принесены двадцать тысяч человек. С жертв, приносимых богу Ксипу, сдирали кожу, и его почитатели надевали эту кожу во время праздников. То же самое племя приносило в жертву богине плодородия женщин и девушек, которых перед эти обезглавливали.

Ознакомился я и с некоторыми «медицинскими» обрядами древности. Тираны нескольких варварских стран, заболев проказой, должны были для исцеления искупаться в крови своих подданных. Другие же пили кровь побежденных врагов, чтобы прибавить себе силы.

Эти милые обычаи прошли сквозь время, приняв иную форму. Не живем ли мы в эру резни и геноцида, совершаемых во имя какого-нибудь пророка нечестивой веры?

Наша работа продолжалась несколько часов. В конце Холмс прочел каждую карточку. На лице его читалось разочарование.

– Каков ваш вывод, Холмс?

– Одно из двух: или Кроули смеется над нами, или разгадка кроется в другом месте.

В дверь постучали.

Мэтр Олборн прервал чтение и поднял голову.

– Войдите!

Дворецкий в безукоризненной ливрее вошел в кабинет, за ним следовал старый лакей с седеющими волосами.

– Обед, господа.

– Уже?

Четыре пары глаз уставились на настенные часы: девять вечера!

Прошло почти десять часов с тех пор, как мэтр Олборн начал чтение. Он читал восторженно, захваченный этим увлекательным романом. Все жадно ловили каждое его слово, включая меня, поскольку за прошедшие годы я забыл множество деталей этой истории. Один лишь Лестрейд изредка демонстрировал раздражение.

Артрит овладел моим правым коленом. Опираясь на трость, я поднялся. Самое время немного походить, чтобы восстановить кровообращение.

Язвительная улыбка заиграла на губах Лестрейда.

– Теперь я понимаю, почему Шерлок Холмс противился публикации этой повести. Ее появление имело бы страшные последствия для его карьеры.

Я не собирался еще раз выслушивать критику полицейского.

– Я убедился, Лестрейд, что вы так ничего и не поняли. Шерлок Холмс никогда не противился публикации. Он просто желал иметь ее в своем распоряжении, чтобы вносить дополнения.

– Было бы интересно ознакомиться с ними, этими знаменитыми дополнениями!

– Уверяю вас, мы до них дойдем.

– А пока эта повесть по-прежнему бессвязна. Впрочем, я спрашиваю себя: найдется ли настолько неразумный издатель, который согласится опубликовать ее?

– Это же очевидно, что в такой форме текст не найдет покупателей.

– Так вы признаете, что я прав.

– А особенно я признаю, что вы ничего не понимаете в издательском мире. То, что зачитал мэтр Олборн, – всего лишь череда впечатлений, записанных на скорую руку. Это больше похоже на личный дневник, чем на повесть, готовую к публикации.

Нотариус повернулся к Лестрейду.

– Я считаю, что это сочинение прекрасно передает те события. Вам не следует занижать качество работы, проделанной доктором Ватсоном.

– Спасибо, мэтр, – продолжал я, – но я в курсе своих возможностей. Из опыта я знаю, что мой друг Джордж Ньюнс, директор журнала «Стрэнд», попросил бы меня внести некоторые поправки, чтобы оставить рукопись в редакции.

Облако пробежало по лбу мэтра Олборна.

– Вы бы согласились изменить ваше сочинение?

– Лишь в том, что касается формы. Я бы, вне сомнения, сократил некоторые отрывки и переписал несколько сцен, чтобы не шокировать слишком чувствительных читателей.

Лестрейд возобновил попытку.

– На месте Джорджа Ньюнса я бы попросту отказался от этой бессвязной истории.

– К великому счастью, вы всего лишь Лестрейд. И я держу пари, что вы не найдете ни малейшего несоответствия в этом сочинении.

– Однако недостаток рассказа не только в этом. Это так называемое физическое раздвоение, окончившееся смертью Розы Кроули, слишком гротескно и вне сюжетной линии. Впрочем, мне кажется, что вы сами, доктор Ватсон, не слишком верите в подобные опыты.

– Разумеется, но все это вписывалось в ход нашего расследования. Всегда проще критиковать, когда дело уже сделано.

– Признаю. Но и это еще не все. В предыдущих главах вы представили профессора Корнелиуса Хазелвуда как главного соперника вашего друга. А потом Хазелвуд и Шерлок Холмс работают вместе как закадычные друзья. А вы говорите, что в тексте нет несоответствий.

– Ваша память настолько избирательна, что граничит с амнезией, мой бедный друг. Посмею напомнить вам, что именно Хазелвуд, признав свою вину, попросил помощи Шерлока Холмса. Впрочем, дело Хазелвуда еще далеко не завершено. Слишком уж он вовлечен в эти истории.

Полицейский пожал плечами.

– Ну а что тогда думать о разборе сочинений Кроули? От него мы узнаем, что королева Отригильда, или что-то в этом роде, велела закопать себя вместе с двумя своими врачами. Какая связь, даже самая отдаленная, может быть у этого с нашими преступлениями?

– Мы искали, мы задавали себе вопросы. Возможно, в тот или иной момент мы шли по ложному следу, но, по крайней мере, у нас хватило храбрости вести расследование. Чего нельзя сказать о вас.

– У меня не было на это времени. Поймав виновного, я сразу передаю его в руки правосудия. И мне вовсе неинтересно, совершил он преступление под влиянием плохих книг или нет.

Пока мы спорили подобным образом, дворецкий и старый лакей накрыли на стол.

Майкрофт Холмс радостно потер руки в предвкушении пиршества, которое нас ожидало. Медведь поднял с кресла свое тучное тело.

– А не продолжить ли нам эту занимательную дискуссию за столом?

Что касается меня, то я почти не испытывал голода и с радостью избежал бы очередной гастрономической паузы. Мне не терпелось завершить чтение. Продолжение этой истории заключало в себе самые мучительные события моей жизни, и я знал, что воспоминание о них, даже спустя столько лет, не оставит меня равнодушным.

Вдруг старый лакей с седеющими волосами поставил передо мной тарелку под колпаком. Я из любопытства поднял крышку.

– Фаршированные перепела!

Я поднял другую крышку.

– Савойский пирог!

Итак, передо мной оказались те самые блюда, перед которыми я не мог устоять.

Лакей, судя по всему, неверно истолковал мою реакцию. Он нагнулся ко мне и прошептал мне на ухо, будто извиняясь:

– Разумеется, фаршированные перепела и савойский пирог не идеальное меню на вечер, но таков приказ, доктор Ватсон...

– Да лучшего и придумать нельзя, – ответил я. Обед проходил как обычно. Это значит, что Лестрейд сердился на все подряд и бранился, мэтр Олборн и Майкрофт Холмс обменялись несколькими банальностями, не касающимися преступлений, а я наелся от живота. Эти ниспосланные провидением блюда добавили мне оптимизма, необходимого для того, чтобы дослушать повесть до конца. А Лестрейд мог теперь говорить что угодно.

Еда заняла у нас меньше получаса. Долше никому не хотелось оставаться за столом. Мы по очереди посетили туалет, раз уж условились, что завещание этого не запрещало.

Нотариус первым занял свое место за письменным столом. За его спиной в камине потрескивал огонь, оживленный стараниями дворецкого. Бледные отблески луны проникали сквозь занавески, напоминая нам, что давно наступила ночь.

Мэтр Олборн снова надел пенсне, прокашлялся и начал чтение.

Холмс вел патетическую борьбу против глухой администрации, лишенной всего человеческого. Много раз он пытался выступать в суде в пользу подозреваемого, но его слова не были услышаны. Правительство хотело быстрого суда и образцовых мер наказания, чтобы успокоить население. Процессы были быстрыми, а казнь поспешной.

Бессильные и отчаявшиеся, мы присутствовали при двойном убийстве. К резне, устроенной убийцей, прибавилась резня, спрограммированная судебной машиной. У моего друга на этот счет не было никаких сомнений: многие подозреваемые были наказаны за преступления, которых не совершали. Самые удачливые гнили в жутких тюрьмах в ожидании процесса.

Я не мог избавиться от черных мыслей. Убийства неотступно преследовали меня. Не могу сказать почему, но я чувствовал свою вину перед родителями и близкими тех, кто пережил эти жуткие преступления, за то, что бессилён что-либо сделать.

Чем больше проходило времени, тем лучше я осознавал, что мой знаменитый друг потерпел неудачу. Было очевидно, что он не в состоянии извлечь из этой массы информации значительную улику, которая позволила бы ему найти убийцу и понять мотив преступлений.

Однако Холмс по-прежнему был убежден, что все убийства связаны между собой. По его мнению, выбор жертв не был случайным. Он направил всю свою энергию на то, чтобы обнаружить связь между жуткими преступлениями. Но вопросы оставались без ответов, и каждое новое убийство только сгущало покров тайны. Какой рок мог свести юную школьницу, будущего хирурга и жену банкира, закончившую жизнь в жаровне? Был ли убийцей беглец из Миллбэнк? Действовал ли он в одиночку? Или следовал чьему-то приказу? Почему преступник зверски убил Мэри Кинсли, но пощадил ее отца? Почему он убил молодого хирурга, полного надежд, а не его отца? Какая логика двигала этим преступным выбором?

Возмущенный больше чем когда-либо, я пробормотал себе под нос:

– На самом деле, настоящие жертвы – те, которые остаются...

Раздавшийся сзади жуткий шум заставил меня подпрыгнуть. Я повернул голову и увидел сногсшибательный спектакль: Холмс стоял среди груды разбитых вещей и разбросанных бумаг. Он поднялся так резко, что перевернул свой рабочий стол, опрокинув вместе с ним все, что лежало на нем. Выглядел он безумно, его губы дрожали. Указательным пальцем он показывал в мою сторону:

– Повторите то, что вы только что сказали, Ватсон!

Я опустился в кресло.

– О, это вовсе не так важно, Холмс.

– Повторите, говорю вам!

Мне показалось неуместным противоречить ему в такой момент.

– Просто мне пришла в голову одна мысль. Я подумал, что хуже всех во всем этом деле приходится тем, кто выжил, а не тем, кто умер.

– И почему это так, позвольте узнать?

– Ну это ведь очевидно: потому что они будут оплакивать то, что было у них самого дорогого до тех пор, пока их самих не настигнет смерть. Да, я считаю, что именно они – настоящие жертвы.

Холмс радостно подпрыгнул, проделал какое-то танцевальное па и рассмеялся, повторяя:

– Вы гений, Ватсон! Самый настоящий гений! До этого я сидел, вжав голову в плечи, а теперь осмелился распрямиться.

– Вы уверены?

– Абсолютно. Вы точно гениальны. Ясность вашего ума поражает меня.

Он достал лист бумаги из кучи, валявшейся на полу, нацарапал в спешке несколько слов и протянул его мне.

– Вот список настоящих жертв нашего преступника!

Я прочел:

«Жертва М 1: Джон Кипели, торговый представитель.

Жертва № 2: Генри Кардвелл, банкир.

Жертва № 3: Джеймс Варне, коммерсант на пенсии.

Жертва М 4: аббат Пол Мередит.

Жертва № 5: Ричард Аббенсон, промышленник.

Жертва № 6: леди Барнингтон.

Жертва Л? 7: неизвестный повешенный.

Жертва, № 8: Джон Пикокс, хирург.

Жертва М 9: лорд Вилер.

Жертва М 10: Малколм Фэллоу, ученый».

Мой друг еще несколько раз перепрыгнул с ноги на ногу.

– Почему я раньше не подумал об этом? Если эта гипотеза верна, то получается, что Марк Дьюэн хотел причинить этим людям такие же ужасные страдания, какие вытерпел сам. В этом и заключается смысл его записки. Вспомните, Ватсон: «Моя месть будет соизмерима с моими страданиями. Мои мучители познают муки ада... Возможно, тогда они поймут, что мне пришлось пережить».

Гнусная, чудовищная правда открылась передо мной:

– Он убил маленькую Мэри Кинсли с единственной целью – заставить страдать ее отца. Он убил пятерых сирот с целью обвинить и морально уничтожить аббата Мередита. Он сделал то же самое по отношению к Кардвеллу, Барнсу и другим. Это означает, что все эти люди в тот или иной момент времени объединились против него. Вот то, что объединяет всех жертв, то, что мы искали с самого начала.

– Совершенно верно, Ватсон. Вы наполовину сорвали завесу, прикрывающую эти преступления, но мы тем не менее не нашли разгадки. Нам следует порыться в прошлом этих людей и попытаться понять, что плохого они сделали. Необходимо устроить встречу всех выживших в этой резне. Они наверняка знают друг друга или, по крайней мере, слышали друг о друге. Возможно, нам удастся вычислить будущих жертв и схватить убийцу на месте преступления.

В ту ночь я лег в постель с приятным ощущением того, что сделал что-то полезное. Прошло несколько часов, прежде чем я смог заснуть. Стали появляться новые гипотезы, рождались новые идеи. Мне вспомнились многочисленные детали. Марк Дьюэн пережил быстрый упадок, последовавший за исчезновением его супруги. Холмс установил, что Дьюэн подвергся шантажу. Была ли его жена еще жива? Была ли она убита похитителями? Если это так, то, очевидно, об этом страдании и говорилось в записке Дьюэна. Какая связь между шантажистом и десятью жертвами? Были ли они все шантажистами?

В моей голове сформировался сценарий: супруга Дьюэна была похищена одним или несколькими злоумышленниками. Злоумышленник(и) шантажировал его и требовал все больше денег в обмен на жизнь его жены. Но Дьюэн, разоренный и погрязший в долгах, был отправлен в тюрьму. Злоумышленник(и), поняв, что больше не сможет выманивать у него деньги, жестоко убил его супругу. Поэтому в записке, оставленной Дьюэном, и говорится: «Я разыграю перед ними кровавый до тошноты спектакль. Возможно, тогда они поймут, что мне пришлось пережить».

Дойдя до этого места, я оказался в тупике. Никто из десяти жертв не был похож на шантажиста, а тем более на убийцу. Ничто в их прошлом не говорило хотя бы о малейшем моральном отклонении. Каждый из них был в своем роде примером идеального гражданина: аббат, банкир, хирург, ученый, богатая леди Барнингтон... Зачем им потребовалось объединяться против Марка Дьюэна, адвоката с большим будущим, таким же, как и они, образцовым гражданином?

Тотчас же возник другой вопрос: сколько жертв еще будет? Хазелвуд насчитал в архивах «Фантастики» почти сто пятьдесят жутких рисунков...

Несмотря на то, что визиты к заключенным, обвиняемым в убийстве, были законными, они были очень редки и получить разрешение на них было очень непросто. Администрация в совершенстве овладела искусством расхолаживать просителей, без конца придумывая все новые и новые помехи и ограничения.

– Есть только один человек, который сможет позволить нам встретиться с заключенными, – объявил Холмс. – Корнелиус Хазелвуд.

Через полчаса мы уже были во владении профессора, который незамедлительно нас принял.

– Узнали что-то новое, Холмс?

– Возможно. Мне необходимо устроить очную ставку всем обвиняемым, чтобы это узнать.

– Очную ставку? С какой целью?

Холмс воодушевился.

– Я пришел к заключению, что мужчины и женщины, арестованные в результате последних событий, знакомы друг с другом.

Корнелиус Хазелвуд скептически поглаживал бородку.

– В какой связи они были знакомы?

– Это то, что я стремлюсь узнать. Я уверен, что в их прошлом можно найти что-то, что их связывает. Вам известно, в какой тюрьме они сейчас находятся?

– Да. Их всех перевели в Миллбэнк для ожидания процесса.

– Миллбэнк?

– Эти люди считаются опасными. Чтобы успокоить общественность, было важно...

– Мне нужно увидеть их как можно скорее. Это наш единственный шанс предупредить следующие преступления и задержать убийцу.

Этот двойной аргумент убедил Хазелвуда.

– Я могу устроить с ними встречу в любой момент. Идемте!

Балтимор Компостел прибежал к нам, запыхавшийся, как бык, больной астмой. Его жирное тело окружал ореол животной вони. Он растерянно посмотрел на невероятную пару – Шерлока Холмса и Корнелиуса Хазелвуда – и протянул нам липкую руку, которая заставила меня подумать о куске испортившегося мяса.

– Это... честь для меня. Чем могу быть вам полезен, господа?

– Мы желаем устроить очную ставку подозреваемым и задать им несколько вопросов.

Компостел вытер лоб лоскутом грязной тряпки.

– В одной комнате? В вашем присутствии? Но это чрезвычайно опасно.

Врожденная властность Хазелвуда находилась в обратной пропорциональности к его росту. В любой ситуации он был безупречно тверд. Он отчеканил каждый слог:

– В таком случае обеспечьте нам безопасность. И приведите заключенных сейчас же.

Балтимор Компостел заломил руки в отчаянии и уставился на кончик своего правого ботинка.

– Это... будет непросто.

Хазелвуд, не привыкший вилять, резко сказал:

– Объясните мне, старина, что здесь происходит.

– Многие из них были повешены.

Холмс пронзил его взглядом.

– Что? Вы отдаете себе отчет в том, что вы лишили нас важнейших свидетелей?

По липкому лбу Компостела стекли крупные капли пота.

– Я всего лишь исполнил приговор суда. Эти люди были признаны виновными.

– А леди Барнингтон? Вы и ее повесили?

Компостел протер лицо тряпкой.

– У нас не было времени.

– Не было времени? – взревел Холмс. Человек отступил и закрыл лицо ладонью, как мальчишка, боявшийся получить пощечину.

– Это не наша ошибка. Она заморила себя голодом перед процессом.

– А остальные?

– Джеймс Варне сошел с ума.

– Лорд Вилер?

– Он зубами вскрыл себе вены.

– Что? А Малколм Фэллоу?

– Он покончил с собой, проглотив свой язык.

Хазелвуд поймал ускользающий взгляд Компостела.

– Как получилось, что сторожа не предупредили всего этого?

Бык дрожал с ног до Головы, как гигантский кусок желатина.

– Сторожа? Поставьте себя на их место: каждый раз, когда заключенный умирает, у них становится меньше работы.

– Хватит! – взревел Холмс. – Кто еще жив и в достаточной степени в здравом уме, для того чтобы ответить на мои вопросы?

Директор тюрьмы загнул три жирных пальца:

– Банкир Генри Кардвелл, аббат Пол Мередит и хирург Джон Пикокс. Их процесс был отклонен, поскольку им оказывается какая-то поддержка свыше.

– Я требую сейчас же встретиться с ними.

Балтимор Компостел проводил нас в сырой подвал, который представил нам как место, специально отведенное для сложных допросов. Судя по арсеналу инструментов и механизмов, которые я здесь увидел, допросы проходили весьма активно. Некоторые из приспособлений вполне могли стоять на почетном месте в музее средневековых пыток. Компостел не зря пользовался мрачной репутацией.

Через несколько минут ввели троих несчастных. На запястьях у них были наручники, а на ногах – цепи. Их сопровождали четверо полицейских со злобными лицами.

Состояние усталости заключенных красноречиво свидетельствовало об условиях их содержания. Перед нами были трое надломленных, растерянных мужчин. Обломки судна, плывущие по течению. Казалось, их силы на исходе. Я сразу узнал Пикокса и Мередита. Из этого следовало, что третьим был банкир Генри Кардвелл. Это был маленький пузатый человечек с выпученными глазами, делавшими его похожим на лягушку. На нем были очки, одно стекло было разбито. Вероятно, во время допроса. Близорукие глаза на круглом лице придавали ему испуганный вид. Он весь сжался, будто зарывшись в свой страх. Эти мужчины потеряли самое дорогое, что у них было, а церковь отняла последнее, что им оставалось, – их достоинство.

Только Пикокс с высоты своих метра девяноста сохранил в глазах проблеск решимости. Этот

человек поклялся бороться до последнего вздоха, чтобы воздать должное своему сыну. Один из охранников грубо вытолкнул его в центр комнаты. Пикокс мгновенно развернулся и с невероятной силой ударил человека в лицо. Охранник упал.

– Я невиновен! – вскричал хирург. – Я требую, чтобы меня выслушали и чтобы ко мне обращались с уважением.

Реакция не заставила себя ждать. Трое других охранников бросились на него и стали бить по голове и по ногам. Несчастный упал на колени. Трое воспользовались этим, чтобы обездвижить его. Пикокс попытался еще защищаться, но удар дубины в затылок оглушил его. Затем его, наполовину без сознания, привязали цепью к тяжелому металлическому стулу, прикрепленному к полу. Двое других заключенных не оказывали ни малейшего сопротивления, что не помешало охранникам обращаться с ними с такой же жестокостью. Вся сцена заняла не более нескольких секунд, и мы не успели ничего сделать.

Хазелвуд, казалось, был ошеломлен. Он оценил дистанцию, разделявшую его теории и их применение на практике.

– Вы не имеете права! – возмутился я.

– Эти люди – опасные безумцы, доктор Ватсон, – отрезал Компостел, свистя. – Мы делаем это для вашей безопасности. Только железная дисциплина может вразумить этих монстров. Советую вам как можно скорее допросить их, и мы отведем их обратно в камеры.

– Монстры – не всегда те, кого мы за них принимаем, – в ярости ответил я.

Холмс презрительным жестом отстранил быка и подошел к заключенным.

– Мы пришли сюда не для того, чтобы вас мучить, а чтобы попытаться вам помочь. Мы призываем вас к сотрудничеству – это, возможно, ваш последний шанс выйти отсюда и наказать настоящего убийцу.

Пикокс поднял голову.

– Наказать убийцу. Это все, чего я желаю. Я больше ничего для себя не прошу. Моя жизнь потеряла всякий смысл. Мой сын был моей гордостью и славой.

Я хочу воздать ему должное. И этим необразованным варварам не удастся меня остановить.

У Пикокса еще хватило силы плюнуть на одного из охранников. Тот поднял руку, чтобы нанести ответный удар, но Холмс перехватил его руку. Охранник, ворча, отступил.

Впервые за все время своего содержания под стражей к хирургу вернулась надежда быть услышанным.

– Я отвечу на все ваши вопросы, мистер Холмс. Но я боюсь, что не смогу сказать вам больше, чем я уже сказал полиции.

Холмс вопросительно посмотрел на троих мужчин.

– Кто-нибудь из вас знал Марка Дьюэна?

Они дружно отрицательно покачали головой. Затем Холмс обратился к Пикоксу:

– Вы когда-нибудь раньше встречали этих двух мужчин?

Пикокс повернул голову и внимательно посмотрел на аббата и банкира.

– Нет, я вижу их впервые.

Мой друг задал тот же вопрос аббату и банкиру. Каждый ответил отрицательно. Он повернулся к банкиру.

– Вы когда-нибудь в прошлом делали кому-нибудь зло или намеревались навредить?

Человека, казалось, удивил этот вопрос.

– Навредить?

– У вас есть враги? – продолжал мой друг. Генри Кардвелл попытался собраться с мыслями.

– Нет, не думаю. Мой банк ссужал много денег промышленникам и деловым людям. Мой процент ссуды считался одним из лучших на рынке. Я помог бесчисленным проектам претвориться в жизнь. Мне даже доводилось уничтожать долги. Меня окружали исключительно мои друзья, и каждый день я получал доказательства их благодарности. Я всегда проявлял большую расточительность по отношению к семье и друзьям.

Голос банкира дрогнул.

– Я до сих пор не могу понять, что же произошло... моя бедная жена...

По его исхудавшим щекам полились горькие слезы.

Мой друг повернулся к Полу Мередиту.

– А вы, господин аббат?

Аббат посмотрел на нас пустым взглядом.

– Я? Я руководил фондом помощи детям-сиротам. Я посвятил этому делу всю жизнь, вложил в него всю энергию. Кто мог быть за это на меня в обиде? Повторяю вам, я не совершал этих жутких преступлений. Каждый день я молюсь о душах несчастных созданий и о том, чтобы правда восторжествовала.

– А вы, Джон Пикокс?

Хирург, кажется, заколебался. Он пристально смотрел на аббата. Кажется, что-то беспокоило его.

– Я хирург. Я спас десятки жизней и заботливо ухаживал за каждым пациентом, часто без какого-либо финансового интереса. У меня не было врагов. Думаю, за всю свою практику я не причинил вреда ни одному человеку. После смерти супруги я много времени посвятил образованию сына. Он был моим продолжением, моей гордостью, моим честолюбием. Его ждало блестящее будущее...

Он замолчал, повернулся к аббату и вновь пристально посмотрел на него.

– Я вам только что сказал, что никогда не видел этих мужчин. Но сейчас мне кажется, что с господином аббатом я уже когда-то встречался. Я не сразу его узнал. Тюрьма сильно изменила его.

Учитывая физическое и психологическое состояние несчастного аббата, было понятно, что Пикокс мог ошибиться. Пол Мередит, в свою очередь, обернулся к хирургу.

– Вы лечили одного из моих сирот в нашем сиротском приюте Сен-Джордж?

– Я этого не помню. Я лечу и оперирую своих пациентов в Академии Королевского госпиталя. Вы там когда-нибудь были?

Аббат внимательно посмотрел в лицо хирурга.

– Вы ходите по воскресеньям в церковь?

– Случается.

– А в Сен-Джордж?

– Никогда там не был.

– Одно ясно: мы с вами уже где-то встречались, – заключил аббат.

Холмс подошел к банкиру.

– А вы, мистер Кардвелл, вы узнаете этих двух мужчин?

– Да, и правда, вполне возможно.

Сейчас голос мистера Пикокса показался мне знакомым.

Все трое сошлись на том, что когда-то видели друг друга, но ни один из них не смог вспомнить, при каких обстоятельствах. Я пришел к выводу, что эта встреча была случайной и

мимолетной.

Холмс заверил их, что сделает все возможное, чтобы найти правду и вернуть им свободу. Кардвелл, Мередит и Пикокс обещали напрячь память и сообщить Холмсу, если им удастся вспомнить точные обстоятельства их встречи.

Заклученных отвели в их камеры. Хазелвуд потребовал, чтобы до их процесса с ними обращались гуманно.

Я перехватил взгляд Пикокса, полный надежды. Мы не имеем права обмануть его ожиданий.

Когда мы выходили из зала допросов, старый сторож почтительно приветствовал нас и наградил широкой улыбкой. Где я мог видеть этого человека?

Мы жили, испытывая постоянное чувство провала. Никто не знал, где и когда убийца снова даст о себе знать. У нас по-прежнему не было ни малейшей улики, позволившей бы нам выйти на его след. Марка Дьюэна так и не нашли.

Холмс разбирал разные дела, будто это было вопросом жизни и смерти. Может, так оно и было.

Перед ним выросла целая куча раскромсанных газет. Среди них были «Дэйли Ньюс», «Морнинг джеральд», «Хроникл», «Саут Лондон обсервер», «Эхо» и многие другие популярные газеты и журналы. Холмс пополнил свой архив добрым десятком зашифрованных карточек. Когда он закончил с «Пост», было уже поздно. Он поднял глаза к потолку и облегченно вздохнул. Он постучал головкой своей угасшей трубки о край пепельницы и набил ее табаком. Мгновение спустя трубка издала свой привычный астматический вздох.

Я знал, что он не даст мне никаких объяснений о своей работе, пока я сам не начну задавать вопросы.

– Есть свежие новости, Холмс?

– Новости, да. Но «свежие» не совсем точное слово, каким можно охарактеризовать их. В прессе сообщается о двух новых жутких преступлениях, носящих следы нашего безумного убийцы...

– Что случилось на этот раз?

– В первом случае был найден мужчина в своей кровати, задушенный книгой.

– Вы хотите сказать, раздавленный под тяжестью книги?

– Нет, задохнувшийся. Он проглотил несколько десятков страниц огромного романа. И не просто романа!

– Что вы хотите этим сказать?

– Это была книга «Демония» Гермесио Палатинуса. Я видел такую книгу у Кроули. На ее обложке нарисован перевернутый крест.

– Вы хотите сказать, что кто-то убил его, заставив съесть страницы этой книги?

– Насколько мне известно, книги можно пожирать лишь в переносном смысле, Ватсон. В данном случае совершенно ясно, что кто-то ему помог.

– А кто жертва?

– Некий Гарольд Баттлфилд, по профессии издатель. Страстно увлекался литературой, как и полагается издателям. Ему было около шестидесяти. Его парализовало вследствие инфекционного заболевания, а слабое зрение больше не позволяло ему читать. Его дочь, Маргарет, читала ему вслух каждый вечер. Полиция арестовала молодую женщину и отправила в тюрьму в ожидании процесса. Этим делом занимается бригада криминальных расследований. Возглавляет ее Лестрейд.

– Его еще не хватало.

– Да. Он же занимается и вторым преступлением.

– Что случилось?

– На грязной улочке квартала Лаймхаус найдена женщина, задушенная... – Холмс скорчил гримасу отвращения, – собственными внутренностями.

– Что?

– Вы все слышали, Ватсон. Убийца вскрыл ей живот, вынул внутренности и закрутил их вокруг шеи жертвы, задушив её, если, конечно, она уже до этого не была мертва. Свидетель наблюдал за сценой из окна. Он услышал, как мужчина оскорблял женщину и избил ее. Он упрекал ее в том, что она совершила нечестивые поступки в этом квартале. Он сказал: «Все будут думать, что это дело рук сбежавшего из Миллбанк. Моя честь отомщена. Возвращайся в

сточную канаву. Это твое место».

– Какой кошмар! А кто же свидетель?

– Сосед. Полиция не сообщает его имени из опасения мести.

– Почему он не забил тревогу?

– Он сделал это, но было уже поздно. Однако он точно описал убийцу. Согласно расследованию, это муж молодой женщины, некий Уильям Корнвелл, занимающийся оптовой продажей вина и спиртных напитков. Лестрейд произвел обыск в его доме и нашел одежду со свежими следами. По его мнению, мужчина насильно увлек за собой жену, Аниту Корнвелл, в Лаймхаус, на место ее бесчинств, и заставил умереть ее смертью, похожей на смерти девушек, пропавших в Уайтшапел.

Холмс остановился.

– Еще одна деталь. В статье сообщается, что у несчастной на лбу была рана.

– Вы думаете, что...

– Я схожу в морг, чтобы убедиться в этом.

– А этот... Уильям Корнвелл – он признался в своем преступлении?

Складка появился на лбу моего друга.

– Нет. В статье написано, что он все отрицает, но у него нет никакого алиби. Этот кретин Лестрейд арестовал его и пытается вытащить из него признание.

– Я не считаю себя безусловным другом Лестрейда, но почему вы говорите «этот кретин Лестрейд»? Думаю, в данном случае любой счел бы виновным мужа несчастной.

– Я имею в виду заявление, которое сделал наш друг прессе.

Холмс порывлся в кипе искромсанных газет и вытащил статью.

– Посмотрим, где же она? Ах, вот: «Лестрейд объявил, что, согласно его первым анализам, речь здесь идет не о самоубийстве, а об акте насилия...»

– Какая проницательность!

– Слушайте дальше: «Полиция нашла длинный окровавленный нож для вскрытия трупов в нескольких шагах от тела. В настоящий момент инспектор Лестрейд не исключает возможности несчастного случая вследствие неловких движений...»

– Неловких движений? Какой кретин, Лестрейд!

Ночью я почувствовал неприятное покалывание на лице и на руках. Я вспомнил об этом жутком убийстве. Внезапно мой сон принял причудливый облик.

Несчастливая жертва выходит из подозрительного ресторана в Лаймхаус, на улице ночь. Она проходит мимо, не замечая меня. Через плечо у нее перекинута кожаная сумка, похожая на медицинскую. Что делает она одна в таком месте? Я следую за ней.

Она идет, шатаясь. Ее дыхание, пахнущее джином, проникает в мои ноздри даже сквозь сон. Она останавливается у фонаря, опирается на него, переводя дыхание, и снимает туфли, чтобы дать отдохнуть уставшим ногам. Потом делает несколько нетвердых шагов в темноту и понемногу обретает равновесие. Она идет по мрачным улицам Лаймхауса. Она настолько пьяна, что не замечает холода, который обжигает ей ноги.

Между зубами у нее застрял кусок мяса. Это раздражает ее. Вместо зубочистки она достает из сумки длинный нож для вскрытия трупов.

Некстати появившийся комар начинает вертеться вокруг нее. Она пытается поймать его, но тщетно. Дерзкий комар садится на ее живот. Она хочет прихлопнуть насекомое и несколько раз яростно ударяет себя по животу, забыв, что в руке у нее нож. Она вспарывает себе живот, а коварное насекомое уже вьется над ее головой. Женщина вынимает оружие из живота. Но ей не везет, ее внутренности намотались на нож. Все это ее безумно раздражает.

Она пытается отогнать комара и размахивает ножом над головой, но лишь закручивает собственные внутренности на шее. А комар преспокойно улетает. Несчастная бросает нож и умирает...

Неловкое обращение...

Внезапно меня разбудило покалывание на щеке. Я непроизвольно хлопнул себя по щеке и убил комара. Так вот кто мешал мне спать. Но на самом деле у меня и без него неплохо получается видеть идиотские сны.

Холмс без устали копался в своем архиве, создавал и переделывал карточки, составляя из них массу комбинаций. Что конкретно он искал? Знал ли он это сам?

Давно наступила ночь. Меня охватила усталость. Жар проник в вены. Кровь стучала в висках, лоб горел.

Я положил роман на низкий стол у камина и собирался пойти в свою комнату, когда миссис Хадсон с неподвижным взглядом появилась на пороге гостиной. Ее нижняя губа дрожала, будто она хотела что-то сказать, но не могла.

– К вам... посетитель...

Я не понял, обращалась ли она ко мне или к Холмсу. За спиной у доброй женщины я разглядел беспокойную тень. Таинственный посетитель определенно напугал ее. Я вскочил с кресла и схватил оружие. Холмс вздрогнул и намеревался последовать моему примеру, когда наша хозяйка вскрикнула. Человек вышел из тени.

– Алистер Кроули! – удивился я.

Что заставило его прийти к нам в столь поздний час?

Он был похож на вампира, сбежавшего из какого-то пристанища мертвецов. Цвет его лица был мертвенно-бледным. Красные, окруженные темными кругами глаза придавали ему устрашающий вид. Вне сомнения, он находился под воздействием наркотиков или стал жертвой одного из своих таинственных видений. Холмс сделал знак миссис Хадсон, и она быстро вышла.

– Я установил контакт с Розой, – начал Кроули замогильным голосом. – Она – заложница монстра. Я знаю, где она находится.

– Где же? – мягко спросил Холмс. Кроули, казалось, не слышал вопроса.

– Мне нужна ваша помощь, мистер Холмс. Вы – единственный, кто хоть немного верит моим словам. Я должен освободить Розу.

Он безумным взглядом обвел комнату, будто наблюдая за таинственными феноменами, происходящими в нашей комнате без нашего ведома. Я думал, что его глаза вылезут из орбит.

Внезапно он повернулся на пятках и вышел в коридор, прямой, как автомат.

– Идем за ним! – сказал Холмс, слегка коснувшись меня. – Мне кажется, он не в себе.

Забыв о лихорадке, я надел пальто. В правом кармане я ощутил успокаивающее присутствие оружия – с недавних пор мы больше не расставались с этой вещью. Холмс захватил карманный фонарь.

Несколько минут спустя мы поднимались по Бейкер-стрит, следуя за Кроули. Ледяной ветер заставлял клубиться туман вокруг нас.

Внезапно в нескольких метрах от нас загорелись огни экипажа. Холмс вытянул руку. Экипаж резко остановился.

Кроули обратился к кучеру так, будто он разговаривал с призраком. Я лишь немного услышал из этого странного диалога – Кроули пытался описать место, не в состоянии назвать его точно. Кучер бросил на него неодобрительный взгляд.

– Мне известно место, которое похоже на то, что вы описываете, но это же настоящий разбойничий притон. Нужно быть сумасшедшим, чтобы ехать туда.

Холмс протянул ему полкроны. Кучер попробовал монету на зубок. Широкая улыбка осветила его лицо.

– Хорошо. Но я высажу вас у въезда в квартал. Мне дорога моя шкура.

Экипаж устремился к Хай-стрит, повернул направо, налево, снова направо, спустился по Джордж-стрит, повернул на восток и поднялся по Спринг-гарден-лэйн.

Туман сгушался, по мере того как мы продвигались в восточном направлении. Улицы начали обвиваться вокруг самих себя, формируя запутанный лабиринт. Мы с трудом проезжали по неровным мостовым, покрытым грязью и отходами. Я уже не пытался определить маршрут, затерянный в ночном тумане. Мне показалось, что даже кучер плутал и несколько раз разворачивал экипаж.

Наконец экипаж остановился, и мы вышли. Кучер указал пальцем перед собой, однако там была лишь стена из тумана.

- Это там. По крайней мере, насколько мне известно.

Лошадь занервничала, будто чувствуя, что это место проклято. Животное фыркало и било копытом о землю. Хозяину стоило немалых усилий утихомирить его.

Мы пошли в направлении, указанном кучером.

Кроули уверенно шел вперед, без труда ориентируясь в окружавшем нас густом тумане.

Мы пересекли узкую и грязную улицу, которая через сотню метров перешла в старинную площадь. Я чувствовал удушье, мои ноги подкашивались. Вне сомнения, у меня был жар. Какая гнусность ждет нас на этот раз? Какое ужасное зрелище откроется нашему потрясенному взору? Однако я собрался с духом и не отставал от Холмса и Кроули.

Внезапно перед нами возникло огромное здание, похожее на чудовищную фабрику. Кроули упрямо шел вперед, ровно держа голову и устремив взгляд в одну точку. Вдруг он остановился и поднял руки в небо.

– Пандемониум! Вот он, монстр!

Мы толкнули гигантскую металлическую дверь, издавшую долгий жалобный скрип. Во мне проснулось ужасное предчувствие. Захотелось бежать из этого больного места, но мои спутники продолжали идти вперед. Было слишком поздно, чтобы вернуться. У меня не было другого выхода, кроме как пройти в недра этого чудовища из металла и камня.

Холмс обшарил мрак лучом своего фонаря. Я заметил огромные чаны. Кожа животных... или человеческая кожа, свисала из этих огромных сосудов. Дыхание застыло в горле. Зловоние наполняло воздух, невозможно было дышать. Место было похоже на адскую фабрику. Но что можно производить здесь, если не смерть? Эта идея заставила мою кровь застыть в жилах. Мы осторожно пробирались вперед.

Внезапно Кроули свернул направо и исчез во мраке. Вокруг нас раздалось изумленное бормотание толпы, которая, как я считал, была давно мертва. У меня появилось чувство, будто мгновенно оттаяло прошлое, будто это место населено духами, которые внезапно проснулись при нашем появлении. В этот момент я услышал сухой кашель и хрип, приглушенные, но довольно отчетливые.

Внезапно жалобный крик разорвал мрак:

- Рooooooooooooooooозаааааааааа!

Мы узнали голос Кроули. Холмс направил фонарь в сторону, откуда раздался крик.

Именно в тот момент мы обнаружили множество живых мертвецов, которые прятались в каждом углу этой клоаки. На земле лежали наполовину разложившиеся создания. Одни казались окоченевшими. Другие едва шевелились. Ужасающее создание с изъеденным лицом, наполовину человек, наполовину зверь, пристально посмотрело на лампу, как загнипнотизированное, и растворилось в ледяном мраке. От окружавшего нас смрада я начал задыхаться, голова закружилась. Кроули сидел на корточках перед мрачной фигурой и ласково говорил с ней. Поборов отвращение, я сделал шаг в его сторону. Кроули повернулся к нам и указал на несчастное создание, завернутое в грязные лохмотья, которое сидело на ледяной земле.

– Роза! Это Роза!

Роза Кроули подняла на нас глаза загнанного зверя. Ее лицо нельзя было узнать - настолько оно было обезображено. Я видел, как гниль источила ее зубы, смерть захватила кожу, волосы, ногти.

Внезапно чья-то рука схватила меня. Я отскочил и попытался вырваться. Это была девочка,

вернее, то, что от нее осталось. Ее язык свисал, липкая слюна стекала по посиневшим губам. Я боролся, но ее рука мертвой хваткой вцепилась в мои брюки. Она протягивала мне гнойный обрубок. Ее глазницы были пустыми и белыми, как у греческих статуй. Просила ли она денег? Зачем они ей в таком месте? Я торопливо отдал ей все содержимое кармана. Она отпустила меня и, визжа, растворилась во мраке.

Роза Кроули подняла голову и, хотя ничто не предвещало такой реакции, отправилась за девочкой. Алистер Кроули, пошатываясь, встал.

– Догоним ее! Ее нужно спасти!

Холмс провел лучом фонаря вокруг нас. Роза Кроули и девочка исчезли.

Снова рука вынырнула из ночи и вцепилась в мое запястье, как ледяные тиски. Я почувствовал, что у нее хватит силы раздробить мне кость. Мои пальцы онемели от такого объятия. Это была старая колдунья с увядшим изъеденным лицом. Она издала хриплое ворчание. Я ощутил ее зловонное дыхание. С огромным усилием мне удалось освободиться. Внезапно приглушенный звук, похожий на стук предмета, упавшего на землю, заставил меня подскочить. Холмс направил фонарь на землю. У его ног лежал Кроули.

– Помогите перенести его, Ватсон! Он потерял сознание.

В нескольких метрах от нас зашевелились группы бесформенных созданий. Один силуэт стал извиваться на земле, будто в конвульсиях. У меня больше не было никакого желания смотреть на это.

– Возьмите другую руку, Ватсон! – приказал Холмс. – Нужно выйти отсюда как можно скорее. Сохраняйте хладнокровие. Не делайте резких движений.

Я обвил левую руку Кроули вокруг шеи. Холмс сделал то же с его правой рукой. Так мы волокли его, будто пьяницу с гулянки. Я боялся, как бы притаившаяся в ночи свора не накинулась на нас, но мрак оставался неподвижным, и мы прошли сквозь него. Наконец мы добрались до огромной металлической двери, оставляя за ней людей ада.

Улица была обледенелой и враждебной, но она показалась мне почти дружелюбной по сравнению с местом, которое мы только что покинули. Мы долго шли в тумане. Кроули пришел в чувство, но силы не вернулись к нему, и он не произнес ни слова, будто его дух отделился от тела.

Меня била дрожь, я чувствовал одновременно холод и жар. Вконец обессилев, мы уселись под крышей какого-то подъезда.

Огромные хлопья снега падали с бесконечной медлительностью. Некоторые будто застывали в ледяном воздухе. Густые облака закрывали лик луны. В ночи чувствовалась сила зимы, которая останавливает время замораживает пейзаж, делая его почти неподвижным, сглаживает линии и изгибы, растворяя все в белой мгле, накрытой небом.

Экипаж, движимый настоящим единорогом, появился в этой бесконечности. Тусклый рассвет окончательно разогнал мрак. Кошмар кончился. Несколько шаловливых эльфов сопровождали наш экипаж. Потом упряжка поднялась в воздух. Яркий свет обжег мне глаза. Мириады звезд взорвались в моей голове. А дальше... Я не знаю, что было дальше. Я не могу рассказать конец этой истории, потому что в моей голове была полная неразбериха.

Когда я вошел в гостиную, Холмс был целиком погружен в работу. Судя по вороху изрезанных ежедневных газет, устилавших пол, он работал уже несколько часов. Он был настолько поглощен делом, что не заметил моего присутствия. Я посмотрел на часы: полдень! Неужели все события прошлой ночи я видел во сне, в кошмарном сне? Мне захотелось ясности.

– Холмс...

– Ах, Ватсон, – сказал мой друг, не поднимая головы.

Я встал перед ним.

– Визит Кроули, посещение этого места, населенного этими гнусными существами, – скажите, что этого не было.

Он поднял на меня удивленные глаза.

– Это было, Ватсон.

– Но ведь Роза Кроули мертва. Как же она могла находиться в этом вертепе?

– Ее там не было.

– Однако вы видели то же, что и я, не так ли?

– Разумеется. Мы видели одни и те же сцены, но, кажется, ваша интерпретация несколько отличается от моей.

– Но Кроули говорил о Пандемониуме.

– А вам хорошо известно, что означает это слово, Ватсон?

– Столица ада, я думаю.

– Совершенно верно. Вас не удивило, что мы обнаружили столицу ада почти в самом сердце Лондона?

– Теперь, когда вы это говорите, действительно... Но эти огромные чаны, запах разложения, эти жуткие существа, ползающие во мраке. Как вы объясните это? Вот она, тайна, которую мы не можем раскрыть.

Холмс протянул мне план старого Лондона.

– Неправда. Мне хватило нескольких минут, чтобы найти ответ на этой старой карте. Речь идет о кожевенном заводе, который больше не работает и служит пристанищем для десятков несчастных. Место, в которое нас завел Кроули, – своего рода дом престарелых.

– Дом престарелых?

– Да. Я знал, что подобное место существует, но не знал, где оно находится. Все несчастные, у которых больше ничего нет, приходят туда, чтобы скоротать там свои последние дни. Это лучше, чем умереть в одиночестве, быть изъеденным червями в какой-нибудь богадельне. Тела сжигают те, кто еще в силе, или их отдают на съедение собакам, а может, и еще хуже.

– Это чудовищно. Я думал, такого не существует с тех пор, как были введены новые санитарные требования.

– Я тоже так думал, Ватсон.

– Но как Кроули узнал об этом месте?

Мой друг положил ладонь на огромную книгу Корнелиуса Хазелвуда.

– На этот раз я нашел объяснение в этой книге. Представьте себе, штаб-квартира ордена «Золотой рассвет» находилась в нескольких шагах от кожевенного завода. А ведь Кроули был главой этой секты в течение многих лет, до того как создал «Серебряную звезду». Так что вполне вероятно, что в прошлом он знал это место. Его разум странным образом смешал в одно этот заброшенный кожевенный завод с воображаемым местонахождением его супруги.

Как же я дал себя одурачить?

– Ваше восприятие было искажено лихорадкой. Кроме того, Кроули обладает неоспоримым даром убеждения. В какой-то степени вы следовали за ним, зараженные его манией.

– Но эта женщина? А девочка? Кто они? Все это так странно. Что на самом деле произошло там?

– Ничего таинственного, Ватсон. Вначале мы открыли тяжелую металлическую дверь. Я тотчас же узнал вход в бывшую фабрику. При входе в здание я запомнил название улицы и номер дома, наполовину выцветшие, но все еще заметные рядом с дверью. Войдя, мы увидели огромные чаны. Из некоторых из них все еще свисают животные шкуры. Там до сих пор пахнет, как на фабрике. Луч моего фонаря выхватил из мрака несчастного нищего в лохмотьях. Человек находился в жалком состоянии. Его лицо было изуродовано болезнями и ранами самого разного рода. Мы напугали его, и он убежал. Я понял, что мы находимся в самом грязном логове лондонского дна. Кучер ведь предупреждал нас. Кроули поспешил к небольшой группе несчастных. Там была мать, прижимавшая к себе окоченевшую от холода девочку. В изможденных чертах этой несчастной женщины Кроули узнал Розу. Пока он пытался заговорить с ней, девочка вцепилась в вас, чтобы выпросить немного денег.

– И правда, я это помню. Я был так напуган, что отдал ей все содержимое моего кармана.

Холмс осуждающе посмотрел на меня.

– Это была не лучшая идея, Ватсон.

– Что?

– Вы буквально озолотили эту девчонку. Мать заметила это и тотчас скрылась в темноте вместе с девочкой.

– Но почему?

– Она побоялась, как бы мы не забрали деньги назад. Но ваша щедрость разожгла зависть бедняков, которые видели это. Старуха схватила вас за запястье, выманивая милостыню. Вы грубо оттолкнули ее.

– Я... я принял ее за живого мертвеца.

– По правде сказать, она недалеко от этого, Ватсон. Другие несчастные принялись просить милостыню, когда Кроули потерял сознание под воздействием наркотиков или из-за усталости.

– Я сразу же заметил, что с ним что-то не так!

– И тогда я принял решение бежать из этого места и вывести Кроули. Нужно было торопиться, пока попрошайки не набросились на нас. Нам повезло, несчастные, должно быть, оцепенели от холода и болезней. Они не сразу среагировали, и нам удалось достаточно быстро исчезнуть.

– А дальше?

– Дальше? Ничего особенного. Ах да. В экипаже вы сразу свалились. Вначале я решил, что это обморок. Вы говорили о единорогах и эльфах, или что-то в этом роде. Я посветил фонарем вам в лицо...

– Точно. Я помню, что увидел тысячи звезд.

– Но ваш мощный храп быстро разубедил меня. Я не будил вас до самой Бейкер-стрит. Кучер помог мне отвезти Кроули домой, а вас – в вашу комнату. Еще вопросы?

– Ну... нет.

Что можно добавить? У Холмса была озадачивающая манера объяснять необъяснимое. Почему же ему не удавалось раскрыть эти преступления, если ему требовалось не более нескольких мгновений, чтобы отделить правду от лжи в этой захватывающей ночной вылазке?

Курьер принес Холмсу конверт. Лицо моего друга прояснилось, когда он прочитал послание.

– Хорошие новости? – позволил себе узнать я.

– Хазелвуд просит меня срочно прийти к нему. Он утверждает, что определил место, где убийца нанесет следующий удар. Если он говорит правду, то эта информация бесценна! Мы сможем поставить убийце ловушку.

– И избежать новой резни!

Несмотря на загруженные улицы и проливной дождь, уже через полчаса мы были у дома Хазелвуда.

Знаменитый профессор казался очень возбужденным. По своему обыкновению, он избежал ненужных преамбул и сразу перешел к делу.

– Я тщательно изучил все рисунки в моей книге.

– Сколько их всего? – спросил я.

– Почти триста. И я вычислил точное место.

– Одно? Этого мало.

– Конечно, но этого может оказаться достаточно, чтобы поймать убийцу.

– Что это за место? – спросил Холмс. Корнелиус Хазелвуд раскрыл перед нами свою огромную книгу.

– Это красивый дом начала века по адресу: Стрэнд, 127.

– Как вам удалось его вычислить?

– По заднему плану.

Хазелвуд указал пальцем на деталь рисунка.

– В глубине рисунка видна церковь, с правой стороны. Видите ее?

Холмс приблизил свою огромную лупу на расстояние нескольких сантиметров от бумаги.

– Да, действительно.

Глаза профессора засверкали.

– Вы знаете, сколько всего церквей в Лондоне, мистер Холмс?

– Признаюсь, никогда не задавался этим вопросом.

Лицо Холмса выражало сомнение.

– Вы уверены, что...

– Да. Благодаря уникальной форме ее двойной колокольни. Обратите внимание на ее асимметрию.

Я склонился над плечом моего друга. Действительно, две колокольни настолько сильно различались, что казалось, будто они принадлежат двум церквям разных стилей и эпох.

– И вы обошли все лондонские церкви, чтобы отыскать вашу редкостную жемчужину? – скептически спросил мой друг.

Корнелиус Хазелвуд погладил бородку и продолжил объяснение не без некоторой гордости.

– Вовсе нет. Я передал этот рисунок в епископство, которое тотчас же информировало меня. Я также прибег к помощи геометра. После нескольких несложных измерений он поместил меня в перспективу рисунка. Дом находился передо мной, в мельчайших деталях, в точности так, как на рисунке.

– Вам очень повезло, что вы наткнулись на этот рисунок.

Хазелвуд казался оскорбленным.

– Нисколько. Это дедукция.

Холмс изумленно посмотрел на своего собеседника, будто он считал, что никто, кроме него, не способен пользоваться методом дедукции.

– Дедукция?

– Ну конечно же! Мои рассуждения очень просты. Так как места, где орудует убийца, представлены с такой точностью, я сказал себе, что некоторые рисунки должны содержать в себе характерные признаки той местности, такие как здания, инженерные сооружения, места, легко узнаваемые. Вы не согласны со мной?

– Напротив, – сказал Холмс.

– Я проанализировал все рисунки в моей книге и отметил те, в которых есть подобная информация. Большинство из них оказались непригодными, за исключением этого.

Холмс пытался скрыть замешательство. Несомненно, он сердился на себя за то, что ему самому не пришла в голову такая блестящая мысль.

– Кто живет в этом доме?

– Судья Алан Ричмонд с супругой и новорожденным младенцем, еще старая няня и несколько слуг.

– Когда вы сделали это открытие?

– Позавчера.

Мой друг подпрыгнул.

– Почему вы не сообщили мне об этом раньше?

– У меня не было времени. Это дело не дало мне ни минуты передышки за два дня.

– Но жители этого дома, возможно, в опасности.

– Уверяю вас, мы приняли все необходимые меры.

Мой друг нахмурился.

– Что это значит?

– Владение и его окрестности находятся под постоянным наблюдением, днем и ночью. Мы поставили полицейских даже внутри дома судьи. Каждое передвижение судьи и его семьи сопровождается тайным, но надежным конвоем. Няня спит в одной комнате с младенцем.

– Кто эта няня?

– Верующая, довольно пожилая. Судья Ричмонд знает ее с самого детства и полностью ей доверяет. Младенец в надежных руках. Полицейские несут охрану двадцать четыре часа в сутки перед его комнатой. Сам Лестрейд возглавляет операцию. Разве можно сделать что-то еще?

Холмс нахмурил брови.

– Передать это дело кому-то более компетентному.

– Я знаю, как плохо вы оцениваете Скотланд-Ярд, и в особенности Лестрейда, но смею вас уверить, что задействованы наши лучшие силы. Что касается Лестрейда, то он хоть и не гений...

– Прекрасный эвфемизм.

– ... но вы не правы, недооценивая его. Это преданный и сознательный полицейский. Он делает все, что в его силах.

– Вы убедили меня, – сказал Холмс тоном, по которому было ясно, что он вовсе не убежден. – Мне бы хотелось навестить этот дом, задать вопросы его обитателям и убедиться в предпринятых полицией мерах предосторожности.

Профессор Хазелвуд нервно поглаживал бородку.

– Не обижайтесь, мистер Холмс, но боюсь, как бы ваше присутствие на месте не помешало службе охраны, установленной Лестрейдом. Кроме того, ничто не предвещает того, что убийца объявится именно там. Но если объявится, поверьте мне, мы его схватим.

– Ну, если уж вы так считаете... Но зачем вы посвятили меня в это дело, если вам так хочется держать меня на расстоянии?

– Прежде всего, мне хотелось продемонстрировать мое уважение к вам. Зная о вашей близости с Алистером Кроули, я хотел бы узнать, не можете ли вы рассказать мне то, что вам известно о ритуалах его секты.

– Почему бы вам не обратиться за этим к издателю Самюэлю Боктону?

– Боктон постоянно защищает Кроули и вряд ли сможет мне помочь.

– Но как замешан Кроули в этой истории?

– Лучше прочтите! – Хазелвуд указал на комментарий, сопровождавший рисунок.

«Согласно легенде Центральной Европы, Кромбох пожирал младенцев с наступлением ночи. Для него это было единственное средство остаться в живых. Каждый день он выходил на поиски новых жертв. Он нюхал воздух, ища отборную жертву, и останавливал свой выбор на доме, который затем без труда осаждал. Никто не видел в нем Монстра Теней, поскольку у него была выдающаяся способность трансформироваться по желанию. Люди, жившие в доме, сами открывали ему двери и доверчиво приглашали его. Кромбох проникал в комнату, где находился младенец, усыплял тех, кто следил за малышом, и сжирал младенца, оставляя только голову. С рассветом он покидал дом, превратившись в молодого эфеба, готовый прожить этот день в роскоши и бесчинствах любого рода. На следующую ночь он снова превращался в Кромбоха. Этот жуткий ритуал существует и в наши дни в некоторых сатанинских сектах, таких как „Аструм Аргентинум“. Это объясняет большой процент детской смертности, зарегистрированный в бедных кварталах Лондона».

Я вспомнил, что сказал Боктон по этому поводу: «В Ист-Энде почти 60 процентов детей умирают, не дожив до пяти лет, и это никого не удивляет...»

Холмс посмотрел на – Хазелвуда.

– «Аструм Аргентинум»?

– Это латинское название секты Кроули.

– Кто составил этот текст?

– Реджинальд Фостер.

– Вы не проверили источник?

– Нет в то время я целиком и полностью доверял ему. Я считал его своим коллегой и не испытывал никаких подозрений. Я ошибался. Я уже говорил об этом.

Тяжелая тишина повисла в комнате.

Хазелвуд указал пальцем на темную часть рисунка.

– На рисунке есть и другая деталь. Посмотрите! Кто-то находится в тени, будто наблюдая за домом.

Холмс приблизил лупу.

– Дьявол!

Настенные часы показывали половину седьмого, когда наша хозяйка вошла в гостиную с письмом в руке.

– Курьер в форме принес это для вас, мистер Холмс.

Холмс прочел письмо:

«Я знаю, где и когда я встречался с аббатом Мередитом и Генри Кардвеллом. Это, возможно, все объяснит. Приходите как можно скорее в Миллбэнк. Джон Пикокс».

– Господин еще внизу, он ждет ответа, – сказала миссис Хадсон.

– Что? Курьер все еще там?

Холмс оттолкнул хозяйку, сорвал с вешалки пальто и поспешил на лестницу. Я последовал за ним, мне было любопытно узнать, как это письмо смогло дойти до нас.

Пожилой человек, одетый сторожем, ждал при входе.

– Здравствуйте, мистер Холмс. Добрый день, доктор Ватсон! – сказал он, увидев нас.

– Мы разве знакомы? – спросил я нашего занятого курьера.

– Ну конечно же! – ответил он. – Я – сторож в тюрьме Миллбэнк. Это я помог мистеру Холмсу откопать тело Фостера в камере сбежавшего.

– Действительно, – подтвердил Холмс, – я вспомнил вас.

Мы вышли на улицу. Перед нами возникла стена из тумана. Было холодно, как на Северном полюсе.

Мы продолжили разговор, поднимаясь по Бейкер-стрит в поисках экипажа.

– Я присутствовал при очной ставке, где были Пикокс, Мередит и Кардвелл, – продолжал сторож. – И я слышал ваш разговор с заключенными.

– Так вы там были?

– Я стоял на страже перед входом в камеру. Я даже попрощался с вами, когда вы уходили.

– Признаюсь, я не обратил на вас внимания, слишком был поглощен этим делом.

– Мне приказали наблюдать за камерой Пикокса. Вчера он попросил разрешения встретиться с вами, сказал, что должен сделать вам очень серьезное признание. Я передал его просьбу Компостелу, но он только расхохотался и сказал, что уже слишком поздно.

– А дальше?

– Я вернулся к Пикоксу и предложил ему открыть мне его секрет. Но Пикокс не доверяет сторожам. И он прав, некоторые мои коллеги слишком уж... грубые.

Холмс начал терять терпение.

– А что дальше?

– Пикокс написал записку и просил меня передать ее вам лично в руки. Больше мне ничего не известно.

Холмс остановил экипаж, который двигался нам навстречу.

– В тюрьму Миллбэнк, как можно быстрее.

Экипаж несколько раз чуть не перевернулся, такой скользкой была дорога и такой плохой видимость. Однако кучер оказался не из робкого десятка. Меньше чем через пятнадцать минут мы уже стучали в тяжелую тюремную дверь.

Сторож с тупым взглядом открыл окошко.

– Что вам надо?

– Я Шерлок Холмс. У меня встреча с директором.

– Да? Он не предупреждал. Пойду посмотрю, сможет ли он вас принять.

Окошко захлопнулось, оставив нас во враждебном тумане. Минуты казались бесконечными. Наконец дверь открылась. Холмс поспешил за сторожем.

– Я хочу видеть Джона Пикокса.

– Пикокса? Я думал, у вас встреча с господином Компостелом.

– Пикокс! – проревел мой друг. Сторож вздрогнул.

– Зачем же так нервничать... Кроме того, торопиться все равно уже некуда.

Человек указал рукой на центр двора.

– Это он в центре.

Мы пробежали несколько метров в тумане. Из белой дымки выплыли три виселицы. Мы подошли еще ближе. Повешенный в центре был Джон Пикокс.

Великан бежал в нашу сторону, распространяя вокруг себя жуткий смрад.

– Мистер Холмс, это всегда честь для меня...

Кулак Холмса ударил Компостела в лицо, положив конец этой короткой встрече.

Сидя в экипаже, который вез нас обратно на Бейкер-стрит, Холмс массировал правую руку и тряс болевшими пальцами. Злоба читалась в его взгляде.

– Этот тип – самая последняя сволочь.

– Компостел?

– Конечно. Он как автомат, в нем нет и намек на душу. Он – чистый продукт администрации, без души, выполняет приказы буквально, почти не скрывая своей радости. Помните, что сказал старый сторож: «Я передал просьбу Пикокса Компостелу, а он только расхохотался и сказал, что уже слишком поздно...» Компостел знал, что Пикокс будет повешен, и не счел нужным дать ему последний шанс. Несчастный умер, унеся свое откровение с собой.

Холмс сжал челюсти. Его напряженный взгляд был полон ненависти.

– Вся его надежда была только на меня. Я отомщу за него, Ватсон. Теперь это дело касается меня лично.

Шерлок Холмс записал в свой блокнот: «Жертва № 13: судья Алан Ричмонд».

Мы были подавлены. Уничтожены морально и физически. Будто каждое новое убийство только отдаляло нас от правды.

Холмс был сильно огорчен, что не вмешался вовремя. Но как он мог? Он предложил свои услуги, но Хазелвуд отказался от них под предлогом того, что его присутствие на месте помешает действиям команды Лестрейда.

Вот и получился такой результат.

Я снова и снова перечитывал детальный отчет о происшествии в «Таймс», не в силах понять, как может иметь место такая чудовищность. Мне было нужно что-то делать, чтобы не впасть в депрессию. И я решил пересказать статью «Таймс» своими словами, будто заклиная судьбу.

Итак, предлагаю моим читателям ознакомиться с ужасными событиями, воссозданными во всех деталях на основании газетных отчетов.

«Драма произошла прошлой ночью, вопреки масштабным мерам, предпринятым полицией в окрестностях и в самом доме судьи Алана Ричмонда, расположенного по адресу: Стрэнд, 127.

Судья и его молодая супруга покинули дом около семи часов вечера, отправившись на праздничный вечер в кругу юристов. Вначале они прослушали речи приглашенных известных людей. Затем прошли за стол с многочисленными гостями. Полицейский, одетый в штатское, стоял у двери и внимательно рассматривал каждого входящего, готовый остановить любого кто вызовет у него малейшие подозрения.

В самый разгар ужина молодая женщина наклонилась к мужу и прошептала ему на ухо:

– Вернемся, друг мой. У меня ужаснее предчувствие.

Судья попытался образумить жену:

– Чего нам бояться, моя дорогая? Дом хорошо охраняется. Сестра Марта спит в комнате малыша. Полиция стоит на охране у двери. А все наши слуги скорее умрут, чем пустят в дом чужого.

– Конечно, но... я уверена, что случится что-то ужасное.

– Да нет же, вот увидишь! Если что-то произойдет, нас тут же предупредят. В экипаже мы за несколько минут доберемся до дому.

Молодая женщина так нервничала, что не могла есть. На ее лице читалось беспокойство и нетерпение. Вечер казался ей бесконечным. Наконец наступил час освобождения. Целая очередь из экипажей выстроилась перед ступенями дома. Долгое время пришлось ждать свободного экипажа.

Едва войдя в дом, молодая женщина взбежала по лестнице и поспешила в комнату младенца. Полицейский по-прежнему стоял у двери, заложив руки за спину. Он улыбнулся, и молодая женщина немного успокоилась.

– Все в порядке? – спросила она дрожащим голосом.

– Да, госпожа. Со времени вашего отъезда никто не входил в эту комнату и не выходил из нее.

Он разжал кулак и с важным видом показал большой ключ.

– Кроме того, чтобы попасть туда, нужно сначала попытаться отнять у меня вот это.

Молодая мать понемногу расслабилась.

– Вы не слышали никакого подозрительного шума?

– Нет, миссис, ничего не слышал.

– Вы можете открыть дверь?

– Конечно, госпожа.

Полицейский повернул ключ в замке и осторожно открыл дверь, чтобы не разбудить малютку. Женщина, ступая на носках, вошла в комнату. Она увидела, что сестра Марта спит одетая. Леди Ричмонд не стала будить старую женщину, которая накануне заболела ангиной. Она удостоверилась, что окна крепко заперты, а младенец мирно спит в своей люльке. Она нежно поцеловала его в лоб и тихонько вышла.

– Старайтесь быть таким же бдительным! – приказала она полицейскому.

Окончательно успокоившись, она прошла в свою комнату.

Но посреди ночи она проснулась от страшного кошмара. Жуткое предчувствие не покидало ее и во сне. Она вспомнила, как прикоснулась губами ко лбу ребенка. Внезапно это ощущение показалось ей странным. Она поняла, что не почувствовала знакомой теплоты ребенка. Кожа малыша не была такой нежной, как обычно. Не услышала она и размеренного, спокойного дыхания ребенка.

Она вскочила с кровати и, набросив на себя халат, устремилась к младенцу. Полицейский стоял на своем на посту.

– Все в порядке? – взволнованно спросила она.

– Конечно, госпожа. Ведь я здесь.

– Откройте! Я хочу убедиться сама.

Охранник повернул ключ. Женщина поспешила в комнату, держа в руке подсвечник. Ее беспокойство усиливалось. Няня по-прежнему спала. Женщина заметила стакан рядом с ее кроватью. Ей показалось, что этого стакана раньше не было. В воздухе витал душный и тошнотворный запах. Что-то здесь произошло, или все это плод ее воображения?

Она подошла к люльке. При мерцающем свете свечи лицо ребенка показалось ей слишком бледным, а кожа прозрачной, почти перламутровой. Она еще раз поцеловала его в лоб. Лоб был ледяным. Ей захотелось взять малыша на руки, чтобы согреть его. Она откинула одеяло. В колыбели лежала одна голова. Тело младенца исчезло. Женщина издала жуткий вопль и упала на пол. Полицейский вбежал в комнату и, увидя ужасную картину, засвистел в свой свисток. Тотчас прибежали другие полицейские и слуги. Старая няня проснулась от поднявшейся суматохи и обхватила голову руками.

– Что случилось? У меня так болит голова, – голос няни был хриплым от ангины.

Полицейский взял стакан, стоявший на столике рядом с ее кроватью.

– Видимо, кто-то угостил вас снотворным, – сказал он.

Няня склонилась над люлькой и, обнаружив ужасную пропажу, взвыла:

– Это дело рук самого дьявола. Все мы прокляты.

Полицейский попытался всех успокоить, но произошло все наоборот. Старая женщина, находясь в шоке, продолжала голосить:

– Этой ночью я видела дьявола. Я решила, что мне снится кошмар, но это на самом деле был он. Нужно бежать из этого дома. Он убьет всех нас.

Поднялась невероятная суматоха, сопровождаемая криками ужаса, полицейскими распоряжениями и пронзительными свистками. Охваченная паникой и все еще находящая под действием снотворного, старая няня, спотыкаясь и пошатываясь, выскочила из дома, закрыв лицо руками, пробежала мимо псарни и устремилась в ледяной мрак.

Внезапно собаки залаяли как бешеные, и новый вопль разорвал ночь. Некоторое время спустя нашли бездыханное, окоченевшее тело сестры, Марты. Смерть запечатлела на ее лице выражение страха. На лбу зияла ужасная рана.

Инспектор Лестрейд, который занимается этим делом, был опрошен журналистами. Он казался очень огорченным. Вот отчет о коротком интервью с ним:

– Инспектор, есть ли у вас какие-нибудь улики, которые бы позволили направить

расследование в нужное русло?

– На данный момент нет. То, что здесь недавно произошло, просто невероятно.

– Что вы хотите сказать?

– Все входы и выходы были закрыты. Дом был напичкан полицейскими. Один из моих людей не отходил от двери комнаты, где находился младенец...

– Старая няня заявила, что видела дьявола. Может ли он быть преступником?

– Я не верю ни в дьявола, ни в разного рода духов. Это преступление – дело рук безумного или маньяка, наделенного большим умом. Он пытается сбить нас с толку, вот и все...

– Тело младенца нашли?

– Нет. Мы продолжаем прочесывать дом и его окрестности.

– Вам известно, от чего умерла няня?

– Сейчас рано говорить об этом, но мы считаем, что ее отравили цианистым калием или чем-то вроде этого.

– Что вы намереваетесь делать?

– Продолжать расследование и приложить все усилия, чтобы подобное не повторилось.

– Думаете ли вы, что это новое преступление могло быть делом рук знаменитого Марка Дьюэна, сбежавшего из Миллбэнк, как утверждает Шерлок Холмс?

– Нет. Ничто не позволяет связывать эти два дела.

– Но рана на лбу сестры Марты, говорили, что...

– Я повторяю вам, это совершенно отдельное преступление. Меня пытаются сбить с толку, но не удастся. Я не вчера родился.

– После побега Марка Дьюэна вы заявили, что непременно поймаете его. Вы по-прежнему верите в это?

– Более чем когда-либо. Я поймаю его, и он ответит за свое преступление. Слово Лестрейда. Но не смешивайте все в одну кучу и не приписывайте ему все эти убийства. Это ведь не детективный роман!»

Преступление наделало много шума. На этот раз убийца замахнулся на самый символ мира и на правосудие нашей страны. Опасность была реальной. Если уж судья в Англии не может чувствовать себя в безопасности, то что говорить о простом гражданине?

Полиция пустила в ход невиданные ранее средства, чтобы попытаться раскрыть тайну этого мерзкого преступления. По приказу Лестрейда дом судьи и его окрестности были тщательно исследованы, опрошены жители всех домов этого квартала, однако без малейшего результата.

В убийстве ребенка даже заподозрили няню. Но ничто в прошлом и в поведении верующей не подтверждало этот домысел. Сам судья запретил мараить память той, кого считал своей второй матерью. Все слуги в доме были опрошены. Их мнение было единодушным. Няня не могла пойти на подобное преступление. Полиция изучила распорядок ее дня, предшествующего убийству. Они выяснили, что сестра Марта прогуливалась с младенцем в коляске до городского парка. Вернулась она после обеда с сильной ангиной. В этом не было ничего удивительного, если учесть жуткую погоду, царившую в Лондоне. Некоторые утверждали, что верующая имела отношение к силам зла. Разве она не говорила, что видела дьявола? Кто-то даже предложил изгнать злых духов из дома судьи и из тела покойной. Но с какой целью?

Более прагматичный Корнелиус Хазелвуд обратился за помощью к Шерлоку Холмсу... с некоторым опозданием. Профессор вновь публично покался и признал, что ошибся, доверив это дело Лестрейду. Я по-прежнему не знал, на чьей стороне этот человек.

Любопытство возобладало над злобой. Мой друг снова откликнулся на просьбу профессора, и мы тотчас отправились к судье.

Там царило невероятное волнение. Лестрейд был измотан последними событиями и, казалось,

вовсе потерял надежду. Он был похож на муху, отчаянно барахтающуюся в паутине. Дом наполняла разношерстная толпа. Сделав несколько шагов, я споткнулся о человека, растянувшегося на полу.

Наконец Лестрейд нас заметил.

– А, Холмс, вот и вы. Проверьте планки паркета одну за другой.

– Я? – удивился мой друг.

– Нет, не вы, он, – полицейский указал на мужчину в серой рубаше, который, лежа на животе, исследовал пол сантиметр за сантиметром.

– Должно же оно где-то быть, – продолжал Лестрейд.

– Что?

– Тело младенца. Не могло же оно испариться в воздухе.

Холмс перешагнул через ползающего по полу полицейского.

– Где находится комната, в которой произошло убийство?

– Следуйте за мной.

Мы поднялись на второй этаж. Маленькая комнатка была битком набита полицейскими, журналистами и верующими. Было впечатление, что весь Лондон пришел сюда, чтобы взглянуть на последнее модное шоу.

Шерлок Холмс попросил всех освободить помещение. Вышли все, кроме Лестрейда, полагавшего, что без его присутствия нам не обойтись.

Следуя своей привычке, мой друг осмотрел каждый сантиметр помещения через лупу. Его лицо было напряженным и раздосадованным.

– Что вы там рассматривали? – спросил полицейский.

– Ничего. Все улики целенаправленно уничтожены.

– Вы хотите сказать, что кто-то стер все следы?

– Да. И я даже могу сказать вам кто.

– Ну говорите, мы схватим виновного. Только у убийцы был мотив сделать это.

Холмс скорчил гримасу отвращения и развернулся на пятках, собираясь покинуть комнату без всякого объяснения. Полицейский крикнул ему в спину:

– Холмс, прекратите это детское скрытничанье! Назовите же мне имя виновного!

Мой друг обернулся и карающим перстом указал на грудь полицейского.

– Это вы, Лестрейд!

– Что? Вы обвиняете меня в совершении этого преступления?

– Хуже. Я обвиняю вас в том, что вы стерли драгоценнейшие улики с помощью вашей чудовищной ряженой толпы.

Лестрейд стал заикаться, всхлипывать и чуть не задохнулся – это его состояние сложно передать словами. Он побагровел и надул щеки, как жаба на свадебном параде.

Мы уже собирались выйти, как буквально столкнулись со знаменитым трио: Эрик Вайсс, он же Гарри Гудини, за которым следовали, как тени, Анна Эва Фэй и его жена Бесс.

– Какой прием! – воскликнул волшебник. Он немного ошибся в цели нашего присутствия.

– Как кстати! – метко ответил мой друг. Лестрейд поспешил навстречу посетителям.

– Спасибо, что пришли так быстро, мистер Гудини.

– Не хотелось упускать такого случая, – объявил волшебник.

– Такого случая?

Гудини спохватился.

– Возможности сотрудничать с английской полицией.

– Ах да, конечно. Надеюсь, что король перемен принесет нам больше ответов, чем король детективов.

Сыщик мрачно посмотрел на нас.

– Я вас не задерживаю. У нас много работы.

– Если это вам не помешает, – вмешался Гудини, – мне бы хотелось, чтобы мистер Холмс и мистер Ватсон остались ненадолго, чтобы мы могли сравнить наши заключения.

Полицейский издал невнятное бурчание, которое мы поспешили интерпретировать как согласие.

Итак, мы присутствовали при очень занятом спектакле. Анна Эва Фэй села в позу лотоса в углу комнаты. Маг поставил стул на стол и взобрался на это импровизированное строение, будто собираясь представить нашему вниманию эквилибристический номер. Затем он тщательно изучил каждый сантиметр стены и потолка с внимательностью врача, осматривающего больного.

Бесс Гудини сосредоточила внимание на окнах и дверях, на камине и на нижней части стен. В конце этого долгого и кропотливого исследования супруги Гудини обменялись несколькими словами и вернулись к нам.

– Здесь не было установлено никакого механизма для создания иллюзии, – объявил Гудини.

Взглянув на раздосадованное лицо полицейского, маг поспешил добавить:

– Я говорю вам мнение профессионала. Насколько вам известно, мои иллюзии фальшивы. Для их создания необходима сложная аппаратура, разбросанная понемногу повсюду. Такие аппараты оставляют следы. В данном случае таких следов нет. Никто, кроме няни и ребенка, не входил и не выходил из этой комнаты. Что думаете вы, Холмс?

Лицо моего друга выражало сомнение.

– Но как же убийца сделал это? – воскликнул Лестрейд.

– Не знаю, – признался Гудини.

– Можно найти другое решение, – сказала Бесс Гудини низким голосом, – гипноз...

Маг бросил на супругу сверкающий взгляд.

– Гипноз? – подхватил Холмс.

Бесс Гудини заломила в отчаянии руки и с мольбой посмотрела на мужа, будто извиняясь за произнесенные слова.

– Я... я не знаю. Это неопределенная идея, лишенная всякого основания.

Холмс повернулся к магу.

– Разве вы не специалист по гипнозу, мистер Гудини?

– Да, я применяю его иногда, но только во время спектаклей. Я лишь скромный любитель.

– А мог ли скромный любитель усыпить охранника, войти в эту комнату, совершить злодеяние и выйти, не оставив ни малейшего следа?

Гудини неуверенным жестом отогнал это замечание.

– Полицейский, который стоял на часах, был очень внимательным. Почти невозможно усыпить человека, который настороже.

– Как Ватсона во время вашего спектакля? – осторожно заметил Холмс.

– Вы же не думаете, что... – начал Гудини. Эту дискуссию прервал приглушенный крик из угла комнаты. Анна Эва Фэй вышла из медитации и, вздрогнув, проснулась. Она продолжала сидеть в позе лотоса, внимательно разглядывая что-то вдалеке.

– Я видела его лицо, – сказала она.

– О ком вы говорите? – спросил Лестрейд, которому было явно тяжело следить за ходом наших рассуждений.

– Об убийце!

Гудини, обрадованный, что разговор прервался, воспользовался этим и бросился в противоположный угол комнаты. Лестрейд неожиданно вынул из кармана небольшой блокнот.

– Приметы подозреваемого, – приказал он властным голосом опытного ищейки во время допроса.

– Приметы? – повторила Анна Эва Фэй, устремив глаза в бесконечность.

Лестрейд в нетерпении топнул ногой.

– Да. На кого похож убийца?

– Это мужчина, – заявила медиум.

Ищейка принялся записывать.

– Нет, женщина! – поправилась она. Полицейский был явно раздражен.

– Неплохо было бы знать.

– Мужчина или женщина, я не знаю... а может, оба... – пробормотала Анна Эва Фэй.

– Вы ничего определенного не видели?

– Видела. Он был вне себя от ярости. Он мстил.

– А потом?

Но спиритка смотрела в бесконечность – она погрузилась в странную медитацию. Лестрейд раздосадованно положил блокнот обратно в карман.

Госпожа Фэй поднялась как автомат и направилась к выходу. Гарри Гудини пошел за ней, когда жена схватила его за рукав.

– Разве ты не хотел сообщить о положении звезд мистеру Лестрейду?

Гудини ударил себя ладонью в лоб.

– Я совсем забыл.

Он достал из кармана свернутый лист бумаги, перевязанный тесемкой.

– Что это? – спросил полицейский.

– Положение звезд Марка Дьюэна. Вы попросили это у Анны Эвы.

Холмс наблюдал за сценой, скрестив руки на груди, насмешливая улыбка играла в уголках его губ. Лестрейд нервным движением записнул бумагу в карман.

– Так, так. Полиция стала проявлять интерес к оккультным наукам, – усмехнулся мой друг.

– Нельзя пренебрегать никакими данными, – заявил ищейка, покраснев от смущения. – Я прочту это на свежую голову.

– Почему не сейчас? – настаивал Холмс.

Гудини решил воспользоваться этим, чтобы реабилитироваться.

– Я могу пересказать вам, если хотите. Холмс кивнул.

– Анна Эва Фэй изучила положение звезд для Марка Дьюэна, – начал маг, – и наложила его на солнечную конфигурацию в момент различных убийств. То, что она узнала, необыкновенно. Дьюэн... – он заколебался, ища подходящее слово, – вошел в резонанс со звездами, что могло сказаться на его поведении. По мнению Анны, преступления прекратятся, когда звезды передвинутся определенным образом. Дьюэн станет самим собой и наверняка придет в полицию, если не покончит с собой... Но все это – всего лишь гипотеза, чтобы ее подтвердить, нужно тщательно изучить звезды Дьюэна.

– Каково ваше заключение? – резко спросил Холмс.

– На данный момент его нет.

Холмс хищно улыбнулся Лестрейду.

– Прочтите это потом еще раз на свежую голову.

Шли дни, мрачные, лишённые всякой надежды. Мой друг мало говорил и почти не спал. Дни, свободные от слежки за Гудини, он проводил в непонятных походах по министерствам. Периоды взрывной энергии перемежались с моментами полнейшего отчаяния. Тогда он уходил к Алистеру Кроули или оставался на Бейкер-стрит и искал вдохновения в кокаине, но не находил в нем ничего, кроме беспокойства и сомнений.

Однажды утром, когда я писал эпизод этой повести, он решительно вошел в гостиную. Его глаза сверкали. Он вернулся с очередной административной встречи и казался очень довольным.

– Я наконец получил авторизацию, Ватсон.

– Авторизацию?

– Теперь я имею право просмотреть архивы судьи Ричмонда.

– Но зачем вам это?

– Я надеюсь отыскать в них два или три интересных момента, а может быть, и решение этой задачи.

Перо вздрогнуло в моей руке, на лист бумаги упала огромная черная клякса.

– Что?.. Как вы пришли к этому заключению?

– Благодаря вам нам стало известно, что убийца, одержимый местью, стремится заставить страдать тех, кто когда-либо причинил ему зло. У кого могут быть причины мстить судье?

– У того, кто был осужден этим судьей!

– Совершенно верно, Ватсон. Поэтому вполне вероятно, что убийца фигурирует в списках лиц, которых судья Ричмонд отправил в тюрьму, и что он мстит тем, кто приговорил его. И тайна будет раскрыта. Сбежавший из Миллбэнк мстил Ричмонду! Но пока это всего лишь гипотеза. Теперь нужно удостовериться...

Я поспешил надеть пальто, поняв, что наступил решающий момент в расследовании.

– Вдвоем нам будет лучше. Я буду сопровождать вас, Холмс.

– Очень любезно с вашей стороны, Ватсон. Это дело будет не таким трудным, как наши предыдущие вылазки.

Архивы суда высшей инстанции Лондона!

Я и представить себе не мог, что подобное место существует. Это был мир тайный и глухой. Мир, скрытый от естественного света. Святая святых лондонской юриспруденции скрывалась под сантиметрами вековой пыли. Там были тонны досье, разложенных по полкам, затерянных в десятках мрачных галерей. И еще целые кипы досье в каждом закоулке. Бесконечные ряды заданных шнурками документов. Будто кто-то хотел заставить их молчать. И повсюду странная смесь запаха пыли и плесени, вызывающая непреодолимое желание чихнуть. Ад для больных клаустрофобией. Здесь, покрытая паутиной, хранилась память о преступлениях. Ее охраняла целая армия малокровных служителей с кожей цвета пергамента.

Зная, что у нас есть авторизация, мы уверенно обратились к одному из служителей храма.

– Добрый день. Меня зовут Шерлок Холмс, а это мой друг, доктор Ватсон, – начал мой друг.

Человек без рук и ног остался неподвижным, как восковая статуя в музее мадам Тюссо. Я несколько раз постучал, тщетно пытаясь скрыть нетерпение.

– Нам бы хотелось ознакомиться с архивами судьи Алана Ричмонда.

Человек-окаменелость не шевелился.

– Сонная болезнь, – диагностировал Холмс. – Идемте, Ватсон, мы и сами разберемся.

Сам того не зная, Холмс вернул жизнь служащему.

- Куда вы направляетесь, господа?
- Мы только что вам об этом сказали, - заметил я, - но вы спали.
- Я не спал, я работал.
- Разница не слишком велика, чтобы ее заметить.

Последовала череда административных действий, невероятно сложных и непонятных. Нас отводили к людям, контролирующим документы доступа, затем доступ к документам контроля доступа к документам контроля, или что-то вроде того. Нам пришлось заполнить десятки формуляров и подписать бесчисленные бумаги. Для того чтобы проделать все это, мы прошли по бесчисленным мрачным и затхлым коридорам, по местам Г которые спроектировал архитектор, явно испытывавший слабость к лабиринтам. Мы не единожды поднимались по лестницам, несколько раз терялись, ошибались дверью. Мы повстречали двух или трех посетителей, которые, казалось, блуждают здесь с незапамятных времен, и вдохнули жизнь в бесчисленное число служащих, парализованных хроническим отсутствием деятельности. Наконец мы вернулись в пункт нашего отправления, сами не поняв, как.

Я сунул под нос сонному церберу несколько подписанных, проштампованных, завизированных бумаг, показав все, что мы собрали за время нашего кругосветного путешествия.

- На этот раз мы сможем просмотреть эти чертовы архивы?

Человек-торс и глазом не моргнул.

Удар кулака невиданной силы внезапно обрушился на стол рассыльного. Десятки бумаг поднялись вместе с клубом пыли и опустились в беспорядке. Я еще никогда не видел Холмса в таком гневе. Его лицо, обычно непроницаемое, заставило меня содрогнуться. Оно стало пунцовым, вены на шее напряглись до предела. Кровь в висках пульсировала так, что могла в любой момент вырваться наружу.

Покрытый плесенью и пылью человек, забившись в глубь кресла, заговорил болезненным голосом:

- Я думал, что вы в курсе.
- Что еще? - взревел мой товарищ.
- Сегодня все закрыто.

Холмс приблизился к конторскому служащему так близко, что я испугался, как бы он не впился зубами в его нос. Тот вцепился в стол, дрожа всем телом.

- Но для вас мы можем сделать исключение.

Малокровный служащий сполз с кресла. Я обнаружил, что у него есть ноги и что он умеет ими пользоваться.

- Следуйте за мной, господа, - пробормотал он голосом умирающего, достал из кармана ключ и открыл дверь, расположенную всего в нескольких метрах от его стола. Лицо моего друга расслабилось, когда он увидел полки.

- Все здесь, - уточнил писака, - расположено по годам. И каждое досье пронумеровано по дате процесса.

Холмс повернулся ко мне.

- Я же говорил, Ватсон, что приемный персонал - только вопрос психологии.

Затем он обратился к служащему:

- Где досье, относящиеся к судье Ричмонду?
- Они среди других, в хронологическом порядке.
- И нет никакой возможности найти их сразу?
- Только просмотрев каждое досье, одно за другим.

Было очевидно, что понятие о времени у нас разное. Холмс жестом прогнал служащего. Тот вышел на носках, опустив голову.

Там были сотни, а может, тысячи досье. Мы поняли, что потребуются годы, чтобы отыскать те, что относятся к судье Ричмонду, а еще годы на то, чтобы их просмотреть. Искать иголку в стогу сена!

Рассуждения Холмса были верны. Я чувствовал, что мы еще никогда не были столь близки к разгадке. Но мы столкнулись с проблемой технического характера – нехваткой времени. Мы покинули это место с чувством крайнего разочарования. Теперь только чудо позволит нам найти ключ к тайне.

Мне казалось, что неизвестная опасность, возможно, сверхъестественного характера, витает вокруг меня, невидимая и грозная. Все было враждебным. Беспокойные тени метались по темным углам моей комнаты. Я видел, как они кривлялись, плели жуткие рисунки при моем появлении. Ночь за ночью мое убеждение усиливалось. Что-то замышлялось за моей спиной. Что-то ужасное и неизбежное.

В тот вечер, как и в любой другой, я закрылся в комнате и запер дверь на задвижку. Но страх не покидал меня. При малейшем шорохе, малейшем скрипе лестницы я просыпался и оставался без движения, с комом в горле, устремив глаза на потолок. Было ли это всего лишь следствием жара? Или страх был вызван интуицией?

В разгар ночи я услышал чье-то дыхание прямо у моей двери. Сквозь дверь проникал свет. Значит, в гостиной кто-то был.

Я переборол страх и на цыпочках подошел к двери. Согнувшись вдвое, я приложил глаз к скважине замка, дрожа от страха.

Я зажал рот рукой, чтобы не закричать. Но зрелище, открывшееся моим глазам, не было ужасным, скорее даже приятным.

Я увидел самое красивое и светлое создание, какое мне доводилось видеть. Женщина необыкновенной красоты, одетая, как принцесса из сказки, стояла посреди гостиной, окруженная почти нереальным светом. Рыжие волосы каскадом спадали на изящные плечи. Тело, обнаженное, как в запретном сне, было совершенно. Никакой художник, скульптор, никакой мастер в мире и представить себе не мог такой гармонии изгибов и пропорций. Нет такого слова, чтобы передать полноту этой картины. Только высшее существо могло создать такое чудо. Но у меня появилось странное чувство, будто я видел это создание в другой жизни.

Она повернулась и оказалась напротив меня. На короткое мгновение мне показалось, что она направляется к моей комнате. Но нет. Просто оптический обман. Она не могла меня видеть. Лучезарная улыбка осветила ее лицо. У нее не было возраста, не было прошлого. Она символизировала вечную юность. Ее глаза сверкали как два изумруда. Она была похожа на великолепную Ирэн Адлер. Но это не она. Эта женщина пришла из другого мира. Была ли она призраком? Или одним из двойников, в существовании которых нас убеждал Кроули?

Внезапно небесное создание сделало несколько шагов в сторону и скрылось из поля моего зрения. Она заметила мужчину, который сидел в кресле спиной к ней. Я понял, что она заговорила с ним. Он поднялся, потянулся и повернулся к моей двери, и я рассмотрел его лицо, когда оно озарилось светом свечи.

Холмс!

Не говоря ни слова, он взял коричневатый каучук и вытянул левую руку. Его вены были усыпаны крошечными темными точками. Профессиональным движением он затянул жгут. Его вены вздулись. Он взял шприц и ловким движением вонзил иглу.

Я не смог сдержать сдавленного крика. Холмс и прекрасное создание резко повернулись к моей двери.

– Проклятие! – вскричало создание. – Кто-то наблюдает за нами!

Холмс выронил шприц, тот разбился. Он выбежал из комнаты, будто боясь чего-то.

Девушка подошла к моей двери. Я так и стоял, согнувшись вдвое, по спине пробежал холодок, я не мог двинуться с места. Она, как безумная, пристально смотрела на меня. Я дрожал с ног до головы. Она схватилась за ручку двери, безуспешно пытаясь проникнуть в мою комнату.

Внезапно из ее груди вырвался хриплый стон, хрип, будто она задыхалась. Она забилась в конвульсиях, охваченная яростным спазмом, пыталась распрямиться и смотрела на меня теперь с яростью, исказившей ее лицо.

Я до крови искусал губы, чтобы не взорваться от того, что я видел. Создание расслабилось. Ее кожа увяла, позеленела, прорвалась в нескольких местах, обнажив кость, распространяя смрад, настолько омерзительный, что я не мог больше дышать. Я видел, как ее черты превратились в гнилой вонючий ком, сначала показался череп, потом позвонки и ребра. Ее гнилой живот разорвался.

Я стоял, охваченный ужасом, как в тех кошмарах, когда знаешь, что нужно бежать без промедления, но вдруг коченеешь, парализованный невероятным ужасом.

Жидкость просочилась под мою дверь, кипящая, как змеиная слюна. Она разлилась вокруг меня, как заразная болезнь. Это была не кровь, а тошнотворная желчь, гниющая смесь самых отвратительных миазмов.

Вздвогнув, я проснулся. Ледяной пот покрывал мое лицо и тело. Тошнота подступала к горлу. Все это казалось таким реальным.

Этот кошмар содержал в себе элементы моих прошлых снов. Действующие лица и ситуации необязательно были теми же, но сообщение, адресованное моему подсознанию, было неизменным: страх, неконтролируемый и непонятный страх. Страх чего-то близкого, обычного. Я чувствовал опасность всеми фибрами души, не будучи в состоянии определить и назвать ее.

Холмс был как-то связан с этим страхом. Но был ли он жертвой или виновным?

С лестницы донесся знакомый шум.

– А вот и Лестрейд, – заметил я.

– Нет, – ответил Холмс, – это определенно Самюэль Боктон, директор «Фантастики».

– Откуда у вас такая уверенность?

Ему не хватило времени ответить мне. Дверь гостиной отворилась, и на пороге возник Самюэль Боктон, сопровождаемый, словно тенью, раскрасневшейся миссис Хадсон.

– Этот господин... – начала наша хозяйка, прижав кулаки к бедрам и опустив глаза на грязные ботинки нашего посетителя.

У Боктона был взгляд загнанного волка. Его кожа казалась бронзовой. В правой руке он держал конверт. Я еще никогда не видел его в таком возбуждении.

– Пришло с курьером! Сегодня утром! Это ужасно!

Холмс указал на кресло.

– Что произошло?

Боктон попытался восстановить дыхание. Он протянул конверт Холмсу.

– Читайте!

Мой друг начал читать.

«Моя работа подходит к концу. Завтра, в воскресенье, я нанесу последний удар. Когда я войду в комнату, будет полная луна. У меня будет впереди вся ночь, чтобы исполнить мою прекрасную работу. Луч бледного света осветит ее красивое лицо. Я посмотрю на нее в последний раз, как смотрел на всех остальных. Я снова увижу испуганное лицо маленькой Мэри Кинсли, пятерых сирот, бедной старушки Эммы Варне, дочери леди Барнингтон и прекрасного малыша судьи Ричмонда.

Я медленно введу в ее вену парализующий яд. Укол, возможно, разбудит ее, но она не сможет ни крикнуть, ни позвать на помощь. Будет слишком поздно, яд уже подействует. Она откроет глаза, ошалелым взглядом посмотрит на меня. Она все поймет, но будет нема, будто принимая свою жестокую судьбу.

Она не будет мучиться, по крайней мере, не будет мучиться сильно. В любом случае она не сможет это выразить».

Холмс сглотнул и продолжил бесцветным голосом:

«Затем я положу ребенка ей на живот. Ужас сведет ее лицо. Быть может, это заставит ее в последний раз вздрогнуть. Инстинкт сохранения, а также материнский инстинкт. Что бы там ни было, я сделаю ей следующий укол. Я всегда смогу успокоить ее, если первой дозы окажется недостаточно.

Я подложу много подушек под ее голову, чтобы она смогла наблюдать за медленной агонией ее ребенка, как за спектаклем. Какую прекрасную сцену я предложу ее вниманию! Надеюсь, она будет мне признательна. Мне, которому не суждено было увидеть, как рождается мой собственный ребенок.

Конечно, я не забуду взять немного ее крови и перелить в сосуд, ведь я проделывал это и с другими. Это позволит мне любоваться моим творением до конца моих дней.

Наконец, завершив дело, я выйду сквозь стену в пустоту моего существования.

После моего ухода несчастная всю ночь будет истекать кровью, окруженная тишиной и парализованная страхом, созерцая свой вспоротый живот.

Однако я не монстр. Не думайте, что меня забавляет убивать невинных. Я всего лишь выполняю свое предназначение. Поскольку Бог не услышал мои молитвы, я стал искать справедливости у дьявола. Я сломаю жизнь тем, кто сломал мою. Он убил мою несчастную

Эмили, мою нежную, хрупкую возлюбленную, с огненно-рыжими кудряшками и взглядом, полным надежды. Я хочу, чтобы он познал ад. Смерть – слишком мягкое возмездие для подобного убийцы.

Его несчастная жена расплатится за него.

Может быть, она еще будет в сознании, когда он увидит ее ранним утром, с пустыми глазами, будто она подверглась чудовищному ритуалу. Она умрет под беспомощными взглядами ничтожных спасателей. Вы же сами говорили, что бессильны против дьявола, мистер Холмс!»

Миссис Хадсон перекрестилась и торопливо вышла из гостиной, оставив посетителя в грязных ботинках, принесшего весть о смерти.

Последовала непроницаемая тишина. Я попытался собраться с мыслями.

– Какой ужас, Холмс. Он собирается убить беременную женщину.

– Все намного хуже, Ватсон. Если верить ему, несчастная будет наблюдать за смертью собственного ребенка, вынужденного из чрева раньше срока.

Самюэль Боктон достал из конверта большой красочный рисунок и дрожащей рукой протянул его Холмсу.

– Это пришло вместе с письмом.

Мой друг некоторое время изучал рисунок при помощи лупы и содрогнулся.

– Бог мой, какая жуткая реалистичность.

Он обреченно опустил лупу.

Я посмотрел на рисунок. На нем была представлена богато обставленная комната, с тяжелой красно-золотой обивкой. На кровати в луже крови лежала женщина, во взгляде ее читался ужас. На руках она держала мраморное тело мертворожденного ребенка. В большом камине горел огонь, над камином висела семейная картина, по бокам от нее – большие серебряные подсвечники. Огромный гобелен, представляющий буколическую сцену, украшал правую часть очага.

Директор «Фантастики» выпрямился, как дикий зверь, готовый к прыжку.

– Надо действовать.

Холмс соединил кончики пальцев.

– Я не вижу как. Разве только предупредить всех беременных женщин Англии, что этой ночью их могут убить.

– Можно попытаться попросить все газеты и журналы опубликовать этот текст и рисунок, – предложил я.

– Нет, Ватсон; у нас нет времени, чтобы обратиться в газеты и журналы даже одного Лондона, их несколько тысяч. Более того, если верить автору письма, драма разыграется ближайшей ночью. А наш текст в лучшем случае опубликуют лишь завтра утром.

Самюэль Боктон ходил взад и вперед по комнате, прижав руку ко лбу. Внезапно он остановился.

– По крайней мере, нужно предупредить полицию. Они могут зайти в каждый дом и до рассвета успеть распространить информацию.

– В Лондоне более четырехсот тысяч домов, не говоря о меблированных комнатах. Потребуются недели, чтобы зайти в каждый дом. Более того, в письме даже не говорится, что драма произойдет в Лондоне.

Снова наступила тишина.

Волк внезапно сощурил глаза. Его взгляд стал беспокойным.

– Как вы думаете, что может означать эта фраза: «Вы же сами говорили, что бессильны против

дьявола, мистер Холмс!»?

- У меня нет ни малейшего представления.
- Будто убийца бросает вам личный вызов.
- Что заставляет вас так думать?
- Вас ведь зовут Холмс, насколько мне известно.
- Так же, как и Майкрофта.

Ночь казалась бесконечной. Я долго оставался у камина, смотрел, как в нем танцует огонь, я не мог ни заснуть, ни сосредоточиться на чем бы то ни было. Холмс сжимал зубами трубку, хотя она давно погасла. Его лицо выдавало внутреннее напряжение.

Мои мысли стали путаться. Но я боролся, оттягивая момент неизбежного сна. Нелепый вопрос возник у меня в голове:

- Холмс?
- М-м-м...
- Какая невероятная интуиция подсказала вам, что к нам идет не Лестрейд, а Боктон?
- Перестаньте наделять меня сверхъестественными способностями, Ватсон. Я не колдун и не пророк. Я видел нашего посетителя из окна, вот и все.

Мне стало стыдно, что я оказался неспособным проявить такую элементарную наблюдательность.

Другая мысль возникла у меня. А что, если убийца совсем рядом с нами? Что, если его присутствие настолько очевидно, что мы не замечаем его? Что, если нам не хватает элементарной наблюдательности, чтобы вычислить и поймать его?

День едва начал заниматься. Погода обещала быть скверной. Густой желтоватый туман душил столицу. Мрачное бездушное солнце пыталось заявить о своем присутствии, пробиваясь сквозь вихри и водовороты тумана. Первые магазины открывали свои двери, бросая лучи бледного света во влажную атмосферу улицы. Лондон был похож на мимолетный призрак, на плод больного воображения какого-нибудь декадентского художника. Внезапно разразилась буря. Через несколько секунд дождь с невероятной силой забарабанил в наши окна.

Мы сидели за столом, Холмс и я, без всякого аппетита поглощая завтрак. Наши головы раскалывались от бессонницы. Внезапно раздавшийся шум заставил нас подскочить. Послышался пронзительный крик миссис Хадсон и грохот на лестнице. Промокший и запыхавшийся силуэт, что-то между утомленным сыщиком и вымокшей тряпкой, возник перед нами.

– Холмс. Леди Сен-Джеймс...

Мой друг устало посмотрел на меня.

– Одевайтесь, Ватсон. Приготовимся столкнуться с ужасом в его самом крайнем проявлении.

В экипаже Лестрейд не произнес ни слова. Его лицо было искажено. Я никогда не видел его таким. Он много раз вытирал глаза и шмыгал носом во влажный рукав. Были ли это капли дождя или слезы?

Мы не осмеливались нарушить эту болезненную тишину. Я еще попытался убедить себя в том, что рассказ, опубликованный в «Фантастике», – всего лишь грубая шутка. Мои надежды рухнули, когда мы все увидели. Комната до малейших деталей походила на рисунок, который принес Боктон. Все было на месте, вплоть до цвета занавесок и большой буколической фрески справа от камина. Картина над камином и два подсвечника. Не приходилось сомневаться в том, что убийца хорошо знал это место.

Несчастная билась в агонии, лежа в окровавленной постели. Ее не трогали, боясь, что она скончается от ужасных ран. Многочисленные врачи толпились у ее изголовья, пытаясь сохранить тонкую нить, державшую ее жизнь. Ее лиловые губы выделялись на трупной белизне кожи. Ее взгляд блуждал между миром живых и миром мертвых.

Холмс почти по-дружески похлопал Лестрейда по плечу.

– Объясните же нам, что здесь произошло, старина.

Лестрейд несколько раз пытался заговорить, но слова не шли. Он подбородком указал на врача.

Доктор, маленький человечек с утомленным взглядом и лохматой шевелюрой, взял нас в оборот.

– Горничная обнаружила ее сегодня рано утром. Плод был изъят из ее чрева при помощи ножа для вскрытия. Несчастной ввели отраву, чтобы помешать ей сопротивляться этой чудовищной операции. На ее правой руке мы обнаружили следы уколов и шприц на ночном столике.

Я вспомнил текст из «Фантастики»: «Итак, я медленно ввожу в ее вены паралитический яд. Укол, возможно, разбудит ее, но она не сможет ни вскрикнуть, ни позвать на помощь. Будет уже слишком поздно, яд начнет действовать».

Врач сглотнул и вытер со лба пот.

– Убийца ввел ей парализующую смесь, такую, какую используют индейцы Амазонки, чтобы обездвижить добычу. Смесь парализует жертву, она не может ни кричать, ни двигаться. Но сознание ее остается абсолютно незамутненным.

– А где ее муж? – низким голосом прервал Холмс.

Врач указал взглядом на мертвенно-бледного человека, стоящего у кровати.

– А ребенок? – спросил я.

– Плод не выжил. За двадцать лет практики я не сталкивался с такой жестокостью.

Несчастливая сжимала в руках маленький труп. Видели бы вы выражение ее глаз... Это ужасная смесь страха, беспомощности и отчаяния.

– Она выживет? – спросил Холмс.

– Нет. Она потеряла слишком много крови. Ей осталось всего несколько минут. Мы ввели ей большую дозу морфия, чтобы она больше не страдала.

Врач дрожал. На его лбу блестели капли пота.

– И еще. – Он набрал воздуха. Его голос дрожал. – Ребенок, на его груди был начертан перевернутый крест.

Тошнота подступила к моему горлу. Это было что-то вроде обморока. Я увидел, как в ускоренной съемке, последовательность событий, сопровождавших эту драму. Вдобавок ко всему монстр своей пагубной печатью пометил создание, которое еще не видело дневного света. Только приспешник сатаны, вырвавшийся из мрака безумия, мог совершить это кощунство.

Воцарилось долгое молчание.

Холмс приблизился к доктору и спросил, указывая взглядом на несчастную:

– Она еще может слышать?

– Думаю, да.

Мне показалось, что губы бедной женщины слегка дрогнули.

– Она пытается что-то сказать!

Холмс подошел к умирающей.

– Вы знаете убийцу? Если да, моргните один раз, если нет, два раза!

Она моргнула один раз.

– Это ваш муж? – спросил Лестрейд, движимый болезненной интуицией.

Вдруг она посмотрела на камин, в противоположную сторону от той, где стоял ее муж. Ее взгляд остановился. Я пощупал пульс. Ниточка оборвалась.

Холмс поспешил к камину.

– Она посмотрела на камин, будто желая показать нам что-то.

– Может быть, в камине есть тайный ход? – поспешил спросить я.

Холмс не слушал меня. Он бросился на землю под потрясенными взглядами присутствующих. Мгновение он разглядывал пол через лупу, держа ее в нескольких сантиметрах над поверхностью, а затем направился к фреске, украшавшей правую сторону камина. Вдруг он поднялся, ощущал камень очага и просунул руку в каминную трубу. Мы следили за его движениями, ничего не понимая.

Внезапно панно, на которое была нанесена буколическая фреска, скользнуло вдоль стены и открыло потайной ход, выдолбленный в толще стены, возможно, на месте древней двери, заколоченной и забытой.

Там мы обнаружили ночную рубашку, перепачканную свежей кровью, и длинный нож, оставленные убийцей.

Лестрейд подпрыгнул, но овладел собой.

– Владелец этой ночной рубашки – убийца. Давайте же действовать, Холмс! Вам на смену идет полиция!

Ищейка поднял рубашку и прочел: «Уильям Сен-Джеймс». Жестом, которому он стремился придать как можно больше театральности, Лестрейд указал на лорда Сен-Джеймса.

– Я арестовываю вас за убийство вашей жены и ребенка, которого она носила.

Лорд Сен-Джеймс поднял искаженное страданием лицо. Его глаза покраснели от слез. В течение долгих томительных часов он плакал у постели жены. Меньше всего он походил на убийцу. Он смотрел на нас сквозь слезы, потом упал на колени рядом с кроватью умершей и положил голову на бездыханное тело.

Арест лорда Сен-Джеймса стал новостью номер один в газетах.

Лестрейд снисходительно рассказывал прессе о результатах своего расследования. Он отвечал на все вопросы. По его мнению, окровавленная одежда, найденная в потайном ходе, указывала на лорда. И на своем смертном одре жертва сама обвинила его, указав взглядом на потайной ход. Мотив убийства? Лестрейд не терял самоуверенности. Будут продолжать искать. Лорд Сен-Джеймс признался в преступлении? Нет. Он такой же трус, как и остальные. А что означает перевернутый крест на груди ребенка? Синдром Булбала. Эта отметина была нанесена умышленно, чтобы подозрение пало на Марка Дьюэна. Все сходилось.

На внутренних страницах газет другая новость осталась почти незамеченной. Знаменитый маг Гарри Гудини объявил, что покидает Англию на следующий день после великого прощального вечера. Он благодарил лондонскую публику за теплый прием и отдавал должное столице Англии, подарившей ему вдохновение и материал для будущих спектаклей. Он объявил, что собирается продолжить европейское турне по Парижу и Риму, перед тем как вернуться в Соединенные Штаты.

Один вопрос постоянно волновал меня. Кому было адресовано письмо, в котором сообщалось о последнем убийстве? Майкрофту или Шерлоку Холмсу?

«Вы же сами говорили, что бессильны против дьявола, мистер Холмс».

Внезапно мне вспомнилась другая фраза. Ее произнес Самюэль Боктон, директор журнала «Фантастика»: «Порядочные граждане любят дрожать, сидя у камина, вжавшись в любимые кресла, в то время как кого-то потрошат в грязи лондонских мостовых. Посмотрите, какой успех имеют „Франкенштейн“, „Странная история доктора Джекила и мистера Хайда“ и „Дракула“! А что уж говорить о „Собаке Баскервиль“, доктор Ватсон? Разве это не дьявольское произведение?»

Неужели ответ в «Собаке Баскервиль»? Смутное воспоминание родилось во мне одновременно с ужасным предчувствием. Я поспешил к номерам «Стрэнда», в которых была опубликована эта повесть. Глава 1: «Мистер Шерлок Холмс», никакого намека на Дьявола. Глава 2: «Проклятие рода Баскервиль», опять-таки никакого намека. Глава 3: «Проблема», страница 3. Мое сердце было готово вырваться из груди, когда я читал этот отрывок:

«– А вы, человек экспериментальной науки, вы верите в то, что речь идет о сверхъестественном феномене?– Я не знаю, что и думать. Холмс пожал плечами.– До настоящего времени я ограничивал свои расследования этим миром, – сказал он. – Я лишь скромно боролся со злом; но вступить в бой с самим дьяволом могло бы стать делом довольно претенциозным...»

Мое предчувствие переросло в убеждение. Убийца обращался напрямую к моему другу. Он знал его и открыто провоцировал.

Я поделился своим открытием с Холмсом.

Его взгляд стал странным. Крошечный мускул заиграл у его правого глаза. Легкая дрожь стала заметна в уголках его тонких губ. На какой-то миг у меня сложилось впечатление, что он хочет мне в чем-то признаться. Но его лицо осталось непроницаемым. И он пожал плечами, точно так же, как в только что прочитанном отрывке. Какой странный человек...

Несколько недель спустя Алистер Кроули покинул туманный Альбион. Он сообщил Холмсу, что собирается осесть в Португалии, чтобы основать там новую секту. Он утверждал, что обрел наконец внутреннее спокойствие и навсегда покидает Лондон.

Я был хорошо знаком с приступами депрессии у моего друга и даже привык к ним, точнее, смирился с ними, так и не найдя для них адекватного решения. Но на этот раз все было по-другому. Холмс замкнулся в себе. Он стал крайне раздражителен.

Я знал, что он страдает оттого, что не смог найти решение ужасных загадок, с которыми нам пришлось столкнуться.

Наркотики сделались его единственным утешением. Вне сомнения, он надеялся найти в них ответы на свои вопросы. Я начал опасаться за его моральное и физическое здоровье. У него больше не было прежней выносливости. Злоупотребление наркотиками должно было рано или поздно сказаться на его интеллектуальных способностях.

Холмс с самого утра закрылся в своей комнате, набрав целую кипу газет и журналов. Плотность дыма, проникавшего сквозь закрытую дверь, говорила о том, что он работал без передышки. В конце дня дверь резко отворилась. Мой друг, все еще в халате, был похож на призрака.

За обедом миссис Хадсон побаловала нас своими самыми лучшими блюдами, от которых мой друг был без ума. Вместо того чтобы обрадоваться и поблагодарить хозяйку, он и не притронулся к тарелке, осыпав бедную женщину незаслуженными упреками. Обед продолжался в тягостном молчании. Я не осмеливался заговаривать с ним, боясь вызвать его неудовольствие или помешать ходу его мыслей. Я знал, что он полностью погружен в свои размышления. Видя его измученное лицо, я решил попытаться вразумить его.

- Холмс, мне бы очень хотелось переговорить с вами.
- А мне не очень, - отрезал он.
- Однако это необходимо. Не скрою, ваше здоровье сильно беспокоит меня.
- Позаботьтесь лучше о своем.
- Я врач и без труда справляюсь с лихорадкой, которая мучает меня. А вот наркотики...
- Кто дал вам право судить меня?
- У меня и мысли не было, Холмс. Просто я хочу помочь вам.
- Я что, прошу вашей помощи?
- Нет, но я...
- Все, чего я хочу, это покой.
- Во имя нашей старой дружбы...

Холмс пренебрежительно махнул рукой.

- Ну давайте поговорим о нашей старой дружбе!
- Что вы хотите этим сказать?
- Наша так называемая дружба настолько стара, что уже бьется в агонии.
- Я не понимаю.
- Знаю, Ватсон. Это ваша особенность.

На этот раз он зашел слишком далеко. Я решил ответить в таком же тоне. Но мне удалось унять гнев и овладеть собой. Зачем распалиться? Нужно относиться к нему с состраданием, не забывая, что он болен. Врач одержал во мне верх над человеком.

- Ну чем я провинился? Разве я сказал или сделал что-то обидное или неприятное?
- Нет, ничего.
- Тогда что же?

– Вот именно в этом я вас и упрекаю, Ватсон. Вы никогда не брали на себя ни малейшей инициативы, не демонстрировали ни малейшего присутствия духа. Вы – груз, привязанный к моим ногам. Груз, который у меня больше нет сил тянуть. Вы – неудобный свидетель, ненужный докладчик моих жалких подвигов.

– Я всегда старался как можно лучше исполнять свою роль биографа.

– Не сомневаюсь, Ватсон, но этого очень мало. Вы можете написать своим читателям, что наша очень старая дружба завершилась сегодня. Мне трудно признаться, что я слишком долго терпел ваше инертное присутствие. Рядом с вами я чувствую, что деградирую.

Ком подступил к моему горлу. Я не мог ничего ответить. Еще никогда я не слышал от своего товарища таких едких слов. Конечно, несколько раз он проявлял по отношению ко мне крайнюю раздражительность и иногда тиранически обращался с окружающими его людьми, но его слова не были такими злобными.

Не оставалось никакого сомнения в том, что Холмс болен. В нем произошла трансформация. Неужели контакт с Кроули так сильно изменил его поведение? Какому гипнозу подверг моего друга этот дьявол? Они проводили вместе много времени. Было очевидно, что мой друг перенял некоторые идеи Кроули. Удалось ли им обнаружить многочисленные точки соприкосновения? Наркотики, наверное, помогают лучше понять друг друга. Нашел ли Холмс в Кроули свое негативное альтер эго, своего болезненного двойника?

Между нами повисла тяжелая тишина. Наконец Холмс внезапно поднялся.

– Ваше присутствие довело меня до такого невыносимого состояния, что я решил отправиться в деревню и никого больше не принимать.

– Вам требуется уход, – попытался настаивать я. – Если уж вы не хотите выслушать совет друга, выслушайте, по крайней мере, совет врача. Вы будете время от времени сообщать своим близким о состоянии вашего здоровья?

– Моим близким?

– Вашему брату Майкрофту, например.

– Майкрофт никогда не проявлял обо мне ни малейшей заботы и никогда не думал о моей персоне. И это взаимно. Он мне более чужой, чем вы.

Аргументов у меня не осталось.

– Вы же не собираетесь жить как затворник, Холмс. Подумайте об общественном мнении, о вашей карьере.

– Я хочу быть единственным ответственным за свои действия перед Богом и перед дьяволом. Вы можете записать это и повторять каждому, кому захотите, Ватсон.

Наша маленькая квартирka показалась мне пустой без шумного и беспокойного присутствия моего друга. Конечно, время от времени мой издатель, Джордж Ньонс, а также наш друг нотариус и литературный агент Лондон Кайл, самый верный друг, навещали меня. Они демонстрировали большое понимание и проявили сострадание ко мне, будто я на самом деле потерял дорогого мне человека. Но признаюсь, что их компания не могла заполнить пустоту, оставленную Шерлоком Холмсом.

Они были всерьез обеспокоены отсутствием Холмса. Мэтр Олборн не мог понять причины его поспешного отъезда и задавал мне бесчисленные вопросы: где он сейчас? Здоров ли? Отошел ли он от дел? Над чем сейчас работает? В каком состоянии наши отношения? Нужно было все им объяснить. Не умея лгать, я предпочел сказать правду во всей ее простоте. Да, Холмс назвал меня мертвым грузом и решил положить конец нашей дружбе, которую назвал «бьющейся в агонии». Он не хотел никого видеть, даже собственного брата. Ему необходимо уединение, чтобы вновь обрести самого себя. Мэтр Олборн казался очень разочарованным. Мы все были разочарованы.

Шли месяцы. Пришла весна, за ней лето. Моя лихорадка исчезла без следа. Лондон Кайл, который уже очень давно не практиковал медицину, заявил, что подобная лихорадка была не чем иным, как психосоматической реакцией организма на стресс от пережитых вместе с моим другом событий. Иногда я спрашивал себя, откуда он все это взял.

Невероятное событие всколыхнуло всю Англию, будто взорвалась бочка с порохом; Марка Дьюэна задержали. Его фото красовалось на первых страницах всех газет, рядом с фотографией Лестрейда.

Полицейский торжествовал. Лондон наконец освободился от этого бедствия в человеческом обликии. Лестрейд стал национальным героем. Скорее, правда, местным героем.

Вот интервью, которое он дал журналисту «Таймс». Привожу его целиком:

«– Как вам удалось поймать Марка Дьюэна, мистер Лестрейд?

– Современная полиция располагает новейшими методами. Страница эмпиризма перевернута, не в обиду будь сказано его поклонникам.

– Это означает, что, чтобы добиться такого результата, вы пользовались новейшей техникой?

– Совершенно верно, молодой человек. Кроме того, был еще портрет, созданный на основе свидетельских показаний и старых фотографий Дьюэна. Мы распространили портрет по всей Англии, всеми средствами, которые могли быть увидены или прочитаны наибольшим количеством граждан. Мы обработали десятки свидетельских показаний. Большинство из них повело нас по ложному следу. Но однажды мы вышли на человека, скрывавшегося под гротескным псевдонимом Фред Стаффа.

– А где вы нашли этого... Фреда Стаффа?

– В маленькой деревушке Брейкстоун, расположенной к северу от Лондона. Он выдавал себя за пастуха.

– Можете рассказать, как вы арестовали его?

– О, это было очень легко. Угрожая ему своим пистолетом, я сказал: „Здравствуйте, Дьюэн! Вот мы вас и нашли“. Он разыграл удивление и не оказал никакого сопротивления.

– Как вы определили, что это Марк Дьюэн?

– А вот это было совсем не просто. Пастух оказался ловким и скрытным. Он утверждал, что не умеет ни читать, ни писать, что никогда не изучал право, впрочем, как и ничто другое. Это показалось мне подозрительным.

– Однако если он и в самом деле пастух?

– Невозможно! Мы показывали его многим свидетелям, и они узнали его.

– Каким свидетелям?

– Назову одного из самых значительных – Балтимор Компостел, директор тюрьмы Миллбэнк. Но это еще не все. Мы отправили этого человека в Миллбэнк и подвергли его обстоятельному допросу.

– Кто его допрашивал?

– Компостел и его люди. Для таких дел у них существует особая техника. Им удалось достичь замечательных результатов.

– Он наконец сознался?

– Да, но не сразу. Для этого потребовалось три недели, это настоящий рекорд.

– Он подписал свои показания?

– Нет, он до последнего утверждал, что не умеет писать. Он всего лишь поставил крестик под своим именем. Я же говорил: этот Дьюэн – крепкий орешек».

Стафф-Дьюэн был осужден на следующий день после ареста и повешен через день.

Лестрейд был назначен шефом лондонской полиции. История, кажется, оправдала его, поскольку больше не было совершено ни одного кровавого преступления.

Шли годы. Эти ужасные убийства больше никого не интересовали. Лондон пережил их. Они стали частью городской легенды. Марка Дьюэна вскоре забыли.

Спустя долгое время после этих событий я прочел однажды в газете тревожную новость: дела Шерлока Холмса очень плохи. Его здоровье резко ухудшилось, и, по информации надежного источника, он вряд ли переживет зиму. Я не знал, какие надежные источники имелись в виду, но не мог оставаться равнодушным. Я решил сам во всем убедиться и нанести, может быть, последний визит моему другу. Я всегда уважал его уединение, но прошло много лет, и я был уверен, что он примет меня.

Мне был известен его адрес, поскольку всегда можно было проследить за его почтой.

Всего час езды в поезде – и я оказался в маленькой деревушке Кенвуд. Экипаж довез меня от вокзала до жилища моего старого друга. Маленький домик, мрачный и довольно запущенный, затерялся на отшибе, в нескольких километрах от деревни. Сад перед домиком был запущен, а сарай для садового инвентаря, казалось, давно стоял без всякой надобности.

Дверь отворил не слишком разговорчивый слуга. На нем был огромный коричневый передник, как у кузнеца. Рубаха сомнительной чистоты была затянута у шеи платком. Он больше походил на старого каторжника, чем на лакея. Не говоря ни слова, он провел меня в гостиную, загроможденную разнообразными покрытыми пылью предметами, безликими остатками бурного прошлого. Было очевидно, что всего этого никогда не касалась женская рука. Восточный хлам, китайские вазы, фармацевтические сосуды, африканские и бронзовые маски лежали рядом с диковинными инструментами и механизмами, о назначении которых я и не догадывался.

Ожидание показалось мне бесконечным. Зато я успел рассмотреть эту комнату, больше напоминавшую лавку старьевщика, нежели жилую гостиную. Штукатурка на потолке облупилась, лепка осыпалась. Большинство паркетных досочек было продавлено. Обои выцвели, а полинявшие шторы покрыла пыль. На стенах висело несколько картин в рамах. В мерцании свечей они, казалось, не имели возраста.

Несколько раз мне приходила в голову мысль перенести визит. Но мое терпение было вознаграждено.

Поздней ночью Холмс наконец вернулся. Его глаза метали молнии. Его волосы поседел. Похудевшее лицо обрамляла небольшая бородка. Он казался очень взволнованным, будто приближался к разгадке сложной тайны. Он прошел мимо, не заметив меня, держа в руках предмет сферической формы, завернутый в джутовую ткань. Не знаю почему, но эта вещь повергла меня в ужас. Запах смерти витал в воздухе. Я чувствовал, как во мне рождается тяжелый, неконтролируемый страх, тот панический страх, который мы ощущаем перед неизвестным и необъяснимым. Блестящий лихорадочный взгляд моего друга заставил меня похолодеть. Какие демоны преследовали его? Какие жуткие замыслы блуждали в его больном рассудке?

Не произнеся ни слова, он поставил пакет на стол рядом с подсвечником и поспешил в

соседнюю комнату, будто в поисках чего-то необходимого.

Непреодолимое любопытство заставило меня заглянуть в пакет. Я приподнял кусочек тряпки. Из-под холста на меня смотрел кишачий паразитом глаз, из которого текли слезы.

Я пережил настоящий кошмар. Мой мозг отказывался соображать.

Меня сковал страх. Кровь стучала в висках. Я изо всех сил старался не упасть в обморок. Я взял себя в руки и сказал себе, что это всего лишь галлюцинация. И опять любопытство возобладало над страхом и отвращением. Я откинул ткань и увидел чудовищно изувеченную и разложившуюся человеческую голову. Невозможно было сказать, голова это мужчины или женщины. Каким чудовищным пыткам подвергся ее владелец? Кто мог совершить такое отвратительное преступление? Мое дыхание участилось. Внезапно я ощутил прикосновение чего-то ледяного к моей спине. Дрожь пробежала по моему телу. Я резко обернулся и увидел перед собой Холмса. Он показался мне огромным, а его тощие руки – непропорционально длинными. Его глаза сверкали так, будто сквозь них смотрел приспешник дьявола. В правой руке он держал нож для вскрытия трупов. В левом глазу пульсировал крошечный мускул.

На мертвенно-бледном лице читались следы безумия.

У меня перехватило дыхание. Я не мог ни говорить, ни сглотнуть. Понял ли он, что я заглянул в пакет? Что он собирался делать с его содержимым? Я был уверен, что этот нож предназначался для меня.

Я попытался подняться и, едва передвигаясь, парализованный страхом, дошел до входной двери. Яростный порыв ветра ударил мне в лицо. Шел проливной дождь. Молнии рассекали небо на горизонте. Я бросился бежать, чтобы поскорее увеличить дистанцию между собой и адом.

Еще долго меня преследовал демонический хохот Холмса.

«Ватсон, куда вы бежите, Ватсон?!»

«Ватсон...» – повторило невероятное эхо.

Я бежал, останавливаясь лишь изредка на несколько секунд, чтобы отдышаться.

А голос Холмса все продолжал звучать мне в спину: «Ватсон! Ватсон!»

Наконец я добежал до деревни Кенвуд и поспешил к первой же таверне, чтобы выпить чего-нибудь крепкого. Переступив порог, я остановился, сраженный табачными испарениями, заполонившими атмосферу. Мои ноги дрожали после столь длительной пробежки. При голубоватом свете двух газовых светильников я разглядел паб, битком набитый разношерстной публикой. Показалось, что меня окружают пугала. Расталкивая их локтями, я прошел к бару и велел налить напиток с эфирным запахом. Я выпил его одним махом. Огненная струя обожгла горло и пробуравила желудок. Однако эта смесь разогнала мою кровь и позволила овладеть собой. После пятого стакана ноги перестали дрожать, но я еле ворочал языком, и в голове все смешалось.

Солнечный луч осветил мне лицо. Голова раскалывалась от жестокой мигрени. Я понял, что лежу дома, в своей кровати. У изголовья стоит миссис Хадсон со стаканом в руке.

– Ваш друг доктор Лондон Кайл порекомендовал вам выпить это, доктор Ватсон.

– Как... как я оказался здесь?

– Только вы сами можете это сказать, – с упреком сказала наша хозяйка.

Я хотел убедить себя в том, что все это было лишь кошмаром, что я не выходил из этой комнаты, что Шерлок Холмс навсегда останется величайшим сыщиком, с которым я пережил столько замечательных приключений. Но на этот раз я знал, что это была не галлюцинация.

Некоторое время спустя после этого визита Холмс прислал мне короткое письмо, в котором требовал, чтобы я передал ему эту повесть целиком. Я сделал это без промедления, радуясь возможности расстаться с этим гнусным делом.

Так кончается рассказ доктора Ватсона, временно озаглавленный «Ужас над Лондоном».

Часы, которые отсчитывали минуты за нашими спинами, не могли отвлечь наше внимание – так мы были поглощены чтением этой повести. Даже Лестрейд прекратил ворчать и округлял глаза при каждом неожиданном повороте событий. Как и все мы, он по-новому взглянул на это дело.

Мэтр Олборн прервал чтение, протер пенсне и пальцами помассировал кончик носа. Затем он налил в стакан свежей воды и выпил ее жадными глотками. Майкрофт Холмс потянулся, как медведь, очнувшийся от зимней спячки, и, зевая, посмотрел на часы.

– Уже утро.

Несложно было подсчитать, что нотариус читал уже пятнадцать часов. Немного меньше, если вычесть перерывы на трапезу. Вполне понятно, что ему необходимо утолить жажду и передохнуть.

Опираясь на трость, я поднялся с кресла и сделал несколько шагов.

Лестрейд повторил мои движения и снова начал разговор:

– Этот рассказ принимает тревожный оборот. Сцена в Пандемониуме заставила меня покрыться мурашками. Более того, я не знал истинных причин ухода Шерлока Холмса. Лишь теперь я узнал правду.

Майкрофт Холмс удивленно посмотрел на него.

– Похоже, это удалось лишь вам одному.

– Я понимаю, что это не завещание, а откровение. Должен признать, что со временем некоторые дела оказываются намного сложнее, чем я думал.

Полицейский сощурился, что сделало его еще больше похожим на крысу.

– Шерлоку Холмсу должно было быть что-то известно...

Майкрофт Холмс нахмурился.

– На что вы намекаете, Лестрейд?

– Это же ясно, ваш брат был в ненормальном состоянии.

– Мой друг никогда не терял своих умственных способностей, – сказал я.

– Я не это имел в виду. Я только утверждаю, что у него было двойственное поведение, которое напоминает мне, как Джекил превращался в злобного Хайда. Это не сумасшествие, а раздвоение.

Я подскочил.

– Вот и вы упомянули о раздвоении, Лестрейд! А ведь вы были первым, кто упрекнул меня в том, что я написал об этом феномене в предыдущих главах.

– Я не изменил своего мнения. Опыт Розы Кроули завершился драматической неудачей. Я говорю о раздвоении личности. Полиции хорошо известен этот феномен, поскольку она с ним сталкивается ежедневно. Человек может внезапно стать жестоким и полностью изменить поведение под воздействием алкоголя или наркотиков. Он может совершить ужаснейшие преступления и ничего об этом не помнить. Теперь я убежден, что Шерлок Холмс отправился на расследование своих собственных преступлений.

Мэтр Олборн задумался.

– Как нотариус, я, читая эту повесть, задавался вопросом: имеем ли мы дело с завещанием или с признанием? Каково ваше мнение, доктор Ватсон?

– Должен признать, что в последнее время нашего сотрудничества мой друг не был таким, как прежде. Последний визит к нему был для меня настоящим потрясением. Мне стыдно говорить об этом, но мне хотелось бы вычеркнуть это из своей памяти, чтобы только не обвинить моего друга. Я убежден, что он был болен и сильно страдал.

Лицо Лестрейда омрачилось.

– То, что вы говорите, очень серьезно, доктор Ватсон.

– Серьезно?

– Да, факты позволяют нам утверждать, что вы могли быть соучастником преступления. Это также объясняет, почему эта рукопись так долго оставалась в тайне.

Разговор принял совершенно неожиданный оборот.

– Соучастником? Вы обвиняете меня в убийстве, Лестрейд?

– Вы сами рассказали нам, что ваш друг прогуливался с человеческой головой под мышкой и что вы не сообщили об этом полицию. Нам есть в чем упрекнуть вас. – Лестрейд нахмурил брови, сясь сосредоточиться. – Да, все так. Ваше молчание свидетельствует о вашей причастности.

Обстановка стала напряженной. Три пары глаз смотрели на меня, требуя объяснений. Мне как можно скорее нужно было отразить удар.

– Вы бредите, старина. У вас нет ни малейшего доказательства против меня.

– Напротив. Нужно всего лишь перефразировать самого Шерлока Холмса. Ваш друг упрекал вас в том, что вы не брали на себя ни малейшей инициативы, ни в какой ситуации не проявляли присутствия духа. Для него вы были всего лишь грузом, привязанным к ногам, грузом, тащить который у него больше не было сил. Разве он не так сказал?

– Так. И что же?

– Я продолжу. Рядом с вашим другом вы всегда испытывали комплекс неполноценности. Это ясно, как день и читается между строк даже в самом безобидном вашем рассказе.

– Чепуха! Наше сотрудничество находилось в прекрасном равновесии. Я никогда не пытался сравнивать себя с ним.

– Неправда, доктор Ватсон! Вы восхищались Шерлоком Холмсом и страдали оттого, что были явно слабее его. Он превосходил вас во всем. Сознание этого стало для вас невыносимым, и вы захотели побороть его на его собственном поле. И придумали эти страшные преступления.

– Я не совершал этих преступлений!

– Да, вы сделали умнее: вы заставили Шерлока Холмса совершить их.

– Это всего лишь ваши домыслы, мой бедный Лестрейд.

Полицейский выглядел очень уверенно. Его обвинительная речь звучала все более безжалостно.

– Вы написали, что вам удалось определить раствор кокаина вашего друга, не так ли?

– Конечно. Моей целью было постепенное уменьшение дозы, чтобы окончательно вывести яд из его организма.

Лестрейд прищурил глаза.

– А если все было наоборот, доктор Ватсон?

– Наоборот?

– А что, если вы понемногу увеличивали дозы, чтобы уничтожить его и сделать из него своего раба?

– Замолчите, Лестрейд!

Майкрофт Холмс жестом попросил Лестрейда продолжать его рассуждения.

– Пользуясь его же средствами, вы превратили вашего друга в галлюцинирующего зомби. В таком состоянии он мог совершить самые ужасные убийства. А вы ему помогали.

– Это абсурд!

– Правда режет глаза, Ватсон.

Лестрейд стоял передо мной, напоминая сварливого петуха.

– Это еще не все. Вы описали эти события в вашей личной тетради и отправили Шерлока Холмса на поиск убийцы. Разве ваш друг не заявлял, что только один человек, идеально владеющий его методами, мог совершить преступления, не оставив после себя ни одной улики? Кто лучше самого Шерлока Холмса мог владеть этой техникой?

В обычное время я, возможно, и дал бы ему нужный отпор, но сейчас, изможденный бессонной ночью, я не мог найти ни единого аргумента, чтобы возразить ему.

– Мой брат не убийца! – внезапно сказал Майкрофт Холмс. – Под действием наркотиков или без них он не мог совершить эти преступления. Давайте лучше подумаем, кому они принесли выгоду.

Такой поворот дал мне возможность овладеть собой и подготовиться к контратаке.

– Да. Майкрофт Холмс прав. Я обращаю этот вопрос к вам, Лестрейд: кому были выгодны эти убийства? – спросил я полицейского.

Тот пожал плечами.

– Не нужно менять тему, доктор Ватсон. Вам прекрасно известно, что эти убийства никого не обогатили.

– Но кто говорит о деньгах? Разве вы не получили личной выгоды от этих преступлений?

– Теперь вы меня обвиняете?

– Да. Вас назначили главой лондонской полиции. Вы достигли высшей ступени, о которой так давно мечтали. Пресса назвала вас национальным героем, поскольку вы избавили Англию от жестокого убийцы. Чего еще мог хотеть простой полицейский Лестрейд?

– Абсурд! – возмутился он.

Теперь уже Лестрейд оказался в центре внимания. Мэтр Олборн следил за дискуссией, вытаращив глаза. Майкрофт Холмс продолжил мою мысль:

– Вы ведь действительно занимались этими убийствами. Как только появился мой брат, вы поспешили отстранить его, чтобы он не мешал вам действовать самостоятельно. Вы убрали его как ненужного вам свидетеля.

– Я всего лишь выполнял ваши приказы! – покраснел Лестрейд.

– Не мои, а профессора Хазелвуда, – уточнил Майкрофт Холмс.

– Вы говорили о моем сообщничестве с Шерлоком Холмсом, а как насчет вашего сотрудничества с Хазелвудом? – поинтересовался я.

Лестрейд покраснел.

– Что?

– Вы утверждаете, что эти убийства никого не обогатили. Это не так. Корнелиус Хазелвуд продал сектам тысячи своих произведений. Вопреки его опасениям его популярность только возросла. Она достигла кульминации в момент так называемого ареста Марка Дьюэна. Разве это не был сценарий, написанный задолго до того дуэтом Хазелвуд – Лестрейд? Каждый получил свою выгоду, не так ли?

Лестрейд растерялся, но быстро взял себя в руки.

– Профессор Хазелвуд и я представляем закон и правосудие. Мы давали присягу. Наши слова не должны подвергаться сомнению. Что до меня, то я никогда не совершал преступления, скорее наоборот.

Я сделал усилие, чтобы не улыбнуться. У меня и в мыслях не было верить в виновность этих двух плутов.

– В таком случае почему вы подвергаете сомнению мои слова? – ответил я как можно спокойнее. – Я сам дважды давал присягу, первый раз как врач, второй раз как военный. Бог – мой единственный судья.

Наступило молчание, у каждого из нас аргументы подошли к концу.

Дворецкий воспользовался паузой и принес нам горячего чая и кофе. На какое-то время мы оставили наши бесполезные рассуждения. Перерыв пришелся как нельзя кстати.

Напитки разогрели наши тела и освежили мысли. Кофе произвел на меня эффект взорвавшейся бомбы. Мое сердцебиение участилось, зрачки расширились, и перед глазами поплыл розовый туман. Мой ревматизм исчез как по мановению волшебной палочки, и я почувствовал себя в такой прекрасной форме, что мог бы переплыть Ламанш!

У Майкрофта Холмса обнаружился нервный тик, о котором я ничего не знал. Лестрейд нервно посмеивался, на этот раз без видимой причины. Мэтр Олборн вернулся за свой стол неровной походкой, как марионетка, едва спущенная с нитки.

Никакого сомнения не было в том, что напитки содержали какие-то химические добавки, изобретенные самим Шерлоком Холмсом.

Пережив этот момент крайнего возбуждения, каждый из нас вытер лоб и попытался вернуть себе былое достоинство.

Мэтр Олборн дышал так глубоко, как будто в груди у него скопился переизбыток жизненных сил.

– Зачем нам обвинять друг друга? Нет никакой объективной причины, почему убийца обязательно должен находиться среди нас.

Он, конечно, был прав.

Он посмотрел на стопку еще не прочитанных бумаг.

– Мы закончили чтение рассказа доктора Ватсона. Но остается приложение, написанное самим Шерлоком Холмсом. Нужно потерпеть еще несколько часов. Если вы, конечно, не желаете перенести чтение на более позднее время.

Нотариус наблюдал за нашей реакцией.

Лестрейд, который не скрывал своего стремления поскорее покинуть это место, воспользовался случаем.

– Это было бы самым разумным решением. Мы слишком устали. Да я и не понимаю, что мог Шерлок Холмс добавить к этим событиям. Все уже сказано. Если вы не против, я предлагаю перенести чтение на неопределенный срок.

– Я протестую! – сказал Майкрофт Холмс. – Это последняя воля моего брата. Мы взяли на себя моральные обязательства и должны уважать ее.

Три вопросительных пары глаз обернулись ко мне. Я чувствовал, что мое мнение окажется решающим.

– У Шерлока Холмса наверняка было что сказать нам. Думаю, это и есть настоящая цель его странного завещания. Нужно дочитать до конца!

Лицо Майкрофта Холмса расслабилось. Он благодарно улыбнулся мне.

Побежденный Лестрейд забился поглубже в кресло.

Мэтр Олборн, присоединившийся к мнению большинства, надел пенсне и сказал:

– Господа, прошу вашего особого внимания. Мы приступаем к чтению рассказа Шерлока Холмса.

Тот, кто однажды прочтет эти строки, пусть простит мне слабое умение вести повествование и недостаточную живость рассказа. Я не обладаю талантом моего биографа, доктора Ватсона. Поэтому во многом я опирался на его рассказ.

Итак, написанное ниже нужно принять как отчет о расследовании и попытаться абстрагироваться от немного сухого стиля. Не каждому дано быть писателем.

Я не считал нужным называть точные даты и продолжительность разных моих исследований. Мои поиски растянулись на несколько лет. Много раз мне приходилось возвращаться туда, откуда я начал, подолгу искать, не добиваясь ни малейшего результата, а затем внезапно обнаруживать важнейшую улику. Затраченное время не имеет значения; важен лишь результат.

Таким образом, это сочинение – итог длительной работы, и существует только одна цель, которая вела меня: поиск убийцы.

Я думал, что это дело никогда не будет раскрыто. Слишком уж много было в нем несоответствий. Мне пришлось начать все с самого начала. И попытаться понять.

Понять, кроме прочего, почему Корнелиус Хазелвуд, Лестрейд и мой собственный брат Майкроф стремились не вмешивать меня в это дело.

Что касается Корнелиуса Хазелвуда, это еще можно объяснить. Профессор опасался всего, что может бросить на него тень, в том числе и меня.

Лестрейд был всего-навсего верным служащим властного и могущественного Хазелвуда. Полицейский лишь исполнял приказы.

Но Майкрофт? Неужели он с самого начала хотел что-то утаить от меня? Или решил, что я просто не способен раскрыть это дело? Честно говоря, мой брат всегда считал, что я сильно уступаю ему во всем.

Каким видели меня все трое?

Мне вспомнилась грустная история.

Когда-то я был знаком со светским алкоголиком, последним отпрыском благороднейшего рода. Ему вздумалось затеять дуэль на шпагах, то ли из-за вопроса чести, то ли из-за сердечных дел, не столь важно. Друзья пытались образумить его, убедить, что он не в состоянии драться. Но он упрямился. Дуэль состоялась. Алкоголь замедлил его реакции и восприятие действительности. И в первой же атаке шпага пронзила ему сердце. Он погиб, так и не осознав, что его битва была заранее обречена.

Было ли то же самое со мной? Неужели я утратил прежнюю ясность ума? Повлияли ли на мои способности наркотики? Ватсон ведь много раз предупреждал меня об этом.

Моя битва была проиграна заранее. Я был ослаблен, но не алкоголем, а наркотиками.

Все видели мою длительную деградацию. Я был как потерпевший кораблекрушение, один на острове, смотрящий на проплывающие вдаль судна, но неспособный протянуть руку своим спасителям.

Такова, если поразмыслить, истинная причина того, что меня отстранили от этого дела.

Какой трагический факт!

Я знал, что мне потребуется много времени, чтобы достойно завершить свою миссию. Но это мало беспокоило меня. Чтобы возродиться, я должен исправить свои промахи. Для меня это было не просто расследование, а возможность остаться в живых. Я принял решение новыми глазами посмотреть на каждое дело, с максимумом дистанции и трезвости.

Трезвость. Именно этого мне больше всего не хватало, чтобы удачно вести расследование. Однако, верный своему методу, я опирался только на факты. На факты, ни на что больше! Бесплезно разубеждать меня. Факты никогда не лгут. Это аксиома. Если только...

Если только сами факты не были фальсифицированы. Кто-то мог исказить аксиому, чтобы

привести сыщиков к ошибочным заключениям. Эта новая мысль прочно засела в моей голове, пустила корни и со временем стала чем-то очевидным.

Нужно восстановить все факты и проанализировать механизм, который позволил мне тогда сделать заключения. В какой момент меня ввели в заблуждение? Где скрывалась ловушка?

Я взял в руки записи, относящиеся к убийству маленькой Мэри Кинсли. Как я пришел к выводу, что убийцей девочки является ее отец? Я попытался восстановить этапы моего размышления. К счастью, я мог опираться на подробное и точное сочинение доктора Ватсона.

Я начал с газетной вырезки: «Тело девочки по имени Мэри Кинсли, десяти лет, найдено в Темзе в районе набережной Вестинг, 21. У девочки отсутствуют обе руки, отрезанные колесом вагонетки. На лбу у девочки рана. Заключение Скотланд-Ярда: смерть в результате несчастного случая, повлекшего за собой потопление».

Я заметил несоответствие. Необходима помощь по крайней мере двух крепких парней, чтобы сдвинуть с места этот внушительный механизм. Маленькая девочка не смогла бы сделать этого. Из этого логически следовало, что кто-то отрезал ей руки и бросил ее, живую, в Темзу.

На месте происшествия Джек-Попрошайка, бродяга и пьяница, подтвердил мои выводы. В его свидетельстве было логическое и неизбежное заключение: убийцей мог быть только отец бедной малютки. Кроме того, разве он сам не признал себя виновным?

Но если Джон Кинсли не был убийцей, то получается, что кто-то солгал. Статья в газете не могла лгать, поскольку основывалась на отчете полиции. Единственным слабым звеном, таким образом, было свидетельство Джека-Попрошайки.

Зачем бедняку было лгать мне? Кто-то давил на него? Мог ли он сам совершить это преступление?

Прежде всего, его отвратительное логово находилось в непосредственной близости от дома, в котором жил Джон Кинсли с дочерью. У него было предостаточно времени, чтобы наблюдать за тем, когда они приходят, когда уходят, узнать их привычки и распорядок дня. Он наверняка знал, что девочка проходит это место одна лишь в пятницу вечером, по дороге из школы. В это время набережная обычно пустынна.

Теперь я мог мысленно реконструировать сцену.

Джек-Попрошайка выходит из своей берлоги с ножом в руке, оглушает девочку, чтобы она не закричала, отрезает ей руки, оставляет на ее лбу дьявольскую метку и бросает ее в ледяные воды Темзы.

Но зачем он это сделал? Что могло послужить мотивом для столь чудовищного убийства? Если только не для того, чтобы обвинить отца Мэри. Но зачем? Из мести? Чем досадил ему Джон Кинсли?

Однако ничто в прошлом степенного и спокойного вдовца не заслуживало такого наказания.

Я попытался вспомнить лицо попрошайки. Однако видел ли я его на самом деле? Я видел некое существо в лохмотьях, лежащее в отвратительном логове, в мрачной дыре. Лохматая борода закрывала пол лица. Когда я зажег спичку, чтобы разглядеть его черты, он инстинктивно прикрыл глаза рукой. Однако слабого света свечи было недостаточно, чтобы как следует рассмотреть его. В таком случае зачем ему потребовалось закрываться рукой, как не для того, чтобы скрыть черты?

На сотую долю секунды я поймал его взгляд, когда он протянул руку, чтобы схватить монету. Этот испуганный взгляд. Беспокойный, почти одержимый. Чего он боялся? Меня? Боялся, что я его узнаю?

Я достал карточку, относящуюся к «делу о каннибале», и перечел заметки Ватсона по этому поводу.

«Мужчина порезал свою жену на мелкие кусочки и зажарил в камине своей собственной гостиной... Соседи утверждают, что супруги жили в мире и согласии. Никогда не ссорились».

Неужели банкир внезапно стал жертвой безумия, толкнувшего его на убийство?

Я решил вернуться на место преступления и допросить консьержку. Я надеялся, что она еще помнит это дело, несмотря на то, что прошло столько лет.

Старая женщина заверила меня, что ничего не забыла. Это происшествие навсегда останется в ее памяти. Она сказала, что до сих пор не оправилась от шока, вызванного смертью этой пары, которую она так уважала. Когда я проявил несколько наигранное сострадание, она не колеблясь выложила мне все, что знала.

Я слушал ее, опустив голову и скрестив руки, всем своим видом показывая, что я – пожилой господин, внимательный и хорошо воспитанный.

– Нет, мистер Кардвелл не был убийцей. Он был слишком хорош для этого. Впрочем, он всегда был добр ко мне. Всегда вытирал ноги, никогда не шумел и был прекрасно воспитан. Не то что нынешняя молодежь, одни пьяницы и наркоманы!

Я поддакивал ей. Она чувствовала, что ее понимают. И тогда я стал задавать более конкретные вопросы.

– Неужели нельзя было избежать этого несчастья? Как получилось, что в момент драмы никого из слуг не было дома?

– Кардвеллы имели обыкновение в воскресенье во второй половине дня отпускать всех слуг. Это день Господень. Ритуал был неизменным: их слуги выполняли все домашние дела в воскресенье утром, а после полудня, приготовив обед, уходили. Ужинали Кардвеллы одни. По воскресеньям они никуда не выходили. Они считали неприличным для людей их ранга демонстрировать радость жизни в день шабаша. Вы ведь понимаете меня, не так ли?

– Конечно.

– Как правило, вечер они проводили одни. Иногда на чай к ним приходил какой-то друг или родственник.

– Вы не помните, в тот день они принимали кого-нибудь?

– Да. В тот день явился этот мужчина и сообщил мне, что он – дальний кузен мистера Кардвелла. Супруги ожидали его.

– Вы не помните, как он выглядел?

– Помню. Я вижу его так, будто все было вчера. Он был настоящий джентльмен. Немного похож на вас. Я редко ошибаюсь насчет людей.

– Вы сообщили о нем полиции?

Она поджала губы.

– Конечно.

– В какое время пришел этот господин?

– Ровно в пять часов вечера. Я хорошо это помню, потому что в это время всегда пью чай. Поскольку он был очень пунктуален, было совершенно ясно, что этот человек знаком с правилами хорошего тона и...

– Во сколько он ушел?

– Я только что убрала посуду и печенье. Должно быть, около шести часов.

– Вам не показалось, что он торопится? Или что он возбужден?

– О нет! Он даже сказал мне несколько приятных слов и извинился за беспокойство, которое мог причинить мне его воскресный визит.

– Можете описать его более подробно?

– Рост, должно быть, метр семьдесят, скорее худой. Не помню, какого цвета его волосы, он был в шляпе.

– А лицо?

– На самом деле, я не слишком хорошо разглядела его черты. Ворот пальто был высоко поднят, а длинный шарф закрывал нижнюю часть лица. Тогда были сильные морозы.

– А его глаза?

– Я их не видела. На нем были темные очки, вроде тех, что носят от солнца.

– Тогда было очень светло?

– Нет. Было уже поздно и темно. Свет шел только от уличных фонарей, но сквозь туман такой свет никого не мог беспокоить. Я подумала, что у него слабые глаза.

– Он приходил после этого?

– Нет. Это совершенно точно. Я никогда не забываю посетителей.

Я решил взглянуть на место преступления. Может, мне повезет найти какую-нибудь улику, которую пощадило время.

– Можно взглянуть на квартиру?

Консьержка напряглась.

– Не уверена, что это законно.

Я понизил голос и заговорил доверительным тоном:

– Я вам сказал, что действую по приказу самой королевы?

– Я в этом немного сомневаюсь...

Однако эта небольшая ложь вызвала ожидаемый эффект. Старая женщина отнеслась ко мне с уважением, достойным посланника Ее Величества, и тотчас проводила меня в квартиру. Квартира была в безупречном порядке, ничто не напоминало о драме, которая здесь когда-то разыгралась. Я тщательно все осмотрел. Чуда не произошло. Нелепо было надеяться обнаружить здесь что бы то ни было по прошествии стольких лет. Мои слабые надежды нащупать правду отныне целиком зависели от памяти свидетелей тех преступлений. К счастью, у меня осталась точная хроника доктора Ватсона, которая не подвержена ходу времени.

Я попытался подвести итог. Мне показалось, что, сравнивая дела Кинсли и Кардвелла, можно выйти на след.

В деле Кинсли убийство мог совершить странный бродяга. До этого я никогда не рассматривал такую гипотезу, настолько она казалась нелепой и противоречащей фактам. Но на этот раз я был полон решимости рассмотреть все версии.

В деле Кардвелла «дальний кузен» нанес визит паре за несколько часов до убийства. У него был час. За это время он вполне мог подсыпать наркотик в чашки хозяев. Затем он мог выполнить свою отвратительную работу и уйти, при этом не забыв сказать пару ласковых слов консьержке. Очевидно, мужчина нарочно прятал глаза и изменил черты. В точности как Джек-Попрошайка.

Может ли это быть один и тот же человек? Если это так, то в моих руках, возможно, был кончик ниточки.

Следующие несколько месяцев я посвятил тому, что пытался выйти на след этого кузена. Кардвелл давно умер. Я предпринял обширное генеалогическое исследование. Многие члены семьи Кардвелл подходили под описание таинственного посетителя. К счастью, они были живы. Еще месяцы ушли на то, чтобы встретиться с каждым из них. Я проверил их алиби и изучил их жизнь. Вскоре мне стало ясно, что ни один из них не мог совершить преступления. Этот дальний кузен был самозванцем.

Мое убеждение только усилилось.

Я открыл досье на дело Джеймса Барнса, и перечел заметку, составленную Ватсоном: «Пожилый мужчина явился к своим соседям, супружеской паре шестидесяти лет, Эмме и Джеймсу Варне, с которыми он в тот день должен был играть в бридж. Он долго стучал в дверь, без всякого результата. Взволновавшись, он сообщил в полицию, которая нашла старого Джеймса Барнса распростертым в углу комнаты. Его рот был широко раскрыт, будто он собирался закричать, но не произнес ни звука. С ног до головы он был покрыт засохшей кровью. В кровати лежала его жена, или то, что от нее осталось. Стены комнаты были

перепачканы кровью, так что было невозможно определить их первоначальный цвет. Тело несчастной было искромсано самым нечеловеческим образом...»

Я встречался с Джеймсом Барнсом после убийства. Он находился в госпитале для душевнобольных. Шок от этого ужасного преступления лишил его разума. Когда его спрашивали о фактах, он только повторял: «Я видел дьявола!» Несчастный ничего не смог мне рассказать.

И снова я решил провести проверочный опрос на месте преступления. Был разгар лета. От Темзы поднимался зловонный запах. Облупившийся дом, в котором жили старые супруги, располагался в самом сердце Лаймхауса. Ничего общего с зажиточным роскошным домом банкира Кардвелла. Мне пришлось переступить груды мусора, над которой жужжали мухи, чтобы подобраться к входной двери. Сторож-великан с лицом скотины встретил меня враждебным ворчанием. Должно быть, до того, как занять это место, он водил медведя. Его руки, мохнатые и грязные, покрывали блестящие от пота мускулы. С этим придется поработать как следует. Я попросил его проводить меня в квартиру, которую занимали супруги Варне. Вместо ответа он сплюнул на землю.

В кармане я нащупал несколько аргументов, которые могли сделать его более сговорчивым. Как я и ожидал, великан стал услужливее. Мы поднялись на третий этаж. Он отворил маленькую дверь в глубине мрачного и грязного коридора.

– Это здесь.

На стенах еще виднелись следы резни. Я начал свое исследование под недоверчивым взглядом цербера. Я изучил каждый сантиметр комнаты в надежде обнаружить улику, избежавшую губительного воздействия времени. Кроме коричневых следов крови, которые местами были видны на стенах, я ничего не увидел. Это место не спешило выдавать свою мрачную тайну.

И вновь мне осталось лишь положиться на память свидетеля. Я обернулся к колоссу с лицом скотины.

– Никто из соседей ничего не слышал?

– Не знаю. Спросите у них. Но многие переехали или умерли.

– Барнсы принимали гостей?

– Очень редко. У них не было детей, и, похоже, родственников и близких тоже не было.

Он нахмурил брови, пытаясь сосредоточиться.

– Разве что только...

– Что?

– У них был старый друг, который навещал их каждый раз, когда приезжал.

– Когда приезжал?

– Я имею в виду, когда приезжал в Лондон. Он снимал небольшую квартиру на той же лестничной площадке, что и они. Но он приезжал редко, да и то не более чем на один день. У него был дом в шикарном пригороде Лондона. Эта квартира служила ему временным пристанищем, пока он улаживал свои дела в столице.

– В день убийства он был у них?

Консьерж почесал голову грязными ногтями, что заставило его потные мышцы заиграть.

– Кажется, и правда был...

– Как звали «старого друга»?

– Питер Блэкстоун.

– После убийства вы его видели?

– Нет, ни разу.

– Вы сообщили о нем полиции?

Колосс обнажил хищные зубы.

– Полиция и я – это две разные вещи. Кроме того, это они должны были задавать мне вопросы.

– Чем занимался этот мистер Блэкстоун?

– Насколько мне известно, он был коммерсантом, как и Барнсы. Поэтому они так хорошо ладили. Скорее всего он был оптовым торговцем, или что-то вроде того.

– Вы знаете его адрес в пригороде?

– Нет. Не принято задавать вопросы, когда арендатор так щедр и скромен.

– Можете описать его?

– Не помню уже. Давно это было.

Человекообразное существо сжало челюсти и сделало раздраженный жест.

– Так вы не рассказали?

– Простите?

– О нем полиции?

Я сунул ему под нос новый аргумент. Память тотчас же вернулась к нему.

– Ну, он был очень пожилым, немного сутулым. Ходил медленно, опираясь на трость.

Консьерж продемонстрировал походку посетителя. В другой ситуации это заставило бы меня рассмеяться.

– У него была достаточно длинная борода и седые волосы.

– А глаза?

– Не могу сказать. На нем всегда были забавные очки.

– Черные?

– Да. Однажды он сказал мне, что свет раздражает его глаза. Оно и понятно, в его-то возрасте.

Я протянул ему деньги. Он забыл поблагодарить меня и вновь надел маску укротителя хищных животных.

Следующие месяцы я потратил на то, чтобы отыскать оптового торговца по имени Питер Блэкстоун. Двое мужчин могли оказаться им. Я нанес им визит. Одному из них было всего двадцать три, а другой был парализован с детства и ни разу не выезжал за пределы своей деревни.

Я начал опрашивать немногочисленных соседей Барнсов, которые жили здесь в то время, когда было совершено убийство. Все утверждали, что в квартире Барнсов в вечер убийства было тихо.

На этот раз я почувствовал, что ухватился за верную нить. Больше не было никакого сомнения в том, что один и тот же мужчина находился в близких отношениях со всеми жертвами. И если он носил темные очки, то не из-за старости, а для того, чтобы спрятать глаза и не быть узнаваемым!

Казалось, за каждой из драм стоит призрак, странное существо, которое испарялось в воздухе сразу после убийства.

Мое подозрение усилилось. Я решил перейти к делу аббата Поля Мередита.

Прежде всего, я вспомнил о письме старой женщины, которая, вероятно, прислуживала аббату. Я перечел записку, которую анализировал до этого уже десятки раз. Может, мне удастся обнаружить новую улику.

«Мистер Холмс, мне сказали, что вы единственный, кто может раскрыть эту тайну. Исчез еще один сирота. Он уже пятый. Это проделки дьявола или колдуна. Даже

несчастный Маллиган повесился вчера, хотя был в полном здравии. Приходите сегодня в восемь вечера в церковь Сен-Джорджа. Я объясню вам, что происходит, расскажу все, что мне известно. Оденьтесь так, чтобы я могла легко вас узнать. Мое зрение сильно ухудшилось за последнее время. Прошу вас запастись терпением и подождать, пока я выйду вас встретить. У меня болят колени. Если я не найду вас, то буду ждать в самом темном углу, самом дальнем от входа в ризницу.

Умоляю вас помочь нам.

Прихожанка».

В то время мне хватило нескольких секунд размышления, чтобы выдать Ватсону свое заключение: «Мы встретимся с верующей в возрасте семидесяти лет, одетой в черное, с лицом, наполовину скрытым под черной вуалью, коленопреклоненной в молитве, со сложенными руками и губами, неслышно читающими молитвы. Ее руки дрожат, и она будто охвачена страхом перед аббатом. Уже долгое время она с ним близко общается. Вне сомнения, она очень любит свою работу. Она позволит нам совсем недолго побыть с нею, а затем, прихрамывая, исчезнет...»

Все это я заключил из письма. Это было что-то вроде математической игры, программированной, неизбежной логики. В худшем случае Ватсон мог бы выдвинуть одно или два возражения. Возможно, он спросил бы меня, как я узнал, что она скроется, прихрамывая. Я ответил бы, что в таком возрасте длительное пребыванием коленопреклоненном состоянии вызывает онемение суставов. Достаточно понаблюдать за верующей, поднимающейся на ноги после долгой молитвы, чтобы убедиться в этом. Он мог бы также спросить, откуда мне известно, во что она будет одета. Я бы ответил, что все верующие одеваются одинаково, и держу пари, что среди них никогда не окажется верующей в розовой балетной пачке.

Программированная логика... Но кем?

Нужно было вернуться к началу и углубиться в исследование. Я предпринял попытку найти свидетелей той драмы. Но вскоре прекратил поиски. Я знал, что никто не ответит на мои вопросы. Закон молчания царил на этом дне, где человеческая душа стоила не больше пинты пива. Я стал усердно посещать шумную и грязную таверну, расположенную на маленькой улочке, недалеко от церкви. По прошествии нескольких недель завсегда и привыкли к моему присутствию и дали мне прозвище Незнакомец. Мне удалось без особых проблем войти в их круг. Конечно, мое знание аргоса имело большие пробелы, но они объясняли это тем, что я приехал издалека.

Однажды вечером мне удалось затесаться в группу из четырех порядочно захмелевших парней и завязать разговор на запретную тему об аббате Мередите. Огромный тип с рыжими волосами сразу же показал себя более словоохотливым, чем его собутыльники. Дружки называли его Аламбик. Ему не было еще тридцати, но его лицо было уже отравлено алкоголем. Постоянная пелена застилала его взор.

– Никто тогда ничего не понял. Даже по прошествии стольких лет мы не можем убедить себя в том, что аббат мог сделать такое.

– Лучше него никого не было во всем приходе, – подтвердил карлик в перерывах между икотой. – Однако могу вам сказать, что эти попики и я – две несовместимые вещи.

– Это точно, – добавил тип с болезненными глазами, – он бы все отдал за свой сиротский приют. Он посвятил ему всю жизнь.

– Ага. Он единственный всеми силами пытался помочь несчастным, но удачи ему это не принесло.

Пришло время задавать вопросы.

– Не принесло удачи? – спросил я подчеркнуто равнодушно, опустив нос в стакан.

– Относительно другого сумасшедшего.

– Вы имеете в виду несчастного малого Маллигана?

Аламбик удивленно повел огромными глазами.

– Думаю, ты слишком уж вежлив, называя его «несчастливым малым». Он был безумный. Надо сказать, было в кого.

- Было в кого?
- Его мамаша померла от сифилиса, перед смертью она совсем обезумела.
- И из-за алкоголя, – добавил карлик, который был явно хорошо осведомлен.
- А его отец обрюхатил свою старшую дочку, когда напился сильнее обычного. Вот так и появился на свет Маллиган.

Это гнусное откровение вызвало взрыв всеобщего хохота. Я был вынужден улыбнуться, пытаясь скрыть отвращение, которое у меня вызывает подобное мерзкое поведение. Парень громко отрыгнул, вытер рот ладонью и продолжал:

- Аббат думал, что совершил благое дело, приняв его. В результате он убил пятерых несчастных сирот. А кто попал в тюрьму? Наш благородный кюре. А сейчас он гниет в земле.
- Однако мне всегда говорили, что Маллиган и мухи не обидит.
- Все так думали. Но к нему стали приходить видения.

Самый старший вдруг перекрестился и с жаром поцеловал крест, который носил на шее.

- Не надо говорить о дьяволе, Аламбик, это приносит несчастья!

Рыжий великан отмахнулся от этого замечания.

- Не верю я в этот вздор.

Затем он обратил свой затуманенный взор ко мне.

- А ты, Незнакомец, веришь в дьявола?

Я ответил с осторожностью факира на раскаленных углях.

- Я не суеверен, но предпочитаю узнать все подробности и факты, прежде чем высказывать свое мнение.

Парень был явно в ударе.

- Детали? Это нетрудно. Маллиган говорил, что дьявол расхаживает ночью по кладбищу. Он даже утверждал, что тот говорит с ним. Он был страшно напуган. Он говорил, что четыре раза видел, как тот разрывает гробы, захороненные накануне. Он говорил, что дьявол меняет мертвых на живых.

- Маллиган рассказывал об этом аббату или полиции?

- Возможно, но никто не верил в его истории о привидениях и демонах. Я уверен, что это он все натворил. То, что он постоянно находился рядом с покойниками, свело его с ума. Сатана – это он сам!

В конце стойки старик вновь осенил себя крестным знаменiem, допил стакан и вытер усы рукавом.

- Сколько раз я тебе говорил, Аламбик, нельзя так говорить. Да защитит нас Господь.

Рыжий расхохотался и погрузил губы в белую пену очередной кружки пива.

Я снова попытался произнести ложь, чтобы услышать правду.

- Нужно было спросить совета у старой прислужницы аббата...
- Это было бы непросто.
- Что?

- Марта умерла задолго до тех событий.

Я, не дрогнув, выдержал удар.

- А до или после Марты разве у аббата не было других прислужниц?

– Нет. Теперь уж точно видно, что ты не местный, незнакомец. Иначе бы знал, что Марта была первой и последней прислужницей аббата. Она умерла от лихорадки примерно за пять лет до убийства сирот. А после ее смерти Мередит предпочел остаться один.

– А, понимаю, из-за своего характера. Он был очень суров, говорят.

Парень снова приснул от смеха, разбросав вокруг себя облако белой пены.

– Суров – аббат? Впервые такое слышу. Он всегда призывал к уважению и человечности. Даже самый последний антихрист не смог бы возразить против этого.

Внезапно я почувствовал, как что-то теплое стекает по моей ноге. Я резко отодвинулся. Аламбик опорожнял мочевого пузыря. Без видимой причины он громко пропел пошлый ригурнель, слова которого могли шокировать даже наименее целомудренные уши. В глубине кабака кто-то засвистел и запротестовал – не понравилась эта песенка, он предпочитал другую, не менее игривую. За несколько секунд все вокруг обратилось в хаос. Шум достиг адской силы: стук пивных кружек о столы, междометия, свист, пьяный хохот. Пустая бутылка пролетела через весь накуранный зал и попала в спину рыжего, который в ярости обернулся. Лезвие ножа промелькнуло в нескольких сантиметрах от моей руки. Я уже достаточно узнал, и пора было уходить. Я вытащил из кармана пригоршню аргументов. Дождь из монет посыпался на пол, все участвующие в боевых действиях ринулись на этот звон. Я воспользовался этим, чтобы улизнуть.

Мне стоило невероятного труда отыскать экипаж, который согласился меня взять. Мой вид действительно не вызывал доверия. Оказавшись дома и как следует прочистив желудок, я попытался здраво взглянуть на вещи. Вся эта история показалась мне шитой белыми нитками. Кем была та пожилая женщина, которая прислала мне письмо? Очевидно, она никогда не прислуживала аббату. Какую роль играла она в этом деле? Могу ли я вспомнить, как она выглядела? В церкви было сумрачно. Ее лицо покрывала черная вуаль. Мне ничего о ней не известно. Как я теперь ее найду?

Я попытался вспомнить, как она себя вела. Каждый раз, когда мы обращались к ней, она отводила глаза и прятала нос в молитвеннике. Тогда я приписал это страху. Но может, на самом деле она хотела лишь избежать наших взглядов?

Она говорила низким голосом, похожим на сиплый шепот, ее едва было слышно. Может, скорее это был голос мужчины, который пытался изменить его?

Другая деталь вспомнилась мне. Она прервала нашу беседу и исчезла с невероятной скоростью. Конечно, она слегка прихрамывала, пока была в зоне нашей видимости, а потом? Она добралась до выхода из церкви так быстро, будто внезапно обрела ноги молодой девушки или... молодого мужчины? Какого роста оказалось это существо, если бы оно так сильно не сгибалось? Примерно метр семьдесят. Как Джек-Попрошайка, как «кузен» Кардвелла, как странный сосед четы Барнсов...

Кого мог видеть Маллиган на кладбище четыре раза? Какое ужасное зрелище толкнуло его на самоубийство? Простое воображение помутившегося рассудка или страшное откровение?

Мое убеждение становилось все сильнее. За всем этим стоял один-единственный человек. Человек, который хладнокровно совершал убийства, тщательно изучив привычки своих жертв. Дьявольское создание, которое знало прорехи в каждой броне и наносило удар во имя высшего наказания.

Теперь я знал, что в каждом случае буду сталкиваться с одним и тем же лицом.

Я перешел к делу о похищении Джейн Барнингтон.

Вид этой девочки, нанизанной на перевернутый крест, навсегда врезался в память. Но условия ее похищения и мотивы похитителей по-прежнему оставались загадкой.

Я помнил все до мельчайших деталей. Лестрейд пришел к нам с письмом, адресованным лорду Барнингтону.

«Если хотите получить девочку назад живой, вы должны передать нам сумму в 20 000 крон в течение сорока восьми часов. Завтра мы вновь свяжемся с вами, чтобы сообщить, куда и когда следует привезти деньги. Если вы кому бы то ни было расскажете об этом, мы принесем девочку в жертву согласно ритуалу».

Леди Барнингтон не послушалась предостережения. Тогда похитители послали второе письмо:

«Ты попытался обмануть нас. Твой замысел раскрыт. Старуха заявила в полицию. Тебя просили держать язык за зубами. Ты попался в свою собственную западню! Твоя дочь заплатит за твои ошибки. Она присоединится к твоей семье согласно ритуалу в преисподней. Спасибо, однако, за этот утешительный выигрыш. Девчонка очень смышленная для ее возраста. Надо сказать, вся в своих родителей!»

Мы поспешили в фамильный склеп Барнингтонов. Именно там мы нашли лорда Барнингтона, который безуспешно пытался справиться с тяжелой решеткой склепа. Но как же он туда добрался?

Я перечитал этот отрывок из записей Ватсона:

«– Кучер приехал за мной в замок. Он сказал, что знает, где моя дочь. Он привез меня сюда и тотчас исчез в тумане».

Кем был этот странный кучер, который как по волшебству выплыл из тумана, чтобы спустя какое-то время исчезнуть без следа и без всяких объяснений?

Я решил порыться в прошлом лорда Барнингтона в надежде обнаружить скрытые факты его биографии.

На эту кропотливую работу ушло несколько долгих месяцев. Прежде всего, мне нужно было вступить в контакт с правопреемниками и близкими лорда Барнингтона. Слуги семьи оказались очень преданными своим хозяевам, которых они считали образцовыми. Их свидетельства стали решающими. Мне удалось убедить их в том, что цель моих расспросов – моральная реабилитация семьи. Тогда мне позволили заглянуть в документы из первых рук: счетные книги, переписка, а также личный журнал лорда Барнингтона, по которому я мог восстановить его распорядок день за днем в течение многих лет.

Ничто не позволяло уличить его в двойной жизни. Его счетные книги показывали, что у него не было никаких финансовых проблем. Его вложения, великолепно размещенные и управляемые с большой смекалкой, приносили очень хороший доход. У него не было никаких долгов. Его переписка и журнал доказывали лишь одно: все его мысли были о жене и дочери. Его не в чем было упрекнуть, его мораль была выше всяких подозрений. Опрос соседей лишь подтвердил мои заключения: лорд Барнингтон был образцом добродетели и порядочности как по отношению к своей семье, так и по отношению к своим многочисленным слугам.

Более чем в каком-либо другом деле элементы этого преступления, казалось, собрались в общую картину. И в этот раз таинственный персонаж, кучер, управлял этой отвратительной драмой, заставив всех действовать по его воле.

Но к чему этот страшный сценарий? Кому понадобилось это ужасное убийство в соответствии с сатанинским ритуалом? Разве девочка не сказала перед смертью, что видела дьявола?

Мне все больше казалось, что настоящий убийца пытался направить нас на ложный след.

Был ли Алистер Кроули козлом отпущения или вдохновителем этих преступлений? А Гудини? Использовал ли он свои таланты для воплощения этой невероятной драмы? Черная магия – это обратная сторона белой магии?

Я продолжал расследование, полный решимости разгадать эту тайну.

Дело, которое я назвал «пытка крысами», вне сомнения, оставалось самым загадочным из всех. Личность повешенного установить не удалось. Никто не потребовал его тела. Казалось, никто не знал его. У меня не было ни малейшей улики, которая позволила бы удачно провести проверочный опрос.

Единственное, в чем я был уверен, так это в том, что в книге Корнелиуса Хазелвуда я видел рисунок, представлявший интерьер этой лачуги. На картинке был изображен человек, подвешенный за запястья. Клетка, наполненная крысами, была прикреплена к его животу. Страшная гримаса искажала черты несчастного, когда крысы выедали его внутренности.

Рисунок сопровождался комментарием: «Уже в Средние века люди знали, что крысы являются переносчиками смерти. Люди полагали, что эти животные могут сглазить человека, вызвав у него сильнейшие боли в желудке. Поэтому, чтобы усмирить их, им давали на съедение внутренности живого человека. Многих преступников казнили, подвергая их так называемой пытке крысами. Людям очень нравился этот смертельный спектакль. Они с удовольствием наблюдали за мучениями преступника, сжираемого крысами. В наши дни эта традиция

продолжает жить в низших слоях общества. Она применяется некоторыми сатанинскими сектами».

Подозрения снова падали на Кроули.

Что касается того дома, то в нем уже около пяти лет никто не жил, а когда-то он принадлежал капитану судна, некоему Лео Барникелю. Был ли повешенный бывшим владельцем дома?

Я снова отправился на место преступления. То же мрачное зрелище открылось моим глазам. Маленький дом стоял на отшибе, на облезлом холме, измученном свирепыми ветрами, которые здесь, казалось, никогда не стихали.

Вблизи лачуги несколько тисов гнулись под силой бури. Их кроны под порывами ветра походили на нанизанные на пики отрубленные головы. Ничто не изменилось, будто время и не заглядывало в этот забытый Богом уголок.

Ближайший кабак находился в нескольких километрах. Я ненадолго зашел туда. В лицо мне ударил горячий воздух, наполненный душными испарениями, контрастирующими с холодом улицы. Несколько рабочих негромко беседовали. На столе перед ними стояли пиво и стаканы с джином. Едкий дым плохого табака заполнял маленькую комнатку.

Это место выглядело враждебно и было плохо освещено. Люди злобно посмотрели на меня.

На этот раз мне не хотелось применять стратегию Незнакомца, однако необходимо было добиться своего. Трактирщик за стойкой протирал грязные стаканы. Я сел перед ним и сунул ему под нос полкроны.

– Меня зовут Шерлок Холмс. Я веду расследование по делу «дом с привидениями».

Голоса притихли.

Трактирщик замер, в глазах его отразился испуг.

– Я ничего не знаю.

Он тайком посмотрел вокруг, будто почувствовав себя в опасности. Затем он живо схватил монету. Разговоры мало-помалу возобновились.

Трактирщик наклонился ко мне.

– Об этом здесь не любят говорить. Люди боятся.

– Боятся чего?

Человек перекрестился.

– Дьявола, разумеется.

– Дьявола?

– Да. В доме живут привидения. Все это знают. Когда-то дом принадлежал бывшему капитану дальнего плавания, Лео Барникелю. Он жил там один. Но большую часть времени он проводил в море. А в его доме завелся дьявол.

– Его видели?

– Да. Так же, как я вижу вас. Иногда среди ночи раздавался ужасный вой, будто кого-то пытаются.

– Полиции сообщили об этом?

– Конечно. Скотланд-Ярд провел расследование, но ничего не обнаружил. Только то, что Барникель больше не возвращался. Экипаж, с которым он всегда отправлялся в плавание, не видел его более трех лет.

– А дальше?

Человек бросил на меня многозначительный взгляд.

А дальше ничего. С годами дом пришел в запустение. Никто больше к нему не приближался. А

дьявол все продолжал появляться. До того дня, как обнаружили повешенного с клеткой с крысами, привязанной к его животу. Хотите, чтобы я рассказал вам, как он умер?

– Нет, спасибо. Дьявол после этого больше не возвращался?

– Не знаю. Я не ходил туда смотреть.

– Повешенный – это был Лео Барникель?

– Некоторые считают, что да. Но его никто не опознал. У него не было ни семьи, ни друзей. Кто же узнает? Этот повешенный не слишком походил на Барникеля. Те, кто видели капитана живым, говорили, что он больше. Повешенный был слишком уж худым.

Была поздняя ночь. Огонь в камине угасал. Из-за неподвижности и холода мы стали замерзать. Я помассировал колени, чтобы избавиться от начинающейся ревматической боли.

Внезапно за нашими спинами раздалось легкое покашливание. Нотариус прервал чтение и поднял голову.

Огромный верзила, немного неуклюжий, стоял в дверном проеме, держа в руках полено внушительных размеров. Он не решался войти в кабинет из страха нарушить наше прилежное занятие.

Мэтр Олборн жестом пригласил его войти.

– Хорошо, старина, раздуйте-ка нам огонь. А то холодно стало.

Человек опустил глаза, слегка улыбнулся и положил полено в очаг. Огонь немедленно принялся за сухую кору.

Когда я встретился с ним взглядом, он поднялся и потянулся.

– Сильный огонь в камине ослабит ваш ревматизм, доктор Ватсон. Я знаю, о чем говорю.

Такая забота тронула меня.

– Спасибо, друг мой.

Он вышел той неестественной походкой, какой ходят люди из народа, когда они смущены.

Огонь весело потрескивал в камине. Кабинет постепенно наполнился приятным теплом.

Лестрейд поднялся, налил себе чашку чая, выпил ее одним залпом и поставил чашку на место. Химия снова подействовала.

– Итак, по мнению Шерлока Холмса, все эти преступления совершил таинственный некто? – начал Лестрейд.

– Вы по-прежнему сомневаетесь? – спросил я. – Добытые Шерлоком Холмсом доказательства не убедили вас?

Неприятная гримаса исказила лицо полицейского. Казалось, он сердит на весь мир.

– Если то, что вы говорите, правда, то нужно подвести итог. Я знаю только одного человека, способного совершить такого рода подвиг незамеченным.

– Завершите вашу мысль, старина.

– Если следовать аргументам самого Шерлока Холмса, то убийца – не кто иной, как его брат, Майкрофт.

Последний вздрогнул и озадаченно посмотрел на полицейского.

– Могу я узнать, каким образом вы пришли к этому блестящему выводу?

Лестрейд подпер бока кулаками и выпятил грудь.

– Я ведь не случайно являюсь первым полицейским Скотланд-Ярда. Я, конечно, не обладаю талантами Шерлока Холмса, но рассуждаю здраво, в этом вы сейчас убедитесь. Все согласны, что у вас блистательный ум, мистер Холмс, намного превосходящий ум вашего брата, не так ли?

– Если вам так угодно...

– Также вы являетесь теневым персонажем, главой тайных служб.

– От вас ничего не утаишь.

– Ваша фамилия, разумеется, известна широкой публике, но в сочетании с именем Шерлок. А ведь вы презираете младшего брата и его эмпирические методы.

Майкрофт Холмс пожал плечами.

– Откуда вы все это взяли?

Лестрейд повернулся ко мне.

– Доктор Ватсон, Шерлок Холмс разве не говорил вам: «Майкрофт никогда не испытывал ни малейшего сочувствия к моей персоне и никогда мной не интересовался. И это было взаимно. Он мне менее близок, чем вы».

– Это точно. Это, впрочем, удивило и огорчило меня.

Сыщик с важным видом рассказывал по кабинету, сложив руки за спиной.

– Не нужно даже обращаться к учению Зигмунда Фрейда, чтобы понять, что экзистенциальные проблемы вашего товарища уходят корнями в раннее детство.

Вдруг Лестрейд остановился и нахмурил брови в поисках подходящей фразы. Майкрофт Холмс наблюдал за ним со снисходительностью, граничащей с иронией. Уильям Олборн, напротив, казалось, серьезно отнесся к его высказыванию.

Полицейский продолжал:

– Шерлок всю свою жизнь провел в тени Майкрофта. Насмешки из детства оставили на нем свой отпечаток. Если Шерлок Холмс искал утешения в наркотиках, то лишь по вине Майкрофта.

Последний поднялся и встал перед полицейским. Он был выше его на две головы.

– Вы зашли слишком далеко, Лестрейд.

Майкрофт Холмс метал молнии. Его нижняя губа задрожала на какое-то мгновение, будто он не мог найти слов, чтобы отразить язвительные обвинения. Лестрейд продолжал:

– Но судьба непредсказуема.

Шерлок взял блестящий реванш. И в то время как он сверкал на небосводе и познал все почести прессы и общественности, вы просиживали в клубе «Диоген», окруженный всеобщим равнодушием. Мог ли такой мозг, как ваш, смириться с подобной несправедливостью?

Лицо Майкрофта Холмса стало багровым.

– Вы выдаете придуманное за действительность, старина. Ваши объяснения так же туманны, как лондонский смог. И даже если вы говорите правду, это не делает из меня преступника. Зачем мне было убивать всех этих несчастных?

– Вы один можете ответить на этот вопрос. Когда два монарха объявляют друг другу войну, сколько невинных расплачиваются своими жизнями за жажду убийства своих господ?

Майкрофт постепенно снова стал самим собой – воспитанным и отрешенным.

– С такими ложными аргументами мы все можем быть потенциальными убийцами. И ваши доводы потому еще меньше вызывают доверия, что теперь я знаю, кто убийца.

Предпринял ли Майкрофт отвлекающие действия или действительно раскрыл тайну? Ответ не заставил себя ждать.

Внезапно он направил указательный палец в сторону Уильяма Олборна.

– Я обвиняю вас в совершении описанных выше преступлений!

Нотариус вцепился в подлокотники кресла, его лицо стало бледным, как воск.

– Что?.. Меня?

– Да, вас! Разве вы не были близки с моим братом?

Обвиняемый утвердительно кивнул, но ни один звук не сорвался с его губ.

– Разве вы не говорили доктору Ватсону, что вы страстный поклонник его рассказов?

Нотариус не отвечал. Его взгляд был похож на взгляд загнанного зверя.

Глава тайных служб пустил в ход весь свой дар убеждения. Человек, который мгновение до того был обвиняемым, превратился в уверенного обвинителя.

– Вы сами признались, что ваша работа не слишком вам нравится. Вот что вы сказали: «Я родом из старинной династии нотариусов. Будучи старшим, я перенял дело своего отца, как он в свое время продолжил дело его отца. Это одно из преимуществ, но и недостатков старшинства. Мой отец, видите ли, не позволил мне выбрать другую карьеру! А мне хотелось стать художником или писателем. И вот я провожу дни напролет в полной бездеятельности. К счастью, ваши книги позволяют мне время от времени развеять скуку».

Мэтр Олборн, который явно не привык находиться на скамье подсудимых, оказался беззащитным перед атакой Майкрофта Холмса.

Сцена стала слишком бурной, и я решил защитить адвоката.

– Тысячи людей залпом читают рассказы о похождениях Шерлока Холмса, но при этом не являются убийцами.

– Конечно, но кто интересуется этими детективными сочинениями? Кроме того, мы знаем, что мэтр Олборн был одним из первых клиентов моего брата. И у него была возможность изучить его методы.

Я запротестовал:

– Вашим объяснениям не хватает основного элемента, мистер Холмс.

– Ах да? Какого же?

– Мотива убийств.

– Ну, доктор Ватсон, это ведь очевидно. Мэтр Олборн убивал всех этих людей, чтобы скоротать время. Разве есть лучшее средство развеять скуку?

– Вы это серьезно?

– Нет.

Лицо мэтра Олборна выражало ужас и оцепенение.

– Тогда зачем же вы накинулись на нашего несчастного друга?

– Я уже сказал. При помощи ложных аргументов и толики недоверия всегда можно обвинить кого угодно. Не так ли, Лестрейд?

Полицейский сделал жест рукой, который мог означать: «Признаю, вы победили».

Послужив подопытным кроликом для этого необычного эксперимента, нотариус начал приходить в себя.

– Так вы не рассматривали меня в качестве возможного убийцы? – спросил он, все еще находясь под действием шока.

– Ну конечно, нет. Вы – последний, кого можно подозревать.

Майкрофт Холмс потянулся, не спуская глаз с нотариуса.

– В обмен на это мне интересно узнать ваше мнение об этом деле.

– Хорошо, в отличие от того, что вы говорили в своей... обвинительной речи, я не слишком умею разгадывать подобные тайны. Я – прилежный читатель приключений Шерлока Холмса, но я позволяю заинтриговать себя и не пытаюсь проверить свои силы. Иногда во мне рождается смутное предчувствие, но не более того.

– А что говорит ваше смутное предчувствие в нашем случае?

– Это сложный вопрос. Я не хотел бы начинать с беспочвенных рассуждений. Я стремлюсь сохранять нейтралитет, – сказал Олборн.

– Одно другому не мешает.

Нотариус поразмыслил мгновение, будто взвешивая каждое слово.

– Наверняка моя мысль покажется вам странной. В ней проявится неизвестная вам сторона моей личности. Но я считаю, что все эти преступления имеют сверхъестественную основу.

– Вы не единственный, кто придерживается такого мнения. Но что заставляет вас так полагать?

– _Собранные воедино детали. Начать хотя бы с личности беглеца из Миллбэнк. Разве мог такой трусливый человек совершить эти преступления без внешнего стимула?

– По вашему мнению, этот «стимул» исходил от дьявола?

– Возможно. Многие свидетели сообщили, что видели его в тех местах, куда нельзя было ни войти, ни выйти. Запертый склеп, в котором нашли распятую малышку, комната леди Сен-Джеймс, запертая комната младенца судьи Ричмонда...

– Вы верите в дьявола?

– Не совсем, но признайте, что все это несколько смущает.

Мэтр Олборн надел пенсне, чем положил конец этому отступлению.

– Послушаем продолжение рассказа Шерлока Холмса.

Тайна убийства молодого Джеймса Пикокса оставалась также нераскрытой.

Его отец, хирург Джон Пикокс, обнаружил бездыханное тело сына на собственном столе для вскрытий.

Откуда я узнал об этом преступлении? Из анонимного письма, полученного на Бейкер-стрит. Почерк шокировал меня. Он не поддавался никакому объяснению и, казалось, нарушал самые элементарные правила графологии. Почерк мог принадлежать мужчине, но написание одних и тех же букв варьировалось раз от разу, будто письмо было написано несколькими людьми. Некоторые буквы доставили мне немало хлопот. Иногда буква «т» имела наклонную черту, направленную вверх, а иногда эта черточка была очень короткой, и буква становилась похожей скорее на знак. Однако я знал, что эту букву почти невозможно подделать. Было маловероятно, чтобы ее форма менялась в пределах такого короткого текста.

Внезапно мне пришла в голову мысль сопоставить почерк этого письма с почерком письма, полученного от старой женщины в деле аббата Поля Мередита. Раньше я не думал об этом, поскольку был убежден, что письма написаны совершенно разными людьми. Но сейчас, в свете моих последних выводов, все казалось возможным...

Я достал лупу и принялся сравнивать оба письма. На первый взгляд между ними не было ничего общего. Одно было нерешительным, но последовательным, другое – основательным, но хаотичным. Я решил сконцентрироваться на букве «т».

Моему удивлению не было предела. Почерк так называемой пожилой женщины носил те же отклонения что и лежавшее передо мной письмо. Кому-то было необходимо заманить меня в анатомический зал именно в тот день. И этот кто-то был не кто иной, как пожилая женщина, с которой мы встречались в церкви. Этот же человек был и убийцей молодого Пикокса.

Наконец улики совпали. Тотчас в голову пришла неизбежная мысль. Теперь я был уверен в том, что знаю убийцу! Иначе зачем ему столь тщательно скрывать почерк?

Все встало на свои места.

Обнадеженный этим открытием, я продолжил расследование.

Тело молодого Пикокса принес человек не из работников морга. Впрочем, тело старухи планировалось доставить лишь на утро следующего дня, прямо перед началом занятий по анатомии, проводимых Пикоксом-отцом.

Человека, принесшего тело, скрывала маска, якобы из санитарных соображений. На самом деле он пытался скрыть свои черты.

Я достал досье по делу Вилера.

Обнаружено тело женщины. Ее лицо смазано медом и изъедено паразитами.

На этот раз Лестрейд получил таинственное письмо, в котором сообщалось о нечистых поступках лорда Вилера. В письме говорилось о том, что лорд вступил в связь с молодой танцовщицей по имени Лулу Гранд-Буш!

Леди Вилер стала известна измена, и она наняла бандитов, чтобы те обезобразили любовницу ее мужа серной кислотой. Потерявший рассудок от ярости лорд Вилер решил собственноручно наказать свою супругу и подверг ее еще более чудовищным мучениям. В письме указывалось точное место преступления.

И действительно, там мы обнаружили тело леди Вилер с лицом, обезображенным паразитами. Но разве были у нас улики? Говорили, что было пущено в ход все, чтобы обвинить лорда Вилера.

Я начал длительное расследование с попытки отыскать знаменитую Лулу Гранд-Буш. Под видом трудяги я направился в Лаймхаус, в кабак, пользующийся наихудшей репутацией в районе, «Пираты на пирушке». Собравшись с духом, я открыл дверь логова и тотчас ощутил удушливую атмосферу того места. Все было намного хуже, чем я представлял. Освещение было такого же качества, как и окружавшая меня мораль. Сквозь желтоватый туман табачного дыма я разглядел длинное помещение, которое наполнял жуткий гул человеческих голосов. Профессиональные побирушки, закоренелые хулиганы и проститутки всех возрастов, –

казалось, все отбросы города собрались в этом отвратительном месте. Официантки с изможденными лицами сновали среди посетителей, разнося подносы с едой. Виляя бедрами, они ловко уклонялись от смелых рук, преграждавших им путь. Когда одна из них проходила мимо меня, мне удалось спросить ее:

– Вы были знакомы с Лулу Гранд-Буш?

– Конечно! – ответила она, удивленно посмотрев на меня. Потом сложила ладони рупором и прокричала:

– Лулу! Твой клиент.

В глубине зала возник силуэт. Им оказалась толстая мужеподобная женщина с лицом, обезображенным серной кислотой. Косматые волосы спадали на ее блуждающие глаза. К груди она прижимала бутылку с джином. Я протянул гарпии полкроны и разговорился с ней, стараясь уйти от ее дыхания.

С изумлением я узнал, что на лондонском дне полным-полно Лулу Гранд-Буш. Этот псевдоним очень полюбился женщинам легкого поведения. Ни одна из них не слышала о деле Вилер. Многие женщины были изуродованы – они говорили, что такой метод воздействия широко распространен среди сутенеров. Если клиенты оставались недовольны услугами женщин, то последних наказывали – обливали лицо серной кислотой. Молодые женщины, если и выживали, лишались единственной возможности заработать, какой бы гнусной она ни была.

Другой образ вспомнился мне: отвратительные существа, теснящиеся в заброшенной фабрике, которую Кроули принял за Пандемониум. Лица многих женщин были покрыты отвратительными шрамами. Вне сомнения, это бывшие проститутки...

Десятки Лулу Гранд-Буш предлагали мне сомнительное удовольствие. Неимоверными усилиями я дал им понять, что вовсе не это привело меня сюда. Не в силах справиться с отвращением, я оставил этот след.

Уже тогда я не верил, что это убийство на почве ревности. Письмо, отправленное в полицию, было написано той же рукой, что и письмо от старой женщины и письмо так называемого соседа Пикоксов. Это был всего лишь сценарий, продуманный до мелочей чьим-то нездоровым воображением. Лулу Гранд-Буш была мифом. Как Лестрейд и его люди могли попасться в столь грубую ловушку?

Я перечитал заметки Ватсона. Меня предупредили Хиггинс и его банда.

Но каким образом Хиггинсу удалось выследить убийцу в таком огромном городе, как Лондон? Ведь я всего-навсего поручил ему ждать, не появится ли снова на своем обычном месте Джек-попрошайка.

Ответ находился в моих заметках. Во время тех событий юный Хиггинс и его маленькая банда жили в нескольких кварталах от этого жуткого подвала!

Они, должно быть, видели человека, переодетого дьяволом, и выследили его.

Простое совпадение? Или мальчику было известно намного больше, чем он сказал мне? Почему он убежал, лишь приблизившись к двери?

Мог ли Хиггинс быть сообщником убийцы? – вот новое подозрение, которого не возникало у меня раньше. Кем стал Хиггинс?

Все мои старания найти Хиггинса потерпели неудачу. Ведь в то время банда партизан состояла из ребят с улицы. У них не было ни знакомых, ни семей. Однако я знал, где найти их. Теперь они стали взрослыми. Как сложилась их судьба? Жили ли они по-прежнему в Лондоне?

Я надеялся найти больше улик в деле Девы Лукулюсской.

Полиция обвинила отчима несчастной, который поместил ее живой в статую-саркофаг.

Я перечел факты, обнаруженные после ужасной находки. Малколм Фэллоу, отчим девочки, был представлен монстром с развратным нравом. «Улики», собранные против него, были бесспорными.

И вновь сценарий был продуман в совершенстве. Снова обвиняемый отрицал все, что выдвигалось против него. Снова мое личное расследование не позволило мне отыскать ни

малейшего дефекта, ни малейшего отклонения от нормы в образцовой жизни этого господина. Но за чем наблюдал Гудини, спрятавшись во мраке исповедальни? Может, это он был теневым персонажем, человеком с тысячью лиц, способным манипулировать людьми и придумывать такие жуткие сценарии?

Этого вопроса сыщики ни разу не коснулись. Напротив, они обратились за помощью к иллюзионисту и медиуму Анне Эве Фэй. Но, действуя подобным образом, не привели ли они волка в овчарню?

Гудини тем временем продолжал мировую карьеру. В газетах регулярно появлялись статьи о его сногшибательных номерах.

А эта статуя, Дева Лукулюсская... Она появилась не благодаря чуду Святого Духа, хотя многие так считали. Я решил провести подробное проверочное расследование дела этой таинственной статуи.

После нескольких месяцев поисков я узнал, что Деву Лукулюсскую сняли с пьедестала и обратили в прах. Правительство стремилось таким образом уничтожить этот символ преступления и кощунства, из-за которого возник такой скандал. Но оно уничтожило и ценную улику.

Тогда я решил предпринять обширные библиографические поиски смотрителей основных музеев Европы. Спустя год я смог наконец сопоставить ответы лучших специалистов. Дева Лукулюсская – не более чем фантом. Подобная статуя никогда не существовала. Она – плод больного воображения. Зато в Средние века существовал саркофаг, начиненный пиками, носящий имя «Вдова Нюрнберг». Преступников закрывали в нем и держали до наступления смерти. Значит, этот варварский инструмент вдохновил нашего дьявольского скульптора на создание статуи.

Спустя еще несколько месяцев мое расследование привело меня в одну из двадцати семи литейных мастерских Лондона. Там меня ждал совершенно неожиданный поворот. Я обнаружил планы, по которым была создана Дева Лукулюсская. Эта статуя была сделана под очень большим секретом по заказу некоего... Реджинальда Фостера!

Мой мозг был готов взорваться. Как был замешан в эту чудовищную историю журналист? Какое отношение он имел к этим ужасным преступлениям? Им манипулировали или он подвергся чьему-то давлению? Мне показалось, что я обнаружил существенный элемент этой страшной мозаики, хотя он пока не позволял увидеть картину целиком.

Я по-прежнему убежден, что в прошлом кроется объяснение настоящего. Новое открытие дало мне силы продолжать поиски. Я снова окунулся в чудовищное дело, прошедшее почти незамеченным среди пятнадцати кровавых убийств: старый библиотекарь, задушенный книгой. Следствие мгновенно заключило под стражу его дочь.

С точки зрения полиции, виновность молодой девушки не вызвала никаких сомнений.

Многочисленные доказательства выглядели тогда неопровержимыми. Они тяжким грузом легли на хрупкие плечи девушки. Бедняжка умерла в тюрьме от отчаяния еще до начала процесса.

Долгое время я копался в ее прошлом и прошлом ее отца. Жизнь их была небогата событиями. Их связывала общая страсть к книгам. Ничто не предвещало столь резкой перемены в поведении дочери. Тем более никто не мог предположить, что девушка способна убить собственного отца, в котором она души не чаяла.

Расследование, проведенное по соседству с их домом, показало, что старая сиделка регулярно навещала прикованного к постели больного. Мне пришлось основательно разворошить память свидетелей, чтобы они вспомнили, что это была старая верующая. Она была вне всяких подозрений. Однако никто не мог вспомнить, какому религиозному ордену она принадлежала.

Верующая санитарка после смерти библиотекаря больше не появилась. Что было логично. Я вспомнил: за младенцем судьи Ричмонда также присматривала няня-верующая.

Могло ли это быть одно и то же лицо?

Я перешел к делу Ричмонда. Те события были еще свежи в моей памяти, будто произошли накануне.

Хазелвуд и Лестрейд надеялись, что убийца попадет в расставленные ими ловушки. Их

замысел провалился. Преступление было совершено у них под носом, в комнате, где находился младенец. Все было окружено тайной. Полиция была твердо уверена в том, что никто не входил в комнату и не покидал ее. А старая няня, которая ухаживала за малышом, к сожалению, отправилась на тот свет, и допросить ее не представлялось возможным.

Как же провести проверочное расследование?

Я решил использовать метод, который много раз доказывал свою состоятельность, – метод исключения. Нужно исключить все невозможные гипотезы. Оставшаяся гипотеза и окажется решением проблемы. Будучи картезианцем и прагматиком, я мгновенно исключил все сверхъестественные или какие бы то ни было мистические объяснения.

Никто не проникал в комнату и не выходил из нее. Значит, убийца находился внутри. Кроме младенца в комнате был один-единственный человек: старая няня. Значит, няня убила младенца! Эта идея уже приходила мне на ум. Но я отбросил ее, поскольку она никак не увязывалась с высказываниями свидетелей. На самом деле старая няня была очень близка к судье и к его семье. Ее жизнь была посвящена служению Другим, в том числе этому младенцу, которого она любила больше всего на свете. Зачем же ей совершать столь ужасное убийство?

Я снова и снова перечитывал точный рассказ Ватсона. Вот что говорилось в отчете газеты «Таймс», который процитировал мой друг:

«Поднялась невероятная суматоха, сопровождаемая криками ужаса, полицейскими распоряжениями и пронзительными свистками. Охваченная паникой и все еще находящаяся под действием снотворного, старая няня, спотыкаясь и пошатываясь, выскочила из дома, закрыв лицо руками, пробежала мимо псарни и устремилась в ледяной мрак. Внезапно собаки залаяли как бешеные, и новый вопль разорвал ночь. Некоторое время спустя нашли бездыханное, окоченевшее тело сестры Марты. Смерть запечатлела на ее лице выражение страха».

«Закрыв лицо руками»! Конечно, разве в момент всеобщей паники кому-нибудь пришло бы в голову разглядывать няню? Никому! А что, если эта мнимая верующая и была убийцей?

Другой абзац пришел мне на память: «Голос няни был хриплым от ангины».

Жуткий сценарий принимал все более четкие очертания. Нужно восстановить все факты.

А что, если этот охрипший от ангины голос был лишь подделкой, как и голос пожилой женщины в церкви?

Убийца занял место няни. Ведь он уже принимал обличие старой женщины в церкви и побирушки Джека, и ему удалось обвести нас вокруг пальца! Если так оно и было, то он был заперт в комнате вместе с младенцем. Он убил ребенка, оставив на подушке одну голову. Когда ужасное убийство было обнаружено, он разыграл ужас и панику, утверждая, что видел самого дьявола. Воспользовавшись всеобщим смятением, он закрыл лицо руками и выбежал на улицу.

Но где он спрятал тело? Наверняка избавился от него, поскольку оно так и не было найдено.

Я снова перечитал текст Ватсона. Одно предложение внезапно привлекло мое внимание: «Внезапно собаки залаяли как бешеные».

Почему вдруг собаки залаяли как бешеные? По моей спине пробежал холодок ужаса. Убийца бросил им тело ребенка, и они сожрали его!

Но кроме этого, казалось, ничего больше не сходится. Пожилая женщина умерла несколько минут спустя. Полиция установила смерть вследствие отравления цианидом. Если только не...

«...Новый вопль разорвал ночь. Некоторое время спустя нашли бездыханное, окоченевшее тело сестры Марты. Смерть запечатлела на ее лице выражение страха».

Как я мог поступить так безрассудно?

Ее «окоченевшее тело» свидетельствовало вовсе не о пережитом ужасе, как сообщалось в статье, а о том, что началось трупное окоченение! И почему смерть от цианида подкосила няню именно в тот момент, ведь у нее хватило сил и энергии выбежать из дома! Несчастной жертвой и правда была няня. Но она умерла задолго до той ночи. Ее тело прятали где-то недалеко от дома.

Теперь я мог восстановить последовательность тех событий и увидеть все так, как оно было на самом деле.

Убийца долгое время следил за домом судьи, замышляя дьявольское убийство. Впрочем, не он ли изображен на рисунке Хазелвуда? Он наблюдал за няней. Он знал время и продолжительность ее малейших передвижений, часы ее молитв в церкви и часы ее прогулок с младенцем судьи Ричмонда. Он знал жертву как свои пять пальцев. Может быть, он даже общался с ней, самым безобидным образом, для того чтобы изучить тембр ее голоса и манеры поведения. Каждый вечер перед зеркалом он переодевался в добрую сестру, гримировал лицо и прятал волосы под традиционным головным убором всех верующих. Наверняка он тестировал свой маскарадный костюм на третьих лицах. Иллюзия была совершенной. Он был готов.

И вот настал долгожданный день. Он похитил верующую, отравил ее и спрятал ее тело недалеко от дома судьи в заранее приготовленном тайнике. Ужасный эпилог этой истории известен всем.

А мне осталось лишь проверить свои выводы. Я отправился на место преступления и принялся изучать окрестности дома. Торговцы квартала знали эту историю во всех подробностях. До сих пор сплетники с удовольствием обсуждали жуткого детоубийцу и высказывали самые безумные домыслы. Все помнили старую няню. Я без труда нашел многочисленных свидетелей.

– Видели ли старую няню в сопровождении кого-нибудь?

– Да, она будто была дружна со старым священником, который жил в том же квартале и любил прогуливаться в том же парке, что и она. Их часто видели вместе.

– О чем они говорили?

– Наверное, о религии, о прошлом, как все пожилые люди.

– Видели ли священника после смерти его подруги?

– И правда, нет... Теперь, когда вы спросили...

– Какого роста был старик?

– Ну и вопросы у вас! Почти как его подруга, около метра шестидесяти.

– Они были похожи?

– Разумеется, нет. Он был пожилым господином, а она пожилой дамой. Но если поразмыслить, то между ними действительно было какое-то сходство. У них вроде была одинаковая походка, одинаковая манера держаться, одинаковое выражение лица... И правда, вспомнив все это, можно сказать, что они были похожи... в каком-то роде.

Где нашли безжизненное тело няни? Рядом с техническим сараем – это что-то вроде небольшой лачуги, которой иногда пользовались путейские рабочие. Этой хижины уже не существует – она была разрушена после убийства ребенка судьи Ричмонда. Никто так и не понял почему.

Итак, старая няня и верующая, которая ухаживала за библиотекарей, – одно и то же лицо. Теперь все сходилось. Сомнение превратилось в убеждение, но я так и не нашел разгадки тайны. Нужно было продолжать расследование в надежде увидеть свет в конце тоннеля. Я решил ничего не оставлять на волю случая. Каждое из пятнадцати убийств должно стать объектом тщательного проверочного расследования. Мне следовало торопиться, потому что время шло и мое здоровье ухудшалось.

Я взял в руки досье Аниты Корнвелл. Речь шла о чудовищном убийстве молодой женщины. Ее нашли задушенной собственными внутренностями на одной из мрачных улиц квартала Лаймхаус. Это преступление оттеснило Джека-Потрошителя в разряд безобидных царапальщиков.

Сосед заявил, что наблюдал за происходящим из окна своей комнаты, спрятавшись за занавеской. Он предоставил полиции точное описание убийцы. Проведя расследование, Лестрейд определил, что убийцей является муж несчастной, некий Уильям Корнвелл, оптовый торговец вином и спиртными напитками. В результате обыска в доме Корнвеллов была обнаружена одежда со свежими следами крови в ящике для грязного белья. Эта находка

подтвердила заключения Лестрейда. Все улики указывали на мужа.

Но кем был тот свидетель? Был ли он достоин доверия? Почти сразу после убийства он растворился в лондонской атмосфере, как и Джек-попрошайка.

Вооружившись тростью пилигрима, я отправился на поиски этого таинственного свидетеля. Но как подобраться к досье Уильяма Корнвелла? Я так хорошо знал Скотланд-Ярд! Мне придется проявить чудеса дипломатии и хитрости.

Вначале я решил убедить Хазелвуда в обоснованности моего предприятия. Со времени тех событий прошли годы. Тот, кого сочли виновным, понес наказание.

Хазелвуд колебался. Затем он вынудил меня к бесчисленным обещаниям. Нет, я не собираюсь бросать тень на работу Лестрейда. Нет, я не сообщу прессе о результатах моего нового расследования. Да, я проинформирую одного лишь Корнелиуса Хазелвуда. Нет, я не собираюсь своей работой нанести вред полиции и осквернить ее современные методы ведения следствия.

Хазелвуд наконец уступил мне, но какой ценой! Мне пришлось пасть достаточно низко. Он боялся меня? Или пытался скрыть еще более ужасную тайну? Зачем все эти меры предосторожности в отношении меня?

Как бы то ни было, после нескольких недель хождения по мрачным администрациям я получил доступ к досье. Я мог воспользоваться им в помещении Скотланд-Ярда, без права изъятия, в присутствии давшего присягу агента и без возможности скопировать что бы то ни было.

Наконец я нашел информацию, которую искал: имя и адрес свидетеля. «Мистер Мортимер Пендертон, Солиман-Бэйд-стрит, 12», в самом сердце квартала Лаймхаус.

Я тотчас отправился туда.

Экипаж высадил меня напротив дома 12. Это была меблированная квартира с облупившимся фасадом, где рабочие десятками проживали в тесных комнатках без всяких признаков гигиены. Я постучал в калитку. Седой мужчина, грязный и плохо выбритый, отворил дверь и осмотрел меня с головы до ног. Мне показалось, что в его взгляде я различил слабый отблеск беспокойства.

– Что вам нужно? Вы из Службы гигиены?

Цербер ошибся касательно повода моего визита, но тем самым бросил мне спасительную нить.

– Обычная проверка, – сказал я тоном, который не должен был вызвать у него никаких сомнений.

Он позволил мне войти в маленькую, плохо освещенную комнату, служившую здесь гостиной. Старая печь для каменного угля урчала в углу и наполняла дымом спертый воздух. Вдоль стен были протянуты веревки, на которых сохло белье.

Я воззрился на целый ряд женского белья.

– Был ли у вас жилец по имени Мортимер Пендертон?

Человек почесал голову грязными руками.

– Пендертон, Пендертон... это имя мне ни о чем не говорит. Он жаловался в Службу гигиены?

Поскольку я не отвечал, он раскрыл липкую от грязи книгу записей и перевернул несколько страниц.

– В последний месяц никакого Пендертона у меня не было.

Я забыл сообщить ему существенную информацию.

– Пендертон, о котором я говорю, жил у вас пятнадцать лет назад, в январе.

Он посмотрел на меня в крайней растерянности.

– Что? И только сейчас он подал жалобу?

- Мне нужны сведения о нем.
- Сведения? В какую игру вы играете?
- В потеряй-найди. Предоставьте мне информацию, которую я ищу, иначе рискуете многое потерять.
- Но...
- Очень многое.
- Ну хорошо, хорошо. Я посмотрю в архиве.

Он на минуту вышел и вернулся с другой книгой записей, еще более замусоленной, чем прежняя. Перевернул несколько страниц. Указательным пальцем пробежал несколько столбцов и остановился.

- Пендертон. Мортимер Пендертон. Он жил здесь всего неделю. В неделю убийства. Теперь я вспомнил.
- В какой комнате он жил?
- В единственной отдельной комнате. Это на первом этаже, следуйте за мной.

Он взобрался по наклонной лестнице, которая грозила обрушиться под каждым его шагом. Я шел за ним, молясь, чтобы он не упал на меня. Добравшись до лестничного проема, я чуть не задохнулся от жуткого запаха. Это была отвратительная смесь жареного лука, человеческих испражнений и каменного угля. Человек ягодицей толкнул дверь.

- Это здесь. Как видите, здесь есть все удобства. Все удобства заключались в жалком убогом ложе, шатком кресле, крошечном столике, стуле без спинки и желтой раковине, подвешенной под выщербленным зеркалом. Я зажал нос, не в силах вдыхать это зловоние.

Он заметил мое движение и направился к окну.

- Запах от соседей, достаточно открыть окно – и он сразу испарится.

Окно-то как раз и было целью моего визита.

- Осмотрите все как следует!

Я открыл шаткую оконную створку и нагнулся.

- Отсюда Пендертон наблюдал за убийством молодой женщины?

Огромный чербер указал пальцем на тротуар напротив.

- Да, это произошло на той стороне улицы, прямо напротив.
- Другие жильцы ничего не видели и не слышали?
- Не знаю. В других комнатах нет окон.
- И вы ничего не видели?
- Ничего такого. Моя комната выходит во двор, в противоположную сторону.

Человек бросил на меня подозрительный взгляд.

- Вы случайно не сыщик?
- Возможно, но я знаком кое с кем из Службы гигиены.
- Вы ведь не добавите мне проблем?
- Это зависит от вас. Опишите подробно этого Мортимера Пендертона.

Он снова почесал голову, будто надеясь наскрести какие-нибудь воспоминания.

- М-м-м... давно это было. Не помню я больше ничего.

Внезапно он широко распахнул совиные глаза.

- Нет, кое-что помню. Он носил темные очки и никогда их не снимал.
- Даже в помещении?
- Даже в помещении.
- Это не показалось вам странным?
- Да, но когда клиент платит авансом такой тариф, не принято задавать ему вопросов, господин.
- Какой тариф?
- Мортимер заплатил вчетверо против цены, это записано в книге, можете проверить, если желаете.
- Зачем он платил так много?

Он пожал плечами.

- Мне ничего не известно. Может, он прятался от кого-то и не хотел, чтобы его узнали. Нередко ведь случается, что господа из высшего общества водятся со всяким сбродом в Лаймхаусе, одеваясь так, что ни у кого не вызывают подозрений. А наш брат просто получает деньги и закрывает на все глаза.
- Вы рассказали об этом полиции, когда велось следствие?
- Нет. Впрочем, меня никто и не спрашивал.
- Что? Никто не допросил вас?
- А чего ради? Мортимер был тут. Он отвечал на все вопросы. Он ведь был свидетелем убийства, а не я.
- Вы после этого видели Мортимера?
- Нет, никогда.

Итак, полиция взяла свидетельские показания у самого убийцы. У полиции не бывает подозрений. Кроме того, она торопится найти виновного.

Убийца постарался не оставить ни одной улики, которая могла бы выдать его. Он действовал профессионально и, судя по всему, владел искусством криминального расследования. И опять же он никак не походил на Марка Дьюэна, беглеца из Миллбэнк.

Тот день стал решающим в моей судьбе.

Новость красовалась на первой странице «Таймс»: «Знаменитый инспектор Лестрейд, раскрывший лондонские преступления, публикует свои архивы».

Случаи позабавиться предоставляются не так часто, поэтому я пробежал глазами статью, озаглавленную: «Воспоминания Балтазара Лестрейда, первого полицейского Лондона». Величайший фантазер Скотланд-Ярда подробно рассказывал о том, как ему удалось поймать Марка Дьюэна в результате смехотворной облавы. На самом деле его откровения граничили с наглой ложью и фальшивыми анекдотами, призванными удовлетворить его эго. Он вернулся к четырнадцати преступлениям, которые блестяще раскрыл.

Я продолжил чтение, пока не наткнулся на следующую фразу: «Лорд Сен-Джеймс был опасным рецидивистом. Впрочем, он уже был судим в связи со смертью его первой супруги, 25 мая 1895 года».

Сен-Джеймс рецидивист? Этого я не знал. Нужно как можно скорее проверить эту информацию. Сделать это будет несложно, поскольку я располагал датой процесса.

Я тотчас направился к архивам лондонского трибунала. Мне хватило нескольких минут, чтобы найти нужного мне конторского служащего, сидящего неподвижно за своим столом, будто живая мумия, пребывающая в нескольких параллельных измерениях, вне времени и пространства.

Я встал перед ним, полный решимости заставить его предоставить мне доступ к архивам. Рассыльный пробормотал, не поднимая глаз:

– У вас есть авторизация на просмотр?

– Все в должной форме, – ответил я, прикладывая к его носу дуло пистолета.

Заплесневелая мумия подскочила. Служащий наконец взглянул на меня, его глаза наполнились диким ужасом.

– Ми... мистер Холмс, какая радость!

– Откройте зал, где хранятся архивы, мне нельзя терять ни минуты.

– Сейчас открою.

Я без труда нашел полку, на которой хранились архивы 1895 года. Нашел те, что относились к маю того года. Дрожащей рукой я взял невероятных размеров досье от 25 мая 1895 года. В тот день имели место три процесса: Мардок Латуш, Питер Галливелл и лорд Уильям Сен-Джеймс!

Мое сердце билось как сумасшедшее. Я понял, что достиг цели.

Я открыл досье и обнаружил невероятное: процесс возглавлял судья Алан Ричмонд.

Обвиняемым был лорд Уильям Сен-Джеймс. Список присяжных был представлен на первых страницах. Двенадцать присяжных, в соответствии с английским законом. Мои ноги подкосились. Грудь словно пронзило кинжалом. На какое-то мгновение я оперся о стену архивного зала, чтобы перевести дыхание.

«Присяжный JV? 1: Джон Кинсли, торговый представитель:

Присяжный № 2: Генри Кардвелл, банкир.

Присяжный № 3: Джеймс Варнс, коммерсант.

Присяжный № 4: аббат Пол Мередит.

Присяжный № 5: Ричард Аббенсон, промышленник.

Присяжный № 6: леди Барнингтон.

Присяжный № 7: Лео Барникель, капитан судна.

Присяжный № 8: Джон Пикокс, хирург.

Присяжный № 9: лорд Вилер.

Присяжный JV? 10: Малколм Фэллоу, ученый.

Присяжный № 11: Маргарет Баттерфилд, библиотекарь.

Присяжный № 12: Уильям Корнвелл, оптовый торговец вином и спиртными напитками».

Наконец у меня перед глазами оказался список двенадцати жертв. Так вот та нить, которая их связывала! Вот что не успел сказать мне Джон Пикокс. Эти мужчины и женщины объединились против мужчины, но с целью восстановить правосудие и справедливость.

Двенадцать присяжных плюс судья, Алан Ричмонд, и обвиняемый, лорд Сен-Джеймс. Четырнадцать жертв. В этом Списке не хватало лишь Марка Дьюэна.

Мне с трудом верилось, что лорд Сен-Джеймс был настоящим убийцей... А какое отношение к этому процессу имел Марк Дьюэн?

Я пролистал вводные страницы процесса, когда вдруг новая волна адреналина захлестнула мое тело. Я обнаружил имя главного обвинителя лорда Сен-Джеймса: Реджинальд Фостер, журналист и писатель!

Что делал Фостер во всей этой истории? И в чем обвинял он лорда Сен-Джеймса?

Я узнал, что он выступил в качестве гражданского истца. Он утверждал, что имеет неоспоримые доказательства виновности лорда Сен-Джеймса.

Могло ли все это быть связано с расследованием, которое он вел?

Я пробежал глазами основные обвинения, выдвинутые адвокатами Фостера против лорда Сен-Джеймса. Фостер обвинял его в том, что он толкнул свою супругу на самоубийство, чтобы завладеть ее состоянием. Ему это удалось благодаря беспрестанному преследованию и регулярному брачному насилию. Были ли эти обвинения обоснованны?

Я перевернул несколько страниц, чтобы ознакомиться с различными свидетельствами.

«Суд вызывает Алана Мура, врача.

Судья Алан Ричмонд: Вы подтверждаете, что лечили леди Сен-Джеймс?

Доктор Мур: Да, ваша честь.

Судья Ричмонд: Вы можете точно сказать нам, чем страдала леди Сен-Джеймс?

Доктор Мур: У нее были ужасные приступы страха и... это необходимо уточнить, ваша честь?

Судья Ричмонд: Конечно. Вам не следует ничего скрывать. Присяжные должны получить максимум информации, чтобы вынести верный вердикт.

Доктор Мур: Ну хорошо, я бы сказал, что леди Сен-Джеймс страдала сильным психическим расстройством...

Судья Ричмонд: Это расстройство привело к помешательству?

Доктор Мур: Думаю, я не выдам врачебной тайны, если скажу то, что ее окружение уже давно знало. Леди Сен-Джеймс побывала в нескольких специальных учреждениях для лиц, имеющих психические расстройства.

Судья Ричмонд: Скажите прямо. Леди Сен-Джеймс была безумна?

Доктор Мур: Очень неловко отвечать на такой вопрос. Мы, врачи, пытаемся излечить наших пациентов...

Судья Ричмонд: Отвечайте на мой вопрос, доктор. Она была безумна?

Доктор Мур: Да.

Судья Ричмонд: Ее состояние со временем улучшалось?

Доктор Мур: Нет, ухудшалось. Кризисы становились все более частыми.

Судья Ричмонд: В чем заключались кризисы?

Доктор Мур: Она задыхалась от ужаса. Казалось, она боится всего и вся. У нее развилась опасная паранойя.

Судья Ричмонд: У нее была склонность к самоубийству?

Доктор Мур: Да. Много раз она пыталась свести счеты с жизнью. Ее чудом спасали в последний момент.

Судья Ричмонд: Вы проводили вскрытие трупа?

Доктор Мур: Да, ваша честь.

Судья Ричмонд: Можете озвучить точные обстоятельства ее смерти?

Доктор Мур: Да. Она прыгнула с высоты около десяти метров и упала на железную решетку, находящуюся под окнами ее комнаты. Она умерла не сразу. Многие тщетно пытались вернуть ее к жизни. Это никому не удалось. Ее агония длилась около часа. Мы ввели ей большую дозу кокаина, чтобы уменьшить страдания.

Судья Ричмонд: Спасибо, доктор. Вам есть что добавить?

Доктор Мур: Да, но это является врачебной тайной.

Судья Ричмонд: Говорите, прошу вас. Присяжные должны услышать все.

Доктор Мур: В результате вскрытия я выяснил, что леди Сен-Джеймс была беременна. Плод погиб в результате падения».

Я перевернул несколько страниц, дрожа от нетерпения и любопытства, в поисках следующего свидетельства.

«Суд вызывает Клэри Барнсвуд.

Судья Ричмонд: Назовите вашу должность.

Мисс Клэри Барнсвуд: Я гувернантка, служу у лорда Сен-Джеймса.

Судья Ричмонд: Давно вы у него на службе?

Мисс Барнсвуд: С самого начала, ваша честь. Я видела, как он родился и вырос.

Судья Ричмонд: Что вы думаете о моральном облике лорда Сен-Джеймса?

Мисс Барнсвуд: Он добрый и честный человек.

Судья Ричмонд: А что вы думаете о леди Эмили, его супруге?

Мисс Барнсвуд: Я делала для нее все, что было в моих силах. Но она была очень хрупкой и нестабильной... Ее психическое здоровье ухудшалось с каждым днем. Она жила в вымышленном мире. Она не была создана для этого мира. Лорд Сен-Джеймс сильно страдал от этого.

Судья Ричмонд: Лорд Сен-Джеймс когда-либо проявлял физическое или словесное насилие по отношению к своей супруге?

Мисс Барнсвуд: О нет, ваша честь. Он боготворил ее и проявлял к ней большую заботу.

Судья Ричмонд: Спасибо, мадемуазель. Можете вернуться на свое место».

Вскоре я обнаружил новое интересное свидетельство.

«Суд вызывает мистера Пола Бишоп.

Судья Ричмонд: Какую должность вы занимаете?

Пол Бишоп: Я – финансовый советчик лорда Сен-Джеймса.

Судья Ричмонд: Это правда, что лорд Сен-Джеймс был на грани банкротства?

Пол Бишоп: Нет, ваша честь. У лорда Сен-Джеймса не было никаких финансовых проблем. Напротив. Следуя моим советам, он сделал вложения, оказавшиеся весьма выгодными.

Судья Ричмонд: Мог ли он убить свою жену с целью завладеть ее состоянием?

Пол Бишоп: Нет, ваша честь, это совершенно невозможно.

Судья Ричмонд: Почему же?

Пол Бишоп: Потому что у леди Сен-Джеймс не было никакого личного состояния».

Вот так странный случай. Что же заставило тогда лорда Сен-Джеймса убить свою супругу?

Затем в отчете сообщалось, как лорда Сен-Джеймса вывели на скамью свидетелей, где он поклялся на Библии, перед тем как ему стали задавать обычные в таких случаях вопросы. Он назвал свое имя, возраст, адрес и семейное положение.

«*Судья Ричмонд:* Лорд Сен-Джеймс, сколько времени прошло с тех пор, как вы женились на леди Сен-Джеймс?

Лорд Сен-Джеймс: Два года, ваша честь.

Судья Ричмонд: Простите грубость моих вопросов. Можете сказать нам, что привлекло вас в этой неуравновешенной женщине, склонной к самоубийствам?

Лорд Сен-Джеймс: Моя жена не всегда была неуравновешенной и склонной к самоубийствам, ваша честь. Ее психическое здоровье резко ухудшалось. Я видел, как она деградирует, и не мог ничего поделать. Она была человеком исключительно чувствительным и умным, но на редкость хрупким.

Судья Ричмонд: Однако доктор Мур утверждает, что ваша жена была безумна.

Лорд Сен-Джеймс: Согласно его критериям она, безусловно, была таковой. Но на таком уровне безумие граничит с гениальностью. Я бы сказал, что она была слишком светлой, чтобы вынести этот мир. А еще она была красива, почти нереально красива. Божье творение.

Судья Ричмонд: Вы убили ее?

Лорд Сен-Джеймс: Нет, ваша честь. Единственное, чего я желал всем сердцем, – увидеть, как она поправится. Я любил ее больше всего на свете. Мне потребуются долгие годы, чтобы оправиться от такого горя.

Судья Ричмонд: Спасибо. Можете вернуться на свое место».

Кажется, лорд говорил искренне. Но может быть, он убил свою жену, чтобы избавить ее от длительной психической деградации?

«*Судья Алан Ричмонд вызывает адвоката лорда Сен-Джеймса, мэтра Марка Дьюэна...*»

Конца не было сюрпризам. Так, значит, Дьюэн был адвокатом лорда Сен-Джеймса. Теперь список из пятнадцати жертв стал полным.

Я пробежал глазами защитительную речь Дьюэна, затем добрался до вердикта присяжных: «Отсутствие состава преступления... Единодушно оправдан присяжными».

Теперь я точно ничего не понимал!

Следуя логике, лорд Сен-Джеймс должен был быть признан виновным, вследствие чего он и задумал месть для всех своих присяжных. Но получилось наоборот. Он был оправдан. За что же он наказал всех этих людей, признавших его невиновным?

Тревога охватила меня. Снова я попал в безвыходное положение. Я понял, что правда скрыта в другом месте. Нужно разработать новый сценарий, который совпадал бы с фактами.

Единственным человеком, который действительно держал зло на лорда Сен-Джеймса, был Реджинальд Фостер. Был ли он убийцей? Я вспомнил, какое открытие я сделал в одной из литейных мастерских Лондона. Реджинальд Фостер заказал статую Девы Лукулюсской.

Абсурд. Фостер погиб, пытаясь разоблачить преступника.

Если только не...

Если только тело, найденное в камере тюрьмы Миллбэнк, действительно принадлежало Фостеру...

Но как могло быть иначе?

Хотя свидетельства вызвали у меня кое-какие сомнения. Но я решил не принимать их на веру, поскольку они исходили от медиума Анны Эвы Фэй. В то время я следил за Гудини, его супругой и Анной Эвой Фэй, убежденный в том, что эта тройка выведет меня на убийцу.

Через несколько секунд я нашел нужный отрывок в записках Ватсона. Действие происходило в камере Дьюэна:

«Анна Эва Фэй заявила, что чувствует негативные волны... она сказала, что заключенный никогда не покидал камеры и что он по-прежнему бродит по закоулкам тюрьмы».

А что, если у этой спиритки было верное предчувствие?

Я попытался вспомнить цепь рассуждений, позволивших мне тогда прийти к выводу, что Фостер был убит и зарыт в той камере. Прежде всего, существовала статья, в которой сообщалось о побеге из Миллбэнк некоего Марка Дьюэна, адвоката, которого разорил таинственный шантажист.

На месте я обнаружил, что сторожем был не кто иной, как журналист Фостер, который вел поиски загадочной преступной группы.

Меня заверили, что никто не мог ни войти в тюрьму, ни выйти из нее в промежутке времени между тем, как спустилась ночь, и сменой охранников ранним утром.

Действуя методом исключения, как обычно, я пришел к выводу, что заключенный сумел покинуть пределы тюрьмы, переодевшись сторожем. Ватсон выдвинул много возражений, которые я отверг. Старина Ватсон, возможно, был прав, когда сомневался во всем этом.

Мое предположение подтвердилось тем, что в камере обнаружилось тело мужчины, которое опознали как тело Фостера. Но кто опознал тело?

И снова я обратился к тексту моего друга:

«– Вы можете опознать этого человека?

Компостел подавил приступ тошноты и бросил быстрый взгляд на труп.

– Это он. Фостер.

Ему не терпелось поскорее покончить со всем этим.

– Спасибо за все, мистер Холмс. Я... я не смею более злоупотреблять вашим временем».

Компостел едва взглянул на тело. Как он мог быть так уверен? Его единственной целью было как можно скорее покончить со всем этим. Он бы опознал саму королеву Англии, если бы его попросили об этом.

Впрочем, разве не Компостел опознал того несчастного, которого Лестрейд задержал и велел повесить без суда и следствия как Марка Дьюэна? В таком случае как можно доверять этому жалкому типу?

А что, если тело, которое мы нашли в камере, не было телом Фостера? Но как опознать тело по прошествии стольких лет?

Внимательное изучение записок Ватсона снова подарило мне решение:

«– А этот Марк Дьюэн – он когда-нибудь убивал?

– Маловероятно. Почему вы так думаете?

– За тридцать лет службы в тюрьме я многих преступников перевидал. Этот, возможно, и был самым злостным грабителем, но вид крови пугал его. Помню, как-то раз ему нужно было выдрать два коренных зуба, здесь и здесь.

Сторож вытер руки о полы куртки, широко раскрыл рот и показал на свои зубы. Мы так и не поняли, о каких именно зубах он говорил».

Зубы!

Вот что позволит безошибочно опознать тело! Это был современный и революционный метод.

Оставалось найти голову.

Я снова отправился в тюрьму Миллбэнк, то есть к истокам этих невероятных преступлений.

Директор, Балтимор Компостел, встретил меня слащавыми словами и заискивающими жестами. У него не появилось ни морщинки, настолько жирной была его кожа, но тело его было таким же оплывшим, как и раньше. Из-под его панталон выглядывали валики жира. Его рубашка, хотя и была очень просторной, не сходилась на нем. Он по-прежнему распространял зловоние, но теперь сильный запах испорченного мяса примешивался к его естественному запаху мускусной говядины. Он был спокоен, как курица, приглашающая лису посетить ее курятник. Его бегающий от природы взгляд выдавал смесь недоверия и страха. Его нос хорошо помнил удар моего кулака.

– Вы, разумеется, помните дело о побеге, – начал я.

– Разумеется. Как я могу забыть такое? Это единственный побег за всю историю тюрьмы. Обычно никто не убегает из Миллбэнк.

– Моя гипотеза, возможно, подтвердит ваши слова. Может быть, этот заключенный не покидал стен тюрьмы.

Директор тюрьмы растерянно смотрел на меня.

– Что? Но вы ведь нашли тело Фостера в камере.

– Я бы не был в этом так уверен.

Компостел скорчил самую тупую гримасу, что, однако, не сильно изменило обычного выражения его лица.

– Ну я ничего не понимаю.

– Вы уверены, что опознали тогда тело Фостера?

Бык секунду колебался.

– Да...

Я медленно помассировал фаланги правой руки.

– Вы абсолютно уверены?

Инстинктивно он заслонил нос рукой.

– Я... честно говоря, не слишком хорошо помню лицо Фостера. Я видел его всего однажды. И... глядя на этот труп... мне хотелось побыстрее покончить с этим.

– Что вы сделали с найденным телом?

– Мы захоронили его ни тюремном кладбище в тот же день.

– Мне нужна голова.

Компостел опустился на стул, как большой воздушный шар, из которого выпустили воздух.

– Его голова? И не думайте об этом.

Эта мысль привела его в ужас.

– Результат моего расследования будет зависеть от анализа его зубов.

– Его зубов? Нет, я не могу. Я рискую потерять место.

Будучи знатоком человеческой природы, я заранее приготовил аргумент, соответствующий

положению моего собеседника. Я достал из кармана кошелек, наполненный монетами, подбросил его два или три раза на ладони и поставил перед ним.

– Может, придем к соглашению?

Компостел взвесил кошелек на руке.

– Это запрещено...

Он потянул за ремешок. Поток золотых монет просочился сквозь его пальцы. Его свиные глазки заблестели.

– Хорошо. Но только я ничего не знаю.

На кладбище не было охраны. Под прикрытием темноты я скользил между крестами и наконец отыскал могилу Реджинальда Фостера, во многом благодаря указаниям Компостела. Остальное заняло у меня не более часа. Я завернул голову трупа в плотную ткань и ушел с моей странной добычей. Домой я вернулся уставший, но счастливый.

Ватсон выбрал именно тот день, чтобы нанести мне визит. Он покорно ждал меня в гостиной. Кажется, моему старинному другу было не по себе. У меня не было времени, чтобы во всех подробностях рассказать о расследовании. Он покинул меня внезапно, без всякой видимой причины. Я попытался догнать и остановить его, но он скрылся в ночи, будто увидел самого дьявола. Поди пойми человеческую натуру.

Я вернулся к работе. Изучение челюсти показало, что в ней отсутствовали коренные зубы, о которых говорил старый сторож. Я держал в руках голову Марка Дьюэна. Определенно, дело непростое.

Значит, Фостер убил заключенного, а не наоборот.

Я снова попытался разработать версию, соотносящуюся с моей находкой.

Что случилось в Миллбэнк? Фостера ввели в камеру. Он убил Марка Дьюэна, разрезал его на куски, захоронил под кроватью. И оставил записку, в которой сообщал о мести, предвестнице будущих убийств. Итак, все говорило о том, что это было тело Фостера, и все были убеждены, что из тюрьмы бежал Дьюэн.

Зачем Фостеру понадобилось все это? Очевидно, для того, чтобы уйти из поля зрения и перевести все подозрения на этого неуловимого убийцу.

Значит, Фостер жив и поныне. Мы с самого начала охотились за призраком. Этот спектакль был призван лишь отвлечь наше внимание.

А несчастный, которого поймал, осудил и повесил Лестрейд, был вовсе не Марком Дьюэном, а бедным пастухом, который дорого заплатил за свое сходство с Дьюэном.

В дверь постучали. Мэтр Олборн поднял голову.

– Войдите!

– Завтрак, господа.

– Вы, наверное, ошиблись, – ответил нотариус. Он в растерянности посмотрел на настенные часы.

– Восемь часов утра.

За окном занимался новый день. Сквозь просветы в занавесках пробивались робкие лучи солнца. Горничная раздвинула их, и кабинет наполнился светом. Было холодно. Высокий мужчина с седыми волосами подкинул дрова в камин. Огонь тотчас же занялся, и мы почувствовали мягкое тепло, распространившееся по комнате.

В пятый раз мы заняли места за обеденным столом.

Эта небольшая пауза пришлась как нельзя кстати. Однако все согласились, что ее не следует затягивать. Нам не терпелось узнать эпилог этой невероятной истории. Кроме того, каждый чувствовал ужасную усталость.

Я пил чай, надеясь, что он менее крепкий, чем предыдущий.

– Я знаю, кто убийца, – объявил Майкрофт Холмс серьезным и спокойным голосом.

Лестрейд протер глаза и зевнул, широко раскрыв рот.

– Вы задумали новый опыт?

– Нет. На этот раз я вполне серьезен. Я ведь сразу сказал: ищите того, кому были выгодны убийства. А сейчас я завершу то высказывание: ищите того, кто заварил скандал.

Лестрейд скорчил скептическую гримасу.

– И кто же это?

– Все началось в журнале «Фантастика». Вы ведь помните. Расследование Фостера было опубликовано в «Фантастике». Описания убийств были напечатаны там же.

– И что?

– Вспомните, что говорил Самюэль Боктон, директор «Фантастики». Я процитирую его слова: «Люди хотят крови и жутких, ужасных преступлений. Это освобождает их от страхов и удовлетворяет самые постыдные фантазии. „Фантастика“ в полной мере удовлетворяет их потребности».

Уильям Олборн широко раскрыл глаза.

– Вы считаете, что у истоков всего стоит Боктон?

– А почему нет? Это из-за него разразился скандал. Разве не он опубликовал эти преступления непосредственно перед тем, как они произошли? И получил от этого выгоду. Разве не он заявил с гордостью: «Мы переезжаем. Наконец-то мы уедем из этого проклятого квартала. Мы обоснуемся в Сен-Джонс-вудс, в месте, куда более подходящем нам по рангу. Наконец я дождался этого».

– Все сходится.

Нотариус вздохнул, будто избавляясь от избытка стресса.

– Но как этому Самюэлю Боктону удалось совершить преступления, не оставив ни малейшей улики?

– Мой брат сам объяснил это. Убийца был хорошо знаком с его методами и был в состоянии остаться незамеченным.

Майкрофт Холмс повернулся к Лестрейду.

– Самюэль Боктон всегда мечтал соперничать с журналом «Стрэнд». Он изучил каждое дело Шерлока Холмса и знал ход его мыслей.

Лестрейд изо всех сил боролся со сном. Он намазал масло на кусок хлеба и вытер нож о край своего пиджака, перепутав его с салфеткой.

– Значит, Боктон отнял жизни невиновных с одной целью – утолить мерзкий аппетит читателей и поправить свое материальное положение. Но какое отношение он имеет к процессу лорда Сен-Джеймса?

Майкрофт Холмс ничего не ответил.

Лестрейд вернулся к своему бутерброду и забыл про вопрос.

Коварная мысль родилась в моей голове. Может, глава секретных служб специально выдумал эту последнюю теорию, чтобы снять с себя обвинение и отвести подозрение на кого-то другого?

Потрескивающий за спиной мэтра Олборна живой огонек заставил нас забыть об утренней прохладе. Мы заняли свои места. Нотариус надел пенсне, перевернул страницу и приступил к чтению. Мы приближались к концу.

Не оставалось ни малейшего сомнения в том, что убийцей был Фостер. Но какой таинственный персонаж скрывается за этим псевдонимом? Какой дьявольский хамелеон, способный принимать столь разнообразные и неожиданные облики, как старая верующая, нищий, кучер и служащий морга? Кто мог подвергать себя таким трансформациям, создавая иллюзию?

Иллюзия...

Только Гудини был способен вводить в заблуждение свое окружение.

Мне вспомнился один случай. Знаменитый маг был, кажется, очень недоволен, когда его супруга упомянула о его талантах гипнотизера. Может, он избегал этой темы из страха, что его признают виновным? Вопросов оставалось так же много, как в первый день.

Тем не менее у меня на руках были факты, неизвестные мне в то время. Я знал, что Фостер – убийца, что он подолгу следил за своими жертвами и вынашивал страшный план их уничтожения. Более того, вначале он опубликовал все эти преступления в «Фантастике».

Очевидно, он был автором всех писем.

Он знал меня. Может быть, лучше, чем я сам...

Но у меня по-прежнему не было мотива, улики, которая могла бы вывести на него.

Какая связь между Фостером и процессом над лордом Сен-Джеймсом?

Фостер уничтожил всех главных действующих лиц этого процесса: двенадцать присяжных, судью, обвиняемого и адвоката.

Я был уверен, что объяснение снова следует искать в записках доктора Ватсона. Я перечитал абзац, в котором цитировалось письмо Фостера, посланное им в «Фантастику» накануне последнего убийства: «Однако я не монстр. Не думайте, что меня забавляет убийство невинных. Я всего лишь выполняю свое предназначение. Поскольку Бог не услышал мои молитвы, я стал искать справедливости у дьявола. Я сломаю жизнь тем, кто сломал мою. Он убил мою несчастную Эмили, мою нежную, хрупкую возлюбленную, с огненно-рыжими кудряшками и взглядом, полным надежды. Я хочу, чтобы он познал ад. Смерть – слишком мягкое возмездие для подобного убийцы. Его несчастная жена расплатится за него».

Эти преступления были совершены на почве ревности. Значит, Фостер был влюблен в первую супругу лорда Сен-Джеймса, Эмили Сен-Джеймс. Молодая женщина погибает. Фостер убежден, что в ее смерти виновен сам лорд Сен-Джеймс. В качестве гражданского истца он выступил против него на процессе. А на самом деле Эмили Сен-Джеймс, подверженная депрессиям и склонная к самоубийствам, покончила с собой.

Но кем в действительности была эта Эмили с огненными кудряшками? Судя по всему, это была женщина с рыжими волосами.

С глазами цвета надежды... Что он хотел этим сказать? Зеленый – цвет надежды.

Его Эмили была рыжеволосой с зелеными глазами! Конечно же!

Где-то в этом рассказе я уже читал о рыжеволосой девушке с зелеными глазами.

Осталось только вспомнить где.

Я нервно стал перелистывать бесценную рукопись доктора Ватсона.

Шок от моей находки был настолько силен, что я, покачнувшись, упал в кресло как подкошенный.

Мне потребовалось несколько долгих минут, чтобы привести в порядок мысли. Фея с огненными кудряшками сразила меня своей ужасной волшебной палочкой.

Все вдруг стало предельно просто и ясно. Самое невероятное было то, что у нас с самого начала имелось признание виновного. Ватсон записал его черным по белому в своей рукописи.

Я сам десятки раз перечитывал этот отрывок, не обращая на него ни малейшего внимания.

Наконец все прояснилось. Внезапно меня охватило чувство возрождения. Это как освобождение. Новый дух наполнил мое старое тело. Ничто больше не было таким, как раньше. Неужели нужно пройти через такие испытания, чтобы обрести внутренний покой? Теперь все элементы мозаики были у меня. Осталось расположить их в верном порядке, и имя убийцы всплывет само собой. Ни один вопрос не останется без ответа.

Беглец из Миллбэнк? Ловушка, задуманная для того, чтобы навести следователей на ложный след. Фостер похитил жену адвоката. Затем принялся шантажировать его, ускорив его падение и загнав в тюрьму. Потом он пришел в камеру и убил его собственными руками. Перевернутый крест? Другая ловушка, заставившая нас подумать о сатанинском ритуале.

Директор журнала «Фантастика»? Простая пешка. Монстр цинизма, вне сомнения. Волк, полный амбиций, но не убийца. Фостер воспользовался им, чтобы напечатать свои жуткие рассказы в месяцы, предшествовавшие смерти Эмили Сен-Джеймс. Самюэль Боктон был ослеплен успехом и ничего не подозревал. Из номера в номер он публиковал анонсы Ужасных преступлений.

Гарри Гудини, его супруга Бесс и Анна Эва Фэй? Три волоска в супе. Они попали в гущу событий по чистой случайности. Нюх на сенсации заставил мага заинтересоваться происходящим и сотрудничать с полицией. Он просто искал идеи для своих выступлений, не более того.

Роза и Алистер Кроули? Два ясновидящих, которые послужили для того, чтобы отвести подозрения и подпитывать жуткий план Фостера. Впрочем, я и сам наблюдал за Кроули и убедился в том, что этот человек был безобидным идеалистом, взбравшимся на гору утопии с голыми руками и без всяческой помощи. Как Фостер узнал о Кроули? От своего издателя Самюэля Боктона, разумеется. Боктон был близок к Кроули и был частью «Серебряной звезды» с момента ее создания. Он видел в этом возможность приобщиться к высотам спиритических и литературных сфер, к которым всегда стремился.

Корнелиус Хазелвуд и мой брат Майкрофт? Необходимые винтики в адском механизме, придуманном Фостером. Ему была необходима поддержка сверху, чтобы устроиться сторожем-шпионом в Миллбэнк. Фостер наверняка соблазнил Хазелвуда своим расследованием. Хазелвуд, вечно находящийся в поиске сенсационных сюжетов и жадный до славы, заинтересовался хамелеоном. Профессор надавил на Майкрофта, чтобы тот назначил его сторожем в Миллбэнк. Майкрофт наверняка заподозрил обман, если уж Хазелвуд дал согласие на его личную встречу с Фостером. Но мой брат попал под давление профессора и подчинился приказам.

Хиггинс и маленькая банда партизан на Бейкер-стрит? Они сделали то, что было в их силах. Фостер знал их тайник. Переодетый в дьявола, он предстал перед испуганными ребятами. Несчастный Хиггинс твердо поверил в то, что видел, и способствовал укреплению моих сомнений.

Лестрейд? Жалкий полицейский и заложник иерархии. Он был всего лишь покорным агентом Хазелвуда и не рискнул бросить на того тень. Его мозговой механизм с плохо работающими колесами и винтиками не позволил ему ни в чем как следует разобраться. Но даже Лестрейду повезло в этом деле. С каждым новым арестом его слава только росла. Его имя будет увековечено в связи с казнью лорда Сен-Джеймса. Лестрейд был убежден, что поймал Марка Дьюэна, отправив на виселицу бедняка, формально опознанного Компостелом и его подручными. И правда, казалось, была на его стороне, поскольку после этого ареста убийства прекратились.

Ватсон? Мой бедный старик... Вам, возможно, тоже едва удалось избежать кары. Вашей единственной ошибкой в этом деле было то, что вы – мой друг. А что можно сказать о ваших кошмарах, болезнях, лихорадке? Вы употребляли непригодные для вас лекарственные средства, вот и все. Как говорится, сапожник без сапог... Интересно, что каждый раз лихорадка преследовала вас именно после того, как вы приняли лекарство. Впрочем, как и предсказывал один из ваших знаменитых коллег, все ваши беды кончились с приходом весны и прекращением приема лекарств в пагубной комбинации...

А я? Я уже чуть было не стал подозревать самого себя! Но почему Фостер пожалел меня? Нет, он вовсе не пожалел меня! Когда он понял, что бесполезно братья за Ватсона и Майкрофта, он принялся за мой рассудок! Он знал, что проблема, которую я никак не могу решить, может свести меня с ума и уничтожить через наркотики, которыми я злоупотребляю. А тут была не одна, а пятнадцать неразрешимых проблем.

Тяжелое испытание для моего физического равновесия! Впрочем, его затея вполне могла бы

иметь успех. Я чуть было не убил сам себя! Если бы Кроули не уехал в Португалию, одному Богу известно, в каком бы я сегодня был состоянии.

А почему не миссис Хадсон?

Итак, кто же убийца? Это ведь ясно, Фостер. Реджинальд Фостер: вымышленное имя, как это часто делают писатели.

Нужно ли называть настоящее имя того, кто скрывается за этим псевдонимом? Читатели моего завещания должны были уже догадаться, что речь идет о...

Все произошло в мгновение ока.

Майкрофт Холмс направил оружие на нотариуса. Удивление на короткое мгновение появилось на лице Уильяма Олборна. Его левая рука скользнула к выдвижному ящику стола.

– Поднимите руки вверх и не делайте резких движений! – прокричал Майкрофт Холмс.

Двое мужчин смотрели друг другу в глаза.

Лестрейд и я остались в стороне. Наши силы покидали нас. В кабинете царило невероятное напряжение. Нотариус медленно поднял руки за голову. В правой руке он по-прежнему держал рукопись. Станный отблеск появился в его глазах.

– Ваш бой ради чести патетичен и излишен, мистер Холмс. Вы никого не обманете, угрожая мне таким способом. Всем известно, что лучшая защита – нападение.

Затем он подбородком указал на нас.

– Эти господа вправе сделать собственные выводы.

На самом деле эти господа с трудом понимали происходящее. В одном мы были уверены; убийца среди нас. Но кто он?

Майкрофт Холмс по-прежнему целился в нотариуса. Он обратился к нам, не спуская глаз с человека, стоящего перед ним.

– Не слушайте его, он пытается манипулировать вами. Это он убийца. Он только что прочел собственное имя в завещании моего брата.

– В таком случае достаточно прочитайте окончание завещания, чтобы узнать, кто из вас двоих прав, – предложил я.

– Да, и покончить с этими шутками, – сказал раскрасневшийся Лестрейд, на грани истерики.

– Ватсон прав. Отдайте нам документ! – приказал Майкрофт Холмс.

Нотариус опустил правую руку и протянул документ Лестрейду. Полицейский поднялся и протянул руку, чтобы взять бумаги. При этом он прошел мимо Майкрофта Холмса и создал что-то вроде невольного экрана между оружием и нотариусом.

События развернулись в долю секунды. Нотариус резко повернулся и бросил драгоценный эпилог в огонь. Бумага вспыхнула, как солома. Мы не успели помешать ему. Я поспешил к камину, чтобы спасти то, что еще могло остаться, когда почувствовал, что мэтр Олборн держит нас под прицелом. Воспользовавшись суматохой, он подобрался к своему оружию и теперь целился в нас.

– Это действие говорит лучше всяких улик, – объявил Майкрофт Холмс, как вердикт. – Бросьте оружие, с вами покончено, старина.

Дула обоих пистолетов враждебно смотрели друг на друга.

– Это не так. Теперь мы равны. У вас нет против меня ни малейшего доказательства. Я сжег бумагу с единственной целью отвлечь вас.

Я должен был встать на сторону одного из них. Я помню, что говорил мой несчастный друг: «Вы никогда не брали инициативу в свои руки, Ватсон». На этот раз мне предстояло действовать быстро и безошибочно. Пришло время выбрать свой лагерь.

Мысли проносились в голове с быстротой молнии. Чего бы ожидал от меня мой друг в подобной ситуации? Мне вспомнились слова из завещания: «Моему дорогому брату я оставляю мои методы, они ему послужат хорошую службу в нужный момент». Шерлок Холмс знал, что его брат – единственный из нас троих кто будет в состоянии разоблачить преступника. Зачем мэтр Олборн сжег документ, который мог подтвердить его невиновность? Олборн был убийцей, хотя я и не понимал тогда, как это вообще возможно.

Во мне крепла уверенность. Я принял решение.

Мое движение было быстрым и точным. Тяжелая головка моей трости опустилась на руку нотариуса, который, вскрикнув от боли, выронил оружие. Пистолет упал на пол, я тотчас же подхватил его. Теперь на нотариуса были нацелены два дула. Мое еще дрожало из страха, что я совершил непоправимую ошибку.

– Свяжите его, – приказал Майкрофт Холмс, указывая нам на шторы.

Его голос был настолько властным, что я сразу понял, что встал на сторону правосудия. Лестрейд и я крепко привязали нотариуса к его креслу.

Его губы скривила циничная улыбка.

– И что вы собираетесь теперь делать, господа? Доказательства обратились в прах.

Майкрофт Холмс загадочно улыбнулся.

– Вы так в этом уверены? Вернемся к началу нашего собрания. Помните, что сказал клерк, который в первый раз принес нам пищу? Он сказал: «К этому завещанию есть приложение, которое принес курьер, и конверт, адресованный вам лично». Предлагаю вам посмотреть, что содержится в этом пакете.

Майкрофт Холмс направился к маленькому столику, где все это время находились завещанные Шерлоком Холмсом мэтру Олборну бумаги. Он разрезал шнур, который связывал бумагу, и прочел первую страницу:

– Все именно так, как я сказал. Шерлок сделал копию своего завещания, я цитирую: «...на случай, если мэтру Олборну придет в голову дурная мысль уничтожить его, прежде чем прочесть».

Лицо обвиняемого исказилось. Беспокойство отразилось в его глазах. Он пробормотал несколько слов, будто подводя для самого себя мрачный итог:

– Не имеет значения, я достиг своей цели. Да, я убил всех этих людей. Им всем пришлось страдать так же, как мне. Я отомстил за мою дорогую и нежную Эмили и горжусь этим.

Майкрофт Холмс положил листок на стол.

– Мне нет необходимости читать это, чтобы раскрыть эту тайну. Впрочем, доктор Ватсон уже все описал в своем рассказе. Я предпочитаю опираться на его слова, как это делал Шерлок Холмс.

Майкрофт Холмс взял мою рукопись, пролистал ее и остановился на какой-то странице.

– Убийца появляется в самом начале истории. Позвольте напомнить вам этот отрывок. Мэтр Олборн пришел к доктору Ватсону. Он читает рассказ, в котором речь идет о знаменитой Ирэн Адлер. Послушайте, что сказал мэтр Олборн по поводу Ирэн Адлер:

«– Эта Ирэн Адлер. Какая исключительная женщина! Я проглотил вашу историю так, будто читал ее впервые, доктор Ватсон.

Мэтр Олборн казался очень взволнованным.

– Ваше описание мадемуазели Адлер, этой великолепной молодой женщины с волосами цвета меди и изумрудными глазами, получилось более трогательным, чем в первой версии. Такой она во всем напоминает мне мою возлюбленную.

– Ваша возлюбленная, должно быть, очень красива, – ответил я, еще не проснувшись до конца.

– Да, была.

– Надеюсь, с ней не случилось ничего досадного.

– Она умерла.

Лучше бы мне было промолчать. Наступившая тишина затянулась. Затем нотариус заговорил, будто обращаясь к самому себе.

– Вы не могли знать. Она разбилась, упав из окна своей усадьбы.

Я прокашлялся, соображая, как вести себя дальше.

– Это был... несчастный случай?

– Кроме нее этого никто точно не знает, а она уже ничего не расскажет. Подозревали одного ее знакомого, но суд признал его невиновным.

– Это... так ужасно... – бормотал я, побагровев от смущения».

Майкрофт Холмс пристально посмотрел на нотариуса.

– Вы рассказали Ватсону о вашей страсти к этой женщине. Более того, вы описали ее внешность и обстоятельства смерти. Не так ли, мэтр Олборн?

– Точно. Мне не следовало быть таким откровенным. Я слишком чувствителен, как вы видите.

– Я в этом не сомневаюсь. В любом случае мой брат, у которого иногда случались проблиски, очень ловко обнаружил связь между этой Эмили «с медными волосами и изумрудными глазами» и той, о которой вы говорите в своем письме: «моя несчастная Эмили, моя нежная и хрупкая возлюбленная с огненными волосами и взглядом, полным надежды». Медь и огонь означают рыжие волосы, изумруд – это надежда, цвет глаз.

Майкрофт Холмс перевернул еще несколько страниц.

– Но это еще не все. Нам известна точная причина, почему вы были сердиты на моего брата. Шерлок, кажется, ни в грош не ставил ваши тайны, которые он называл «чтение между двумя зевками».

Молния сверкнула в глазах нотариуса.

– Шерлок Холмс презирал мои просьбы, как и самого меня. А я восхищался им как богом. Он был моим идолом и образцом. Он наполнил мои сны и разжег мое воображение. Я изучал его труды от корки до корки.

Уильям Олборн сглотнул, пытаясь бороться с приступом ненависти, которая схватила его за горло.

– Я обратился к нему за помощью, чтобы доказать виновность лорда Сен-Джеймса. Он один мог пролить свет на это дело. Он был моей последней надеждой. Но ваш брат каждый раз отказывался, говоря, что у него много работы. Он должен был заплатить за это, как все остальные. На самом деле он был всего лишь эгоистичным и циничным чудовищем. То, что он презирал меня, бог с ним, но то, что он отказался помочь мне отдать должное моей Эмили, – этого я не мог принять.

– Шерлок пришел бы к тому же заключению, что и судья, и присяжные.

Майкрофт Холмс четко выговаривал каждый слог:

– По той единственной причине, что лорд Сен-Джеймс не убивал Эмили, свою первую жену. И вам это хорошо известно.

Лицо нотариуса стало непроницаемым. Он отказывался слушать правду. Его взгляд терялся в бесконечности.

Майкрофт Холмс повернулся к нам.

– Итак, Уильям Олборн решил наказать Шерлока за то, что тот не помог ему. Наш друг знал рассказы доктора Ватсона почти наизусть. Но вот мой брат объявляет в «Собаке Баскервилей»: «Скромным способом я смог побороть зло, но если мне предстоит встретиться с самим дьяволом, то дело обещает быть по-настоящему претенциозным...» Он поймал его на слове и устроил ему встречу с самим дьяволом.

Майкрофт Холмс подошел к убийце. Его голос звучал серьезно, как во время гипноза:

– Как вы познакомились с Эмили Сен-Джеймс?

Услышав это имя, нотариус вернулся к нам из других миров.

– Я улаживал разные юридические дела для лорда Сен-Джеймса. Так я и познакомился с его супругой. Наша страсть вспыхнула мгновенно и была обоюдной.

– Вы часто виделись с молодой женщиной?

– Да. У нас были бурные отношения в течение восьми месяцев. Она ждала от меня ребенка. Моего ребенка.

Майкрофт Холмс еще больше понизил голос, как аббат, принимающий исповедь.

– Расскажите нам об этом. Как вам удавалось встречаться с Эмили Сен-Джеймс и не вызывать подозрений ни у ее мужа, ни у домашних?

Глаза связанного по рукам и ногам нотариуса заблестели, когда перед ним возникло прошлое.

– Наша связь была запретной. Нам постоянно приходилось прятаться. Но Эмили обнаружила в своей комнате потайной ход. Огромная буколистическая фреска была подвижной, стоило только повернуть ручку, спрятанную в камине. За ней находился туннель, который вел к маленькой часовне, расположенной вблизи замка. Этой дорогой я приходил к ней под покровом ночи, как только ее муж-вампир удалялся.

– Этот секретный ход, этот замок, запретная любовь... все это возбуждало ваше романтическое воображение, не так ли?

– Нам было суждено испытать настоящую страсть. Эмили была воплощением идеальной принцессы из сказок моего детства. Я будто заново родился. Все, что я видел в мечтах, стало явью. До того момента вся моя жизнь проходила в смертельной тоске этого кабинета, где я веду юридическую практику. Вы понимаете?

Майкрофт Холмс кивнул и жестом предложил продолжить рассказ.

– Много раз я хотел похитить ее. Но она не решалась, поскольку опасалась реакции мужа.

– Лорд Сен-Джеймс проявлял по отношению к ней насилие?

– Нет, но он был очень коварным. Он сделал из нее культ и превозносил как святую.

– Вы говорили, что лорд Сен-Джеймс убил свою жену...

Нотариус покраснел.

– Конечно. Она умерла от избытка его любви.

Его лицо исказилось от боли. Крупные слезы потекли по щекам. Я тысячу раз проклинал кровавого убийцу, скрывавшегося за всеми этими преступлениями, но теперь, глядя на него, не испытывал к нему ненависти. Его горе было искренним. Уильям Олборн был патетичным, заживо замурованным в собственных фантазиях заложником несбывшихся надежд печального детства.

Майкрофт Холмс повернулся к нам.

– Оставим его. Думаю, теперь мы знаем достаточно. Впрочем, от меня почти ничто не ускользнуло во время чтения рассказа доктора Ватсона. Шерлок возложил на меня большую ответственность. «Моему дорогому брату я завещаю мои методы, которые сослужат ему добрую службу в нужный момент». Я не исключал возможности того, что убийца находится в этом кабинете...

– Вы невероятны! – воскликнул я.

Майкрофт Холмс заговорщицки подмигнул мне.

– Это у нас семейное. Незаметно для вас я наблюдал за всеми, не исключая и нотариуса. Я ловил малейшие ваши реакции, чем и объясняется мое молчание. Несколько раз мне показалось, будто я заметил удивление мэтра Олборна во время чтения. Этот рассказ затрагивал его за живое, и он не мог остаться безучастным. Он напряженно переживал свои преступления заново, убежденный, что мой брат никогда не разоблачит преступника.

Полицейский скептически почесал подбородок.

– Когда вы начали подозревать нотариуса?

– Должен признать, что мои подозрения проснулись слишком поздно, Впрочем, в чем-то благодаря вам.

Лестрейд вздрогнул.

– Мне?

– Да. Вы выдвинули против меня серьезные обвинения. Думаю, ваши слова опережали ваши мысли, как обычно. Хорошо, что ваша агрессивность находит выход.

Лестрейд опустил глаза. Крыса улыбалась.

– Было поздно. Я устал. И... этот кофе... Мои нервы будто оказались на поверхности кожи. Я не знал, что говорил. Прошу вас принять мои извинения.

– Я не сержусь на вас, Лестрейд. Все мы были немного не в себе. Я был вынужден защищаться от ваших обвинений. В свою очередь я обвинил мэтра Олборна в совершении убийств, пытаюсь показать вам, что подозревать можно кого угодно, стоит только немного напрячь воображение. Мои обвинения были самой настоящей показухой. Тогда я и не думал подозревать нотариуса. Но его реакция была неожиданной. Он будто испугался. И я решил расставить ему сети, попросив высказать его предположение.

– Я помню. Он утверждал, что преступления – дело рук дьявола. Забавно!

– И не только это. Вспомните, он пытался убедить нас в сверхъестественной подоплеке этих преступлений. Только убийца мог поддерживать эту версию.

Майкрофт Холмс положил ладонь на копию приложения, подготовленного его покойным братом.

– Я вспомнил и другую деталь. Постарайтесь напрячь память. Мэтр Олборн предложил перенести чтение приложения на неопределенный срок под предлогом того, что уже поздно. Я использовал всю силу моего убеждения, чтобы заставить его продолжить работу. С тех пор нотариус больше не пытался пойти на попятную. Он продолжал читать до тех пор, пока не увидел собственное имя. У него, загнанного в ловушку, оставался лишь один выход: уничтожить документ, который он держал в руках. Возвращаясь к прочитанному, я вспомнил также, что не кто иной, как мэтр Олборн, принес моему брату рассказ, напечатанный в «Фантастике». Если бы не ниспосланная провидением миссис Хадсон, конверт отправился бы в архивы Шерлока.

Глава тайных служб удобно устроился в своем кресле.

– Ну вот. Теперь, как я полагаю, все сказано.

Лестрейд нахмурил брови.

– Остались еще темные пятна...

В устах полицейского эти слова были похожи на эвфемизм.

Майкрофт Холмс удивился:

– У вас все еще остались сомнения, Лестрейд?

– Нет, нет. Просто хотелось уточнить кое-какие детали.

Холмс соединил кончики пальцев. Ироническая улыбка заиграла на его губах. На короткий миг мне показалось, что я вижу моего старого друга.

– Какие же, друг мой?

– Зачем Уильям Олборн опубликовал в «Фантастике» свои преступления?

Нотариус подскочил, будто дух вернулся в его тело.

– «Фантастика»! Это я все написал. Да. Реджинальд Фостер – мой писательский псевдоним. Я хотел доказать Шерлоку Холмсу, что мои загадки не хуже его. Мне это удалось, не так ли?

– Несомненно, – подтвердил Майкрофт Холмс.

– Но зачем публиковать все эти рассказы в книге Корнелиуса Хазелвуда? – не унимался Лестрейд.

– Это была не моя инициатива, – ответил нотариус. – Но Хазелвуд требовал от меня все больше. Мне нужно было угодить ему, чтобы завоевать его доверие. Он был нужен мне для

того, чтобы реализовать мой план. Только он один мог назначить меня сторожем в Миллбэнк. И снова его взгляд унесся в параллельный мир.

– Я не чудовище. Я сделал все это из любви к Эмили.

Лестрейд повернулся к Холмсу, прищурив глаза.

– Если подвести итог, то Олборн сам совершил все эти преступления. Фостер и Олборн – одно лицо!

– Прекрасный итог! – воскликнул Майкрофт Холмс.

– А я совершил ужасные судебные ошибки.

– Теперь зато вы понимаете, почему мой брат написал в своем завещании: «Дорогому Лестрейду, полицейскому, исполненному уверенности и полному всяческих убеждений, я завещаю свои сомнения и сожаления».

Полицейский побледнел. Его позиции рухнули. Его убеждения лопнули, как мыльные пузыри.

– Но как мэтр Олборн дошел до такого?

– Мы можем это легко себе представить. После процесса над лордом Сен-Джеймсом у мэтра Олборна началась депрессия. Должно быть, его страдания были невыносимыми. Он потерял ту, которую любил, и навсегда лишился радости отцовства. Может быть, на какой-то момент у него возникла мысль о самоубийстве. Но ненависть дала ему силы жить. Для него было невыносимо думать о том, что виновники его несчастья продолжают жить спокойно и счастливо.

– Виновники его несчастья? Вы имеет в виду лорда Сен-Джеймса и его адвоката, судью, двенадцать присяжных и самого Шерлока Холмса?

– Совершенно верно. Олборн стал разрабатывать план мести. В течение трех долгих лет он изучал жизнь будущих жертв. Он стал внимательным соседом четы Барнсов, священником, другом и поверенным старой няни судьи Ричмонда, Джеком-Попрошкой, следившим за всеми передвижениями маленькой Мэри Кинсли... Он вошел в жизнь этих людей и для каждого из них разработал жуткий план.

Внезапно мне вспомнились слова Олборна: «Я даже ходил на курсы рисования и в театральные кружки. Мои педагоги были очень довольны моими успехами».

Лестрейд продолжал прояснять свои темные места.

– Почему бы ему не убить их сразу, раз уж он так близко к ним подобрался?

– Он не хотел. Он сам написал, что смерть будет для них слишком мягким наказанием. Настоящие жертвы – те, что остаются, не правда ли, доктор Ватсон?

Майкрофт Холмс имел в виду мою мысль, которая наградила меня громким титулом «самого настоящего гения». В знак согласия я кивнул, испытывая гордость от своего спонтанного открытия.

Полицейский внезапно воодушевился:

– Да, да, признаю. Я ошибался с начала до конца. Но зачем все эти кровавые спектакли? Он задушил женщину ее же внутренностями. Он намазал лицо несчастной пленницы медом и оставил ее на радость паразитам. Он заживо захоронил детей, привязав их к полуразложившимся трупам. Он проткнул девочку перевернутым крестом, и бог знает что еще. Зачем все эти отвратительные спектакли?

Полицейский задыхался. На висках блеснули крупные капли пота. Он пришел в иступление, оставленный один на один со своей совестью, преследуемый чередой собственных ошибок.

– Успокойтесь, старина. Мы не в силах что-либо изменить. Все уже в прошлом. Я попытаюсь объяснить вам, почему Уильям Олборн действовал так жестоко. Кончина Эмили Сен-Джеймс сильно травмировала его. Обстоятельства ее смерти упоминались на процессе лорда Сен-Джеймса.

Глава тайных служб раскрыл страницу моей рукописи.

«Она спрыгнула с высоты около десяти метров и упала на железную решетку, находящуюся под окнами ее комнаты. Она умерла не сразу. Многие тщетно пытались вернуть ее к жизни. Это никому не удалось. Ее агония длилась около часа». Уильям Олборн, возможно, и не присутствовал при этом, но узнал о произошедшем из газет. Он пережил страшный шок. Образ пронзенного тела, бьющегося в смертельной агонии, навсегда засел в его больной голове. Он хотел подвергнуть подобным страданиям и своих жертв. И он дал свободный ход своей болезненной фантазии. Он разработал сценарии смертей и снабдил рассказы очень точными рисунками.

Вдруг меня будто парализовало, будто сжало корсетом ужаса. Я понял смысл его фразы: «Конечно, я не забывал собрать немного крови в сосуд. Это позволит мне восхищаться содеянным до конца моих дней». Охра, красный и коричневый цвет наполнили мое сознание, вызвав приступ тошноты. Мне показалось, что я чувствую запах крови, совсем рядом. Мой желудок перевернулся. Мой рот внезапно наполнился слюной. Я поднес платок к губам.

Однако я смог побороть отвращение. Я повернулся к стене, готовый увидеть ужасную правду.

Напуганные Лестрейд и Холмс последовали за моим взглядом. Выражение их лиц свидетельствовало о том, что они поняли меня.

Дьявольская улыбка исказила губы Уильяма Олборна.

– Да, господа. Эти картинки я нарисовал кровью своих жертв. Я воспользовался идеями, изложенными Томасом Де Кинсли в его блестящей работе «Об убийстве как об одном из искусств». С тех пор на протяжении многих лет я наслаждался спектаклем моей мести. Мои посетители, включая вас сегодняшним утром, тоже получили от этого большую выгоду. Вам было достаточно расшифровать последнее сообщение под коркой засохшей крови, поймать аллегорию, метафору. Понять красоту, скрывающуюся под маской ужаса.

Нотариус уронил голову на грудь, будто каждое возвращение в разумный мир причиняло ему боль.

Лестрейд сморщил лоб. Затем он поспешно раскрыл окно, полной грудью вдохнув свежий утренний воздух. Мягкий воздух нежно коснулся моего лица. Я тоже сделал глубокий вдох.

Напряжение мало-помалу спало. Мне не терпелось покончить с этой мерзостью. За нашими спинами страшные полки, заставленные яркими сосудами, распространяли волны ужаса и скверны.

Холмс выпил стакан воды и живо продолжил объяснение:

– Уильям Олборн предложил свои тексты многим издателям, но все они отказали ему. Только Самюэль Боктон, директор «Фантастики», согласился опубликовать их, поскольку они идеально вписывались в контекст его издания, как он его видел. Боктон рассказал ему о своих друзьях, Розе и Алистеру Кроули, из ордена «Серебряная звезда». Уильям Олборн держал их за первых козлов отпущения. Он же придумал и историю о сатанинской секте. Для совершения многих своих преступлений он переодевался в сатану и на месте преступления оставлял перевернутые кресты. Продолжение вам известно. Я ответил на все ваши вопросы?

Лестрейд робко поднял руку, как в школе.

– Я все же не понимаю, зачем Олборну так хотелось опубликовать эти документы?

– Он уже ответил на этот вопрос. Так он пытался воздать должное той, которую любил. Что до меня, то я вижу тому еще две причины. Мы знаем, что Уильям Олборн мечтал о карьере писателя или художника. «Все, кроме нотариуса!» – признался он доктору Ватсону. Эти публикации дали ему возможность проявить свои способности, которым так долго не было выхода. Вторая причина: он хотел спровоцировать Шерлока Холмса в его собственной области, предоставив ему решать неразрешимые загадки. Так он отомстил ему. Вы ведь помните историю с дьяволом...

– У него был лучший способ навредить вашему брату, – заявил Лестрейд.

– Разве?

– По всей логике, если следовать избранному им способу, он должен был приняться за вас и доктора Ватсона.

– Нет. Шерлок предчувствовал опасность. Он понял, что преступник знает его, раз пытается изменить свой почерк. Мой брат ведь объявил во всеуслышание, что не чувствует к нам ни малейшей привязанности. С тех пор у Олборна отпала всякая необходимость убивать нас.

Лестрейд оставался в задумчивости.

– Но как же так получилось, что ваш брат не смог раньше разрешить эту загадку? Когда он спустя годы взялся за перо, все разрешилось само собой, будто чудом.

Майкрофт говорил, как профессор, обращающийся к несообразительному студенту.

– Нет никакого чуда, дорогой Лестрейд. В годы, когда совершались преступления, Шерлок находился под сильным воздействием наркотических средств. Ему не хватало ясности ума. Полиция перестала доверять ему. Двери администраций для него закрылись. Ему запретили доступ ко многим досье. И лишь через много лет, избавившись от этой пагубной привычки, он смог посмотреть на каждое дело с прежней ясностью. Впрочем, это было вовсе не так просто, как вы полагаете. На то, чтобы добраться до истины, ему потребовались долгие годы расследований.

– Но почему он не рассказал об этом полиции?

– Возможно, было уже слишком поздно. Силы покидали его, здоровье ухудшалось, и он выбрал форму завещания. Или же...

– Или же?

– Или он боялся, что полиция предпочтет замять это дело, чтобы избежать скандала.

Первый полицейский Лондона опустил глаза.

За этой наставнической фразой последовало долгое молчание.

Привязанный к креслу, мэтр Олборн улыбался ангелам или, скорее, демонам. Он будто удалился от нас как если бы воспоминания об этой страшной истории уничтожили последние ростки разума в его болезненном мозгу. Его взгляд светился то ужасным безумием, то почти детской невинностью.

Лестрейд, в глазах которого промелькнул лишь слабый отблеск ума, внезапно поднялся и смешным жестом указал на нотариуса.

– Мэтр Уильям Олборн, я арестовываю вас за совершение преднамеренных убийств.

Олборн никак не отреагировал. Он безвозвратно погрузился в пучину безумия.

Занавес упал.

Спектакль кончился.

Я должен был обрадоваться аресту убийцы, но на самом деле я был счастлив лишь от одной мысли: мой старый друг Шерлок Холмс отдалил меня от себя с единственной целью – спасти меня.

Лестрейд вызвал полицейскую машину и вывел обезумевшего мэтра Олборна под недоверчивые взгляды зевак.

Майкрофт Холмс поймал экипаж. Прежде чем сесть в него, он обернулся ко мне.

– Я еду в клуб «Диоген». Хотите, подвезу вас, доктор Ватсон?

– Нет, спасибо, мне нужно немного размять ноги. Это лучшее средство против артрита.

Экипаж тотчас же влился в общий поток, который к тому времени стал уже бурным.

Я остался один на улице с завещанной мне Шерлоком Холмсом скрипкой в руках. Я посмотрел на часы: десять утра! Небо было ясным, по нему проносились редкие облака, не затмевая весеннего солнца. На секунду этот яркий свет ослепил меня, и я почувствовал его тепло, как раньше, до того как фабрики Ист-Энда наполнили атмосферу едким дымом.

Мимо меня спешила шумная разношерстная толпа. Было впечатление, будто я родился заново. Я снова увидел свой Лондон. Город, в котором провел лучшие годы жизни рядом с моим знаменитым другом. Каким же далеким казался мне теперь Лондон – Пандемониум Кроули! Повсюду я чувствовал радостное возбуждение первых дней весны.

Группа детей бегом пересекла улицу. Остальные играли на тротуаре, не обращая внимания на уличную суматоху. Все они показались мне необычайно симпатичными и смысленными. Они были достойными преемниками Хиггинса и его славной банды.

Лондон-космополит, Лондон божественный, Лондон захватывающий окутал меня пеленой запахов, звуков и цветов. Лондон, постоянно изобилующий жизнью и новыми идеями. Каждое существо на бульваре казалось мне привлекательным.

Я поравнялся с группой монахов-буддистов, идущих гуськом в самом центре толпы. Их оранжевые тоги отражали солнечные лучи. Один из них слегка коснулся меня рукавом и заговорщицки подмигнул мне. Я ответил ему тем же и посторонился, чтобы дать дорогу их маленькому медитативному паровозу. Недалеко от тротуара мужчины, женщины и дети ожидали продавца горячих каштанов. Я прошел мимо. Еще дальше продавец газет выкрикивал:

– Граф Фердинанд фон Зеппелин приземлится в Гайд-парке с самым большим дирижаблем в мире! Покупайте «Таймс»! Самый большой дирижабль в мире совершит посадку в Лондоне!

Человек с великолепным тюрбаном на голове, оправленным рубинами, и одетый, как индийский принц, вошел в магазин дорогих украшений в сопровождении целой армии прислужниц и женщин, чьи лица были закрыты вуалью.

Прошли двое мужчин в черных костюмах и с замкнутыми лицами. Опустив головы, они рассекали толпу. Наверное, боялись опоздать на какую-то деловую встречу. Мне же некуда было торопиться...

Внезапно солнце исчезло, и улица погрузилась в сумерки. Я решил, что наступило солнечное затмение. Я поднял глаза и затаил дыхание. Раздался радостный гул. Время, казалось, остановилось. Все бросили свои дела и устремили глаза в небо, восхищаясь невероятной машиной, которая только что затмила наше светило.

Стометровый дирижабль медленно скользил над крышами домов. Вне сомнения, когда-нибудь он неизбежно совершит посадку. Дирижабль величественно проплыл под громкие крики и свист восхищенной публики. Вновь появилось солнце, и улица пришла в движение.

Пережив этот взрыв эмоций, я неожиданно поймал себя на мысли:

Этот монах! С чего это он подмигнул мне? Впрочем, может, он и не подмигивал, а просто прищурился от яркого солнца? А еще...

Я едва разглядел его лицо. Однако его походка и движения были мне знакомы...

Шерлок Холмс!

Я перешел на бег, рассекая толпу и расталкивая людей и прилавки.

– Вы видели сейчас группу буддистских монахов? – обратился я к продавцу каштанов.

– Кого?

– Монахов!

– Нет, но у меня есть горячие каштаны.

Я продолжал свой путь, периодически спрашивая или бродячих торговцев, или детей, играющих в классики.

– Группу булистов, господин?

– Нет, буддистов!

– Не видел.

Я, сбитый с толку, остановился. Скрытое воспоминание пронзило мой мозг, как стрела центр мишени.

Старый лакей с седыми волосами в кабинете нотариуса. Он предложил мне единственные блюда, от которых я был не в силах отказаться, будто он годами изучал мои гастрономические пристрастия, и добавил заговорщицким тоном: «Разумеется, фаршированные перепела и савойский пирог не идеальное меню на вечер, но таков приказ, доктор Ватсон».

Это слово в слово та фраза, которую как-то вечером после обеда произнес Холмс.

Простое совпадение?

А тот мужчина с поленом? Он бросил в огонь огромное полено и сказал мне, будто мы с ним старые друзья: «Сильный огонь в камине ослабит ваш ревматизм, доктор Ватсон. Я знаю, о чем говорю».

Как он узнал, что я страдаю ревматизмом? Он понял это, взглянув на трость, прислоненную к моему креслу? Или увидел, как я массирую колени?

На мгновение я остановился, запыхавшись, и пошел дальше спокойным шагом, опираясь на трость.

Зачем бегать за выдумкой?

Лучше я сохраняю теплые воспоминания о моем друге.

Кто знает, что мне еще уготовано?

Тот дьявол Гудини был прав: важно не то, что видишь, а то, во что веришь.

Примечания

1

Ист-Энд – восточная (беднейшая) часть Лондона.

Кровавая башня – по преданию, в ней утертвили наследных принцев, детей Эдуарда IV

Эдвард Александр (Алистер) Кроули (MisterCrouli) (12.10.1875 – 1.12.1947) – основатель и лидер учения магического ордена телемитов, писатель и философ. В 1903 году Кроули женился на Розе Келли. Кроулианство – идейная основа молодежной контркультуры 1960-х годов.

В духе театра Гран-Гиньоль: страшный и смехотворный одновременно

Общество соблюдения дня Господня – пуританское общество, отстаивает святость воскресенья и борется против развлечений, спортивных встреч в этот день. Основано в 1831 году.